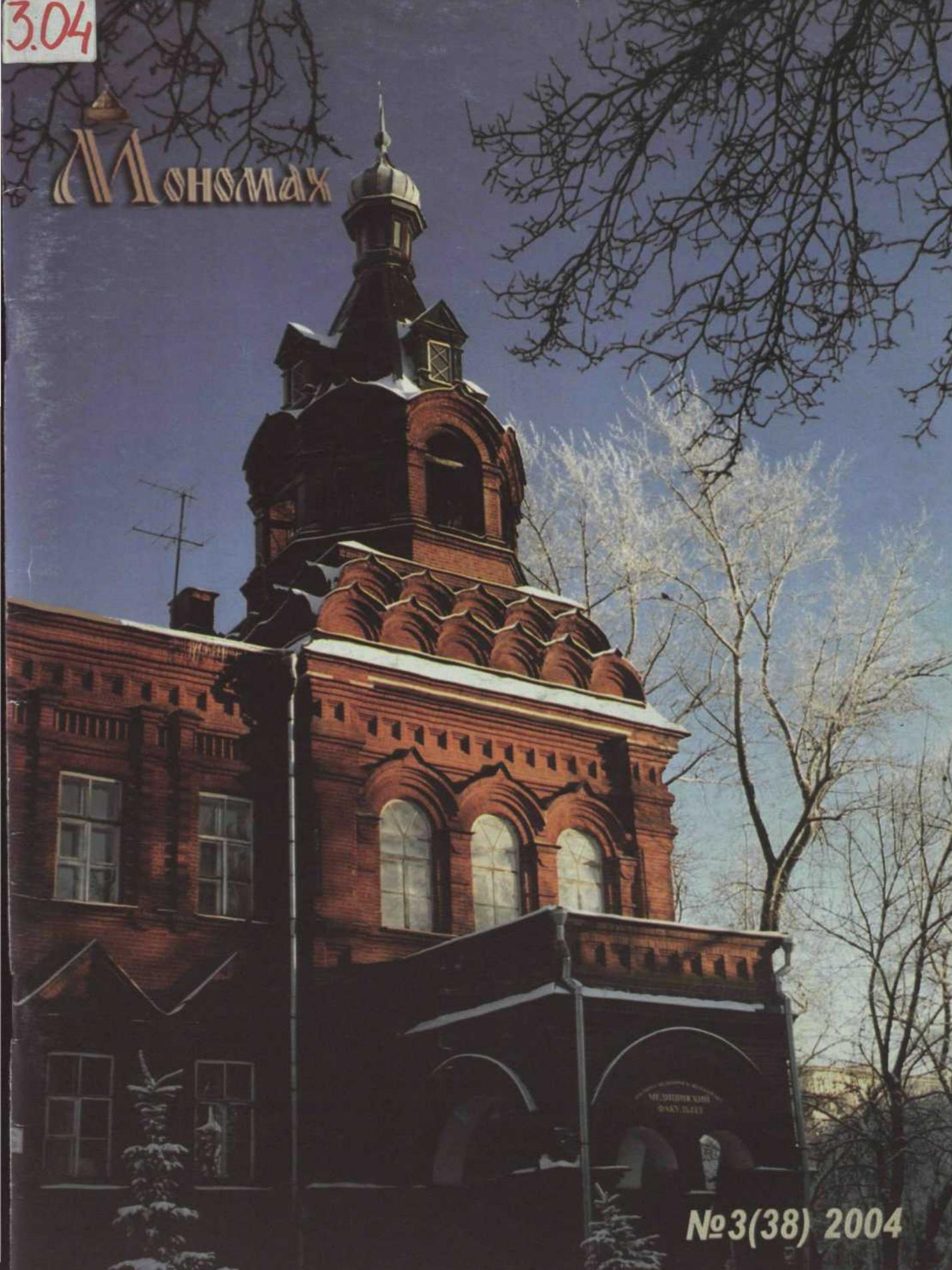

3.04

Монгомак

№3(38) 2004

*М*узей – это праздник, открытие, удивление, счастье и радость познания.

Музей – это удивительное место, полное подсказок и разгадок ко всем тайнам мира. Прикоснуться к ним, узнать на толику больше можно, сделав шаг к музею.

Музей помогает нам приподняться над обыденностью, оглядеться и порадоваться, что ты способен чувствовать, восторгаться, любить, совершенствоваться, становиться мудрее, чище и добрее.

И хочется верить, что путь к познанию мира, к пониманию своего предназначения в нем будет счастливым и радостным благодаря музею.

Рауля Салахова,
зам. директора Государственного
историко-мемориального заповедника
“Родина В.И. Ленина”

Музей "Симбирская классическая гимназия"

Музей "Градостроительство и архитектура Симбирска-Ульяновска"

Музей "Симбирская чувашская школа"

20 лет

Выставочный зал ГИМЗ "Родина В.И. Ленина"

Музей "Метеорологическая станция Симбирска"

заповеднику

Историко-архитектурный комплекс "Симбирская засечная черта"

"Мелочная лавка", "Столярная мастерская"

Музей "Народное образование Симбирской губернии в 70-80-е гг. XIX века"

Ульяновская областная научная библиотека им. В.И. Ленина

Музей городского быта "Симбирск к. XIX - н. XX вв."

А.Н. Зубов, директор ГИМЗ
"Родина В.И. Ленина"

Р.Х. Салахова, зам. директора ГИМЗ
"Родина В.И. Ленина"

И.Ф. Макеева, зав. музеем
"Симбирская классическая гимназия"

20 лет назад в самом центре Ульяновска возник Государственный историко-мемориальный заповедник – "Родина В.И. Ленина". Сегодня жизнь города немислима без этого уникального музейного комплекса под открытым небом. Настоящий музейный бум, охвативший в последние годы Ульяновск, – это реальные шаги молодого, но уже зрелого юбиляра.

Беседа с директором заповедника "Родина В.И. Ленина" прерывается телефонными звонками и попыткой сотрудников или посетителей прорваться в кабинет начальства. Александр Николаевич Зубов не раздражается, быстро решает вопросы и тут же включается в дальнейший разговор: как развивался заповедник, как открывались один за другим музеи, за короткий срок снижавшие любовь ульяновцев. Понятно, какой титанический труд стоит за всем этим, сколько переживаний и нервов – за каждым сохраненным зданием-памятником, отвоеванным у новой агрессивной эпохи. Но говорится об этом легко и непринужденно, с юмором и шуткой, и только в конце – с грустной улыбкой: "Живу по принципу: торопись сделать все, что можешь, – каждый день может стать последним".

Сохранить для потомков

Государственный историко-мемориальный заповедник "Родина В.И. Ленина" был создан в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 2 октября 1984 года. У этого события есть своя предыстория. В конце 70-х – начале 80-х годов известный краевед С.Л. Сытин начал бить тревогу по поводу исчезновения старого облика Симбирска, он обращался с письмами в Ульяновский обком партии, и даже в ЦК, предлагал создать заповедник, чтобы сохранить историческую среду в центральной части города. Предложения краеведа не находили отклика у властей, пока в Ульяновске не появился Г.В. Колбин. Новый секретарь обкома партии выдвинул специальную программу развития: "Родина В.И. Ленина – 125", ее подписал один из секретарей тогдашнего ЦК КПСС М.С. Горбачев, и в Ульяновск потекли из Москвы немалые деньги. Так неожиданно был решен вопрос и о создании в Ульяновске историко-мемориального заповедника "Родина В.И. Ленина".

Оказалось, что за этим прекрасным начинанием кроется огромная масса проблем, связанных с уникальностью заповедника, созданного не в бывшей усадьбе или в отдельном селе, как, например, Ясная Поляна, Тарханы, Болдино, а в самом центре города. Подобного опыта в России не было.

В 1988 году директором заповедника был назначен Александр Николаевич Зубов. Уже через год в Ульяновске открылся музей "Симбирская классическая гимназия", а следом – музей "Симбирская чувашская школа", восстановлены и приспособлены для училища культуры пять корпусов

зданий, проведена реставрация здания Дворянского собрания, Карамзинской библиотеки, Марининской женской гимназии, отреставрированы ряд объектов жилой исторической застройки. И все это в течение двух лет!

Потом в состав заповедника вошел музей "Народное образование Симбирской губернии в 70-80-е гг. XIX века", в так называемом "верхнем корпусе" чувашской школы создан мемориальный музей И.Я. Яковлева, а в 1998 году открыт музей "Метеорологическая станция Симбирска", где позже начал функционировать планетарий. Быстро снижали любовь горожан музей городской быта "Симбирск конца XIX – начала XX вв.", историко-этнографический комплекс "Торговля и ремесла Симбирска" и музей "Градостроительство и архитектура Симбирска-Ульяновска". Археологические раскопки на территории заповедника позволили восстановить участок древней оборонительной линии – Засечную черту. А совсем недавно открылся музей "Симбирская фотография", вызвавший восторг ульяновцев. Ныне на территории заповедника действуют 10 музеев, по новому раскрывших среду и облик старого Симбирска.

Сначала территория заповедника составляла менее 50 гектаров, ныне его схема охватывает 175 гектаров! Здесь расположены исторические памятники, и задача заповедника – не допустить их разрушения или сноса. Специалисты осуществляют учет памятников, разработку проектов реставрации и восстановления зданий, ведут научно-исследовательскую работу. За последнее время выявлено и подготовлено к постановке на государственный учет более сорока памятников.

Рассказывает директор Государственного историко-мемориального заповедника "Родина В.И. Ленина" Александр Николаевич Зубов.

- С 1996 года в заповедник горюдом не вложено ни рубля – финансирование осуществляется Министерством культуры РФ.

Иногда складывается впечатление, что для Ульяновска заповедник – инородное тело, которое мешает его развитию и застройке, особенно в центральной части. А центр – это лакомый кусок для предприимчивых людей. Чтобы купить землю под строительство, они готовы снести все старые постройки, включая исторические памятники, которых здесь очень много. Кроме того, поскольку земля в центральной части очень дорогая, предприниматели стремятся строить многоэтажные дома и тем самым разрушают облик города. Заповедник сдерживает вандализм и вахханализм, тем самым вызывает недовольство определенной части горожан. Инспекции по охране памятников в Ульяновске нет, и, если бы не заповедник, то здесь бы, наверное, уже камня на камне не осталось.

Каждый год мы открываем по музею. А что такое новый музей? Это 7-8 миллионов рублей: проект, строительство, инженерная сеть, коммуникации, свет, телефон, оборудование, штат не менее восьми человек... В настоящее время в заповеднике работает 123 человека, половина из них – смотрители, дворники. 575 тысяч рублей ежемесячно тратится только на охрану. Большие средства идут на пожарную безопасность – у нас своя пожарная команда, потому что территория огромна и застроена исключительно деревянными сооружениями.

Так что заповедник – это мощный хозяйственный механизм. Везде должен быть порядок, в музеях – чистота и уют, на территории – ухоженные дороги и тротуары, зелень. В семь утра я уже на работе, обхожу объекты, проверяю, где что не сделано, где нужно подкрасить, отремонтировать, отреставрировать. Хочет многое успеть, и мы успеваем. Сотрудники у нас работающие, инициативные, творческие. Когда выпадает возможность пообщаться, мы ее не упускаем: попадая на курсы, сотрудники музеев в кругу коллег из других городов сами оценивают, что хорошо, что плохо. Когда человек видит себя со стороны, ему всегда хочется причислаться. Так рождаются интересные идеи, желание привнести в работу что-то новое. Я никогда не

гаю инициативу: вот деньги, твори, создавай. Принцип руководства очень прост: дать человеку возможность раскрыться. Этот принцип себя оправдывает. Люди о заповеднике плохо не говорят, и это прибавляет сил, потому и хочется работать.

Сегодня Государственный историко-мемориальный заповедник "Родина В.И. Ленина" переживает свой звездный час. В конце мая текущего года группа сотрудников во главе с директором А.Н. Зубовым вернулась с фестиваля "Интер-музей – 2004".

На этом уникальном форуме были представлены 168 музеев России. Ульяновский историко-мемориальный заповедник "Родина В.И. Ленина" вышел в финал конкурса и попал в список 14 лучших музеев страны! Фестиваль, где царил атмосфера креативного поиска и вдохновения, явился и учебой, и праздником, и крепкой энергетической подпиткой для будущего горения. А в том, что творческое горение будет еще более ярким и сильным, сомневаться не приходится.

Музеи заповедника давно отказались от старых методов работы и перешли на современные, интерактивные формы общения и взаимодействия с горожанами всех возрастов. Здесь реализуются неординарные, познавательные программы, разные проекты совмещаются в единую образовательную систему, к которой заведующие музеями подключают детские сады и школы. Экскурсоводы забыли, что такое скучный монолог, научный поиск они совмещают с работой педагогов, психологов, режиссеров и сценаристов. Не простая демонстрация экспонатов и коллекций, а формирование культуры, широкого образовательного кругозора и творческой активности у подрастающего поколения – такую задачу ставят перед собой работники заповедника.

Чтобы идти в ногу со временем, приходится переучиваться, постоянно повышать уровень научной и технической подготовки. Недавно заповедник открыл свой сайт в системе Интернет. Каждый день он пополняется новыми научными сведениями, активно посещается историками и учеными из других городов и стран. К этой информации имеют свободный доступ и научные сотрудники ульяновских музеев, не относящихся к заповеднику. Скоро на сайте появятся виртуальные экскурсии, будут подготовлены и компакт-диски, рассчитанные на школьные образовательные программы.

Будет, все еще будет! 20 лет – это только начало...

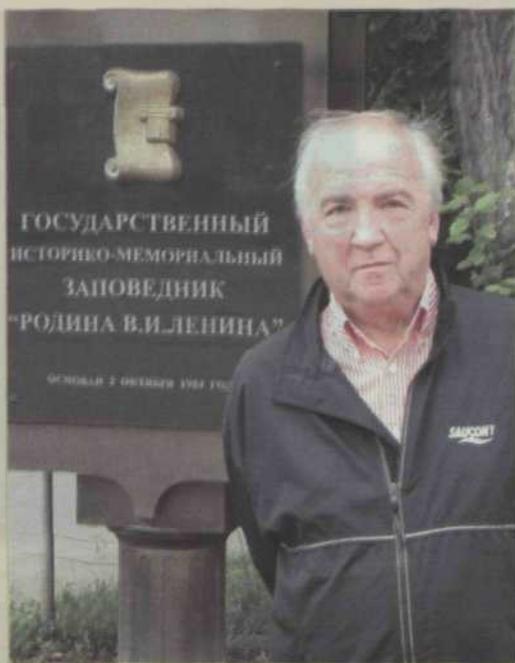
А.А. Пономарева, зав. музеем "Симбирская чувашская школа"

О.А. Туркина, зав. музеем гор. быта "Симбирск конца XIX – нач. XX вв."

О.В. Лиллепо, зав. музеем "Народное образование Симбирской губернии"

Заслуженный деятель искусств **Владимир Юрьевич Кеслер** – частый гость Ульяновска. С нашим городом его связывает многолетняя работа по созданию и развитию историко-мемориальной заповедной зоны. Федеральный архитектор, координатор по музеям-заповедникам России Министерства культуры РФ, В.Ю. Кеслер возглавляет архитектурно-реставрационную мастерскую института "Спецпроектреставрация" Министерства культуры РФ. Более 30 лет занимается он созданием заповедников в России. В 1968 году Владимир Юрьевич реализовал свой первый проект – "Сибирская ссылка В.И. Ленина в Шушенском". Затем были разработаны и осуществлены проекты крупных федеральных заповедников: литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина "Михайловское", "Музей-усадьба Л.Н. Толстого "Ясная Поляна", музей-заповедник И.С. Тургенева "Спасское-Лутовиново", музей-заповедник С.А. Есенина в Константиново и многие другие. Во время очередного рабочего визита в Ульяновск мы встретились с В.Ю. Кеслером, чтобы задать несколько вопросов об истории создания заповедника "Родина В.И. Ленина" и о перспективах его развития.

В ряду крупнейших заповедников России

- Владимир Юрьевич, с какими трудностями Вы сталкивались при осуществлении проекта историко-мемориального заповедника в Ульяновске?

- Сразу хочу сказать: у этого проекта были союзники и в Москве, и в Ульяновске. В первую очередь, добрым словом надо помянуть Геннадия Васильевича Колбина, который в то время возглавлял Ульяновскую область: он умел мыслить перспективно и поддержал нашу инициативу из центра. Здесь же, в Ульяновске, был свой энтузиаст, который много лет пробивал идею создания мемориальной зоны, – Сергей Львович Сытин. После празднования 100-летия В.И. Ленина наш город принял современный облик, и Сытин очень болел за сохранение остальных памятников в центральной части города. И вот, под программу празднования 125-летия со дня рождения Ленина на самом высоком уровне было решено подвести новый проект, теперь уже не сноса "ветхого фонда", а сохранения исторической застройки. Эта юбилейная программа помогла осуществить идею создания заповедника в Ульяновске.

Если же говорить о трудностях, то главная из них – это расположение заповедника в жилом центре крупного развивающегося города, где вопросы охраны среды решаются очень сложно.

- А какое место занимает заповедник "Родина В.И. Ленина" в ряду других федеральных заповедников России?

- Это уникальный комплекс, по своей значимости не уступающий самым крупным заповедникам страны. Программа была максималистской: мемориальная территория в 174 гектара! Ни до, ни после – таких крупных образований в России не создавалось. Большая заслуга всех научных сотрудников, что за прошедшие (очень сложные) годы здесь произведен объем работ, который, казалось бы, невозможно осуществить за такой короткий срок, и этот объем сложно соизмерить с работой других заповедных зон. Ощутимый вклад в реализацию проекта внес первый директор заповедника Алексей

Иванович Верняков, а также известный архитектор Борис Васильевич Аржанцев. В настоящее время решающая роль принадлежит директору заповедника Александру Николаевичу Зубову.

- Отношение многих российских граждан к Ленину очень изменилось за прошедшие годы. Ульяновский же заповедник носит его имя. Не мешает это развитию заповедника?

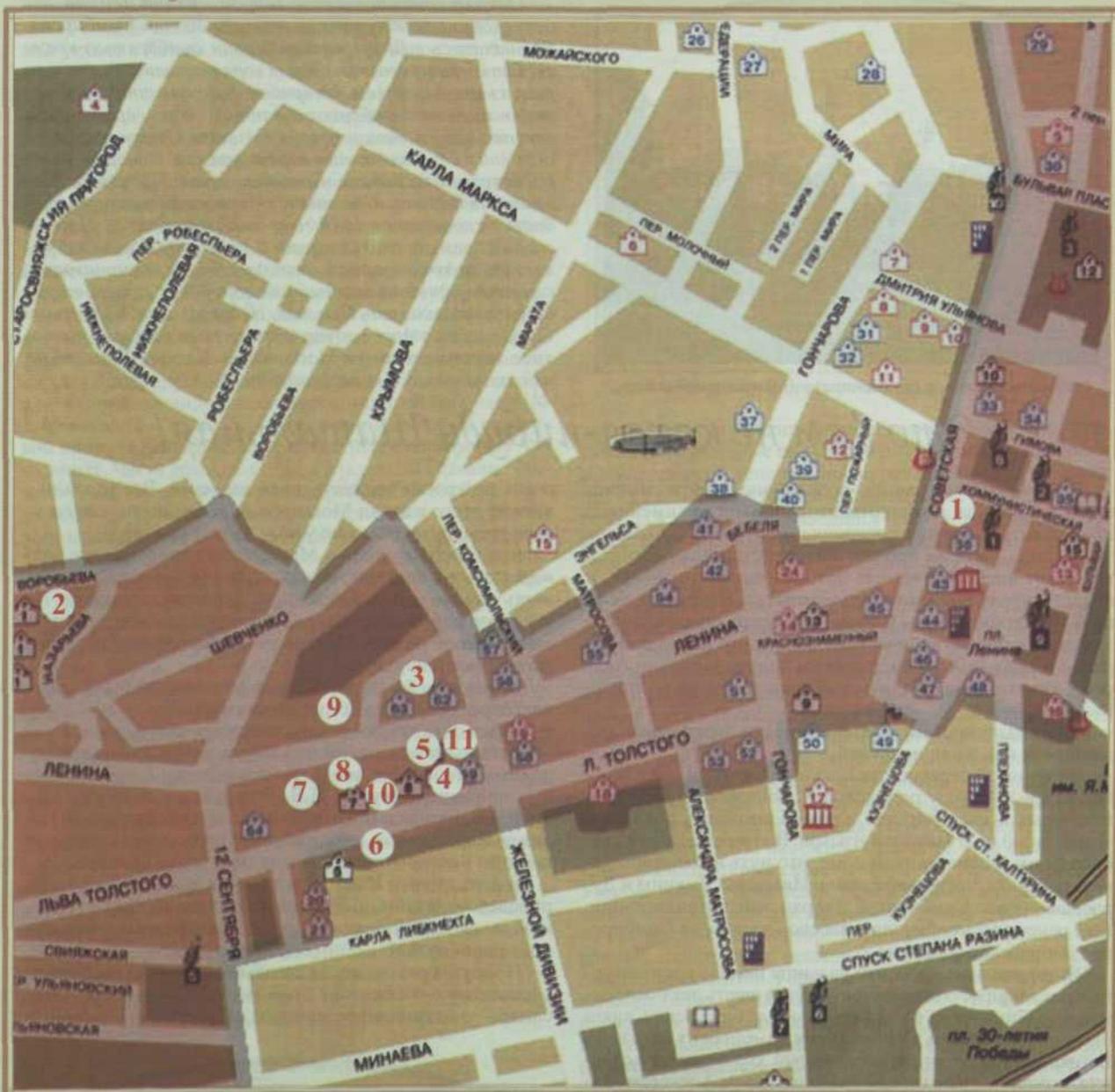
- Не думаю. Ведь в целом, интерес туристов, особенно иностранных, к Ленину не угас. И вообще: заповедник – это не ленинская монокультура, это – музей города! Он поднял неизвестный ранее пласт симбирской культуры, внес значительный вклад в архитектурное наследие страны. Скажу откровенно: в социалистическом прошлом идеология часто служила интересам культуры.

- Не получится так, что начнется приватизация учреждений культуры, и плоды вашего труда будут растоптаны? Будущее есть у нашего заповедника?

- Федеральное обеспечение государственных заповедников, конечно же, сохранение. Об их приватизации не может быть и речи. Что же касается заповедника "Родина В.И. Ленина", то он развивается такими темпами, что в его жизнеспособности сомневаться не приходится. Развитие историко-мемориальной зоны в Ульяновске – это уникальный случай, когда реализация идей, выработанных много лет назад, продолжается до сих пор. В настоящее время, совместно с главным архитектором города, дирекцией заповедника и Средневолжским предприятием института "Спецпроектреставрация" мы приступаем к формированию проекта детальной планировки исторической зоны Ульяновска-Симбирска.

Сейчас коллектив ГИМЗ "Родина В.И. Ленина" готовится принять участие во всероссийском конкурсе "Зодчество – 2004". Если рассматривать достижения в плане реставрации и охраны деревянной архитектуры, то у заповедника "Родина В.И. Ленина" мало найдется конкурентов. Он, несомненно, играет ведущую роль в деле сохранения исторического наследия России.

Музеи ГИМЗ “Родина В.И. Ленина”

1. Музей “Симбирская классическая гимназия”

ул. Советская, 18, т. 44-30-19

2. Музей “Симбирская чувашская школа. Квартира И.Я. Яковлева”.

ул. Воробьева, 12, т. 32-85-21

3. Музей “Народное образование Симбирской губернии в 70-80-е гг. XIX века”

ул. Энгельса, 6, 8, т. 42-00-72

4. Музей “Метеорологическая станция Симбирск. Планетарий”.

ул. Л. Толстого, 67, т. 41-71-11

5. Музей городского быта “Симбирск к. XIX - н. XX вв”.

ул. Ленина, 90, т. 32-63-19

6. Музей “Градостроительство и архитектура Симбирска – Ульяновска”

ул. Л. Толстого, 24, т. 42-04-63

7. Историко-архитектурный комплекс “Симбирская засечная черта”

ул. Л. Толстого, 43а, т. 42-04-63

8. Историко-этнографический комплекс “Торговля и ремесла Симбирска к. XIX - н. XX вв”.

ул. Ленина, 76, т. 32-18-79

9. Музей “Симбирская фотография”

ул. Энгельса, 1а, т. 42-03-31

10. Выставочный зал

ул. Л. Толстого, 63, т. 32-62-51

11. Дирекция государственного историко-мемориального заповедника “Родина В.И. Ленина”

ул. Ленина, 98, т. 32-63-62

E-mail: zapoved@mv.ru
www.zapovednik.mv.ru

Московская улица (ул. Ленина) и Вознесенский собор

Это вам не какая-нибудь Шатальная!

Перелистывая страницы родословной книги симбирского дворянства, можно отметить, что многие именитые представители первого сословия имели свои особняки на этой улице. Здесь же проживали и действительные статские советники, и почетные потомственные горожане, и представители почтенного духовенства. Например, бывший городской голова Сачков, владелец пивоваренного завода, хозяин металлического завода, что на южной окраине города за Александровским садом, господин Андреев, строитель каменного симбирского театра господин Булычев.

Наибольшую славу улице принесли литераторы, родившиеся или жившие на ней.

В здании на перекрестке Большой Саратовской и Московской в 1812 году родился И.А. Гончаров. По мнению некоторых исследователей, в доме Ермоловых родился и знаменитый поэт Николай Языков. В этом обширном хлебосольном и приветливом доме, что чуть ниже Жарковского переуллка, частенько бывали Ивашевы, Кикины и Дурасовы – цвет Симбирской дворянской интеллигенции. Еще ранее здесь собиралось на свои заседания Симбирское Дворянское собрание.

Историки выяснили, что на улице немало архитектурных достопримечательностей. Спустя шесть лет после основания Симбирска в казачьей слободе близ реки Свяга была основана одна из старейших симбирских церквей – Богоявленская. Этот перестроенный храм хранит реликвию, пожалованную городу на Волге царем Алексеем Михайловичем – икону Иоанна Крестителя старинного письма и Евангелие. Другой достопримечательностью Московской являлся третий по значимости из симбирских соборов – Спасо-Вознесенский храм. Он был возведен на месте старой церквушки на средства купечества и состоятельного мещанства. На втором ярусе одной из башен этого храма с 1869 года находилась реликвия города – городские часы, подарок городу бывшего губернатора Орлова-Давыдова. При этом храме обитал блаженный Андрей Огородников, провидец, чудотворец, предсказатель.

Помнила улица и пребывание высочайших особ.

1824 год. Государь император Александр I въезжает в Симбирск и в сопровождении своей свиты и администрации города направляется по Московской улице в самый центр города к Соборной площади.

1836 год. Представители горожан у заставы за Свягой встречают Николая I. Суворый император, как говорят, был

Одна из старейших улиц города – улица Ленина, ведет свою историю едва ли не с основания Симбирска. Все началось с Вознесенской башни симбирского кремля. Близ башни вдоль дороги вскоре появились дома, а затем из них вырос целый порядок. В документах симбирского стольника и оберкоменданта в скором времени появилось наименование улицы Большая Свяжская. Она шла вниз от Свяжских ворот кремля, которые были расположены в районе нынешней улицы Гончарова. Название ей было дано по имени сторожевой казачьей слободы, основанной в 1649 году близ реки Свяга. С ней в скором времени слился посад. В 1697 году Большая Свяжская получила права гражданства и упоминалась в качестве одной из важнейших городских улиц. Старее ее были только лишь Панская, Чебоксарская, Казанская. Со временем улицу, ведущую от кремля на запад к столице, переименовали в Московскую. В конце XIX века на ней числилось 833 домовладения.

очень растроган торжественной встречей. Все горожане, прежде всего жители Московской, вспоминали, как государь прошел пешком всю улицу до центра города.

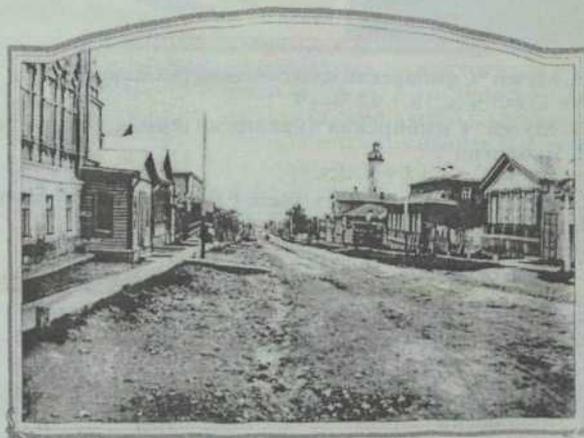
Как и прочие улицы, Московская периодически подвергалась нашествию пожаров. В 1864-м году верхняя часть улицы, что от Овражного переуллка, выгорела. Не спасли молебны прихожан в двух православных храмах и выстроенной на углу Московской и Анненского переуллка лютеранской кирхи.

Новая веха в истории Старой Московской была связана с переездом сюда семьи Ульяновых.

Через пять лет после опустошительного пожара в дом чиновницы Молчановой заселилась семья директора народных училищ Ульянова. По праздникам в дом Ульяновых приходили друзья: И.Я. Яковлев, молодая учительница В.В. Кашкадамова, публицист и просветитель В. Назарьев. Бывали здесь и Ауновский, и председатель удельной конторы Белокрысенко, и племянник поэта Языкова.

В день смерти Ильи Николаевича длинная процессия проследовала вниз по Московской на кладбище Покровского монастыря, провожая директора народных училищ в последний путь.

И вдруг через год после печального события поступило официальное сообщение: старший сын Ульяновых Александр – участник покушения на императора. С момента

Московская улица (ул. Ленина). Нижняя часть

выхода в свет печатного сообщения о казни злоумышленников соседи стали обходить дом стороной, и вскоре семья уехала в Казань, куда Владимир Ульянов отправился поступать в университет. После их отъезда в особняке на Московской сменилось немало хозяев. Долше всех владел домом Наумов. При нем во дворе здания была выстроена электростанция. Необычный свет электрической лампочки собирал многочисленных зевак.

В 1903 году обитатели Московской, как и все симбиряне, приняли участие в юбилейных торжествах, посвященных Н. Языкову. В июне 1912 года подошел юбилей второй знаменитости этой улицы – И. Гончарова. К тому времени улица входила в число четырех лучших и была “шоссирована”. По вечерам фонарики регулярно зажигали на ней огни. Вдоль Московской стояли столбы с проводами, действовала телеграфная линия. В особняках состоятельных горожан были установлены телефонные аппараты. Люди здесь жили благонравные, к тому же рядом с пожарной командой находилась полицейская часть № 1. Угловой дом на перекрестке с Анненковским переулком принадлежал семейству известных фабрикантов Акчуриных. Часть доходных домов владельцы сдавали. Улицу эту облюбовали в качестве квартирантов доктора. Среди них отмечены три дамы. Большим почтением пользовались священник Троицкого собора Анаксоговор, протоиерей Юстинов, к которому частенько заглядывали дети Ульяновых, и протоиерей Охотин. На улице также проживали сыновья Дениса Давыдова в доме, принадлежавшем ранее Бестужевым. Особо среди жителей можно выделить господина Суперанского – члена архивной комиссии, летописца этой улицы. Одно время на улице квартировал и председатель Симбирского фотографического общества господин Бедштеккер. Благодаря этому обществу мы имеем ныне фотографии улицы и ее обитателей. Среди казенных зданий следует отметить Общество вспомоществования частному служебному труду в доме № 48, который часто посещал сам губернатор.

И вот наступил 1917 год с бурными переменами, с новыми порядками. О советском премьер-министре Ленине ходили слухи, что он родом с Волги. И только в апреле 1920-го жители Московской из публикации в местной газете с изумлением узнали о том, что Владимир Ильич – сын покойного директора народных училищ Ульянова. Социальный состав Московской изменился. В бывшие доходные дома, национализированные Советской властью, вселились рабочие из казарм и трущоб. По праздникам на домах стали вывешиваться красные флаги. Улицу

Московская улица. Вид с перекрестка со Спасской улицей

заполняли многолюдные демонстрации, сменившие крестные ходы, которые проходили до революции. Историки нового времени теперь широко рекламировали тот факт, что в самом начале улицы, на перекрестке ее со Спасской, некогда в заключении находился плененный Емельян Пугачев. Выяснилось, что в одном из домов в канун первой российской революции квартировал В. Рябиков, организатор группы РСДРП.

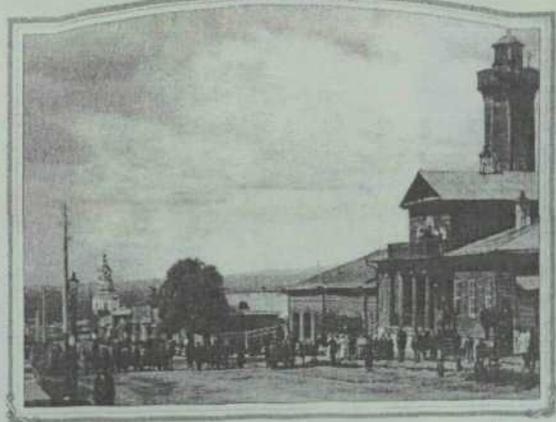
Для жителей улицы совсем непонятно звучали вывески на новых учреждениях, расположившихся на Московской: соцобес, симбгуботдел, губтоп, губкооп, губсоц. Чуть ниже располагался детский дом. В бывшей типографии Черникова обосновалась редакция газеты “Экономический путь”. Дом Ермоловых был приспособлен под художественный музей, которым руководил художник Остроградский. В четырех национализированных домах действовали школы. В одном появилась губернская центральная библиотека. Ее книжный фонд был пополнен из библиотек жителей этой улицы Наумова и Акчурина.

Введение НЭПа наложило отпечаток и на облик этой улицы. Здесь открыл свою частную мастерскую ювелир Уваров, артель инвалидов “Сила” сдавала приезжим в одном из домов номера. На вывеске другого здания можно было прочесть “Горторг – импортно-экспортные операции”. Действовало несколько частных клиник и государственных контор. Горожан привлекал на улицу американский базар. Объявление сообщало: “Играет музыка, проводятся игры, продается лото, флирт, игры для детей и музыкальные инструменты”. Летом 1923 года соседи бывшего дома Ульяновых, узнали о национализации этого здания. В декабре месяце в местной газете появилось объявление о том, что в доме открыт историко-революционный музей. Заведующий музеем Алексеев, 24-летний молодой человек, имел за плечами учебу в техникуме и педагогическом институте. Кроме того, он регулярно публиковался в газетах, сочинял стихи и был членом Общества друзей воздушного флота. При входе в музей находился единственный на улице почтовый ящик.

Менялись времена, но жители по-прежнему гордились своей улицей: “Московская – это тебе не какая-нибудь Застенная, Сиротская, Шатальная или, не дай Бог, Собачий переулок”. Прошло не одно десятилетие, и в доме Акчуриных разместилась дирекция заповедника “Родина В.И. Ленина”. Многочисленные музеи его напоминают нам о старожилах улицы, об их быте и жизни.

Владимир Радаев

фото из коллекции С.Л. Сытина

Московская улица. Парад пожарников у пожарной части

“Архитектура – та же летопись.
Она говорит тогда, когда уже молчат песни и предания...”
Н.В. Гоголь

Самые интересные города – города с историей. Время кристаллизуется в них, и разнородные кристаллы зданий придают городам неповторимость и очарование. Ульяновск – один из них. Эпохи и стили причудливо перемешались в нем: кокетливый ампир соседствует с практичным конструктивизмом, летящая готика – с “имперским” стилем сталинской эпохи, капризный модерн – со строгим неоклассицизмом. Появились даже здания-химеры вроде облгосархива или Дома офицеров, где одна часть моложе другой на десятилетия... Широта и размах современных микрорайонов ничем не напоминают патриархального уюта центральных улочек, старые деревянные кварталы постепенно отступают под натиском новой частной застройки. И все же город един в своем бесконечном многообразии.

“Город - это большая, умная книга...”

“Трудно было вместить в восемь довольно небольших залов всю архитектурную историю Симбирска?” – спрашиваю заведующую музеем градостроительства и архитектуры **Ирину Владимировну Есину**, три года назад возглавившую вновь созданный музей. “Трудно, – отвечает она. – Но мы разработали научную концепцию, согласно которой в каждом из залов отражен тот или иной промежуток времени, являющийся эпохой в развитии симбирского градостроительства. Каждый зал начинается с плана города. Рядом с проектами размещены фотографии зданий. Проекты не всегда воплощались полностью, иногда недостаток средств заставлял заказчика отказаться от ряда интересных деталей. Такое соседство проектов, отражающих

задуманное и воплощенное, дает повод для раздумий.

Непросто было представить вторую половину XVII века, время основания Симбирска. Музеем очень помог археолог Юрий Анатольевич Семькин. Он поделился археологическими находками. Среди них оказались замки, топор, серп, обод деревянной лопаты, которой копали ров Симбирской засечной черты. Эти подлинные предметы далекой эпохи, конечно же, оживили экспозицию.

Посетители всегда обращают внимание на редкие, подлинные экспонаты или материалы, представленные впервые. Это и первый регулярный план города, в 1780 году утвержденный Екатериной II (подлинник его хранится в Историческом музее Санкт-Петербурга), и гравюра Махаева с видом Симбирска, и печные изразцы, которые изготавливались в кельях Спасского женского монастыря.

В экспозиции, посвященной XIX веку, отражена трагедия 1864 года –

пожар, уничтоживший облик прежнего Симбирска. Здесь показан дожарный и послепожарный город.

Конец XIX – начало XX веков – это время архитектурного расцвета, стилевого многообразия. В музее можно увидеть не только великолепные образцы творчества Ф.О. Ливчака и А.А. Шодэ, но и познакомиться с материалами их личных архивов, попавших в фонды музея в результате кропотливой собирательской работы.

Эпоху созидания сменила эпоха разрушения. Годы между Великой Октябрьской революцией и Великой Отечественной войной – это время исчезновения таких жемчужин, как Церковь Всех Святых, Троицкий собор, многоярусная колокольня Германовской церкви... В двух последних залах отражена современная архитектура. Оформлять их было непросто уже из-за обилия экспонатов, многие из которых оказались в музее благодаря нашему замечательному помощнику Валентину Николаевичу Филимонову. Генеральное решение экспозиции сделал талантливый

дизайнер Виктор Викторович Академов. К сожалению, из-за недостатка площадей мы можем показать деятельность современных архитекторов только штрихами, но на юбилейных выставках рассказываем об этом уже более подробно”.

Любую архитектурную эпоху можно увидеть не только “снаружи”, рассматривая фотографии зданий, планы или макеты, но и почувствовать “изнутри”, оказавшись в характерном интерьере.

“Город – это большая, умная, сложная, увлекательная книга, написанная народом, книга, еще не дописанная, продолжающаяся, не имеющая конца”, – писал историк М.П. Погодин. Одни “страницы” этой книги обветшали от отсутствия ухода, другие были безвозвратно уничтожены пожарами, третьи – безжалостно вырваны “сознательными гражданами” во имя идеи... И все же память об утраченных страницах жива благодаря архивным документам, археологическим находкам, старым фотографиям. Но кто же приходит в музей, чтобы читать эту увлекательную книгу?

“Любовь к архитектуре и градостроительству коренны все возрасты, – улыбается Ирина Владимировна. – Однако самая благодарная публика – это младшие школьники и дошколята. Однажды один маленький мальчик привел в музей бабушку. “Вам нужен экскурсовод?” – поинтересовалась я. “Что вы! – с достоинством ответил мальчик. – Я целый год ходил сюда с детским садом и могу провести экскурсию сам. Вот, смотри, бабушка, это Кремль, он был деревянным...”

Занятия для малышей – это захватывающая игра, которая никого не оставляет равнодушным. Мы дарим нашим эрудитам красочные грамоты, календари, закладки, выдаем свидетельства об окончании курсов – и эти маленькие сюрпризы подогревают желание ребятишек приходить сюда еще и еще. Пользуется популярностью музей и у старшеклассников. А студенты УлГУ слушают здесь лекции известного краеведа Бориса Васильевича Аржанцева. По выходным к нам приходят семьями, причем не только на экскурсии (кстати, мы даже проводим пешеходные экскурсии по улицам Покровской и Московской), но и на занятия Клуба любителей архитектуры (их тоже проводит Б.В. Аржанцев). А увлеченные ребятишки занимаются в архитектурно-дизайнерской студии “Капителка”.

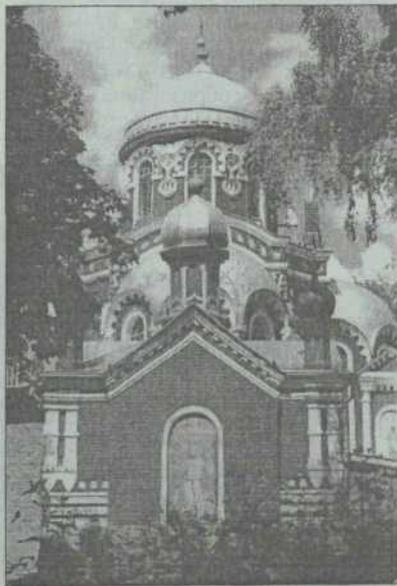
Огромную поддержку нам оказывает музей архитектуры им. Щусева, который нередко предоставляет ульяновцам возможность ознакомиться с прекрасными выставками. Налажено

Проект переднего (западного) фасада Каменного храма на новом кладбище в Симбирске

сотрудничество с Государственным историческим музеем. Прочные связи установлены с ульяновским отделением Союза архитекторов России. Все это позволяет музею устраивать новые выставки, среди которых особое место занимают малые города нашей области, позволяет совершенствовать образовательные программы, делать еще более интересными и увлекательными экскурсии. И знаете, как приятно бывает, когда в книге отзывов дети пишут добрые слова благодарности в адрес музея!”

Инна Буганина

Воскресенская церковь на городском кладбище (ул. Карла Маркса)

Конкурс “Люблю тебя, мой старый город!”

Спокойно-вольный Венец – и неутраченные людные улицы. Тихая поэтичность Карамзинского сада – и ленивая отрешенность тенистых закоулков. Все существует уже столетия, и мы, убаюканные, лишь изредка задаемся вопросом: так каково же оно, настоящее “я” старого города? Мы преклоняемся перед гордой волжской далью, принимаем к сердцу неброскую красоту Свяги... Не будь этой многогранности, и любовь наша к малой родине не была бы такой удивительной – мы любим и отдельные, близкие нам места города, и их неповторимое соседство – изменчив Симбирск!

Макулов Сергей, гимназия № 33

Я люблю свой город не только из-за его богатой истории. Каждая улочка, каждая травиночка, каждый день, прожитый здесь, дороги мне. Иногда я думаю: “Что было бы со мной, если бы я родилась в другом городе? Наверное, я бы не встретила тех людей, которые мне так близки, свою первую любовь. Может быть, я бы жила лучше, чем сейчас, но я не хочу этого! Мне хорошо здесь!” Я отгоняю от себя эти мысли и стараюсь больше об этом не думать.

Иногда я мечтаю, что когда вырасту, то сделаю все, чтобы наш город стал лучше, чтобы все люди без исключения гордились тем местом, где они живут.

Каждый человек должен любить свою малую родину, будь то маленькая деревенька или мегаполис. Я люблю тебя, мой старый город!

Гаганова Юлия, школа № 61

Воссозданный фрагмент Московской улицы

- Вы возглавляете самый "скучный" фронт работы в заповеднике, в Вашем ведении бумаги, документы, картотеки и пр. И в то же время не раз приходилось слышать, что именно научно-исследовательский отдел участвует в самых разнообразных проектах и делах заповедника.

- Я бы не сказала, что работа научно-исследовательского отдела "скучная", скорее наоборот. Действительно, большая часть работы у нас связана с изучением различного рода документов разных лет, за каждым - история или чья-то судьба. Научно-исследовательский отдел работает по нескольким направлениям. Прежде всего, это историко-архивные изыскания. За двадцать лет в архивах Ульяновска, С.-Петербурга, Москвы, Казани, Самары было просмотрено огромное количество дел, наши тематические картотеки насчитывают не одну тысячу карточек, практически на каждое историческое здание составлены справки. Накопленный материал - это документальная основа для проектов по реконструкции объектов и реставрационных

работ, проводимых на территории заповедника, для вновь создающихся наших музеев, для постановки на государственную охрану памятников истории и архитектуры и др. Так что значительная часть нашей действительно бумажной работы выливается в реальные, осязаемые дела. Главная задача заповедника - сохранение и воссоздание исторической среды Симбирска XIX - начала XX столетий, в том числе и градостроительной. Ведь наши исследования в большей мере обращены на изучение исторической застройки Ульяновска. С каждым годом все труднее и труднее отстаивать старые здания, так как территория заповедника, с одной стороны, исторический центр города, с другой - его развивающаяся центральная часть. Поэтому для сохранения того или иного объекта необходимо серьезное обоснование, и, следовательно, серьезная исследовательская работа.

В заповеднике сотрудников нашего отдела по-домашнему называют "историками" или... "компьютерщиками". Несмотря на то, что все мы имеем историческое образование и живем как бы "в позапрошлом столетии",

Со дня основания заповедника "Родина В.И. Ленина" в нем ведется научно-исследовательская работа. В настоящее время ею руководит Ольга Алексеевна Свешникова. Коллектив в отделе подобрался на редкость сплоченный. Здесь все понимают друг друга с полуслова, компетентно отвечают на самые сложные вопросы, дают научные консультации, кропотливо ищут решение любых проблем, даже если они, на первый взгляд, кажутся совершенно неразрешимыми... Мы попросили Ольгу Алексеевну рассказать о научном направлении деятельности заповедника.

Нескучное дело

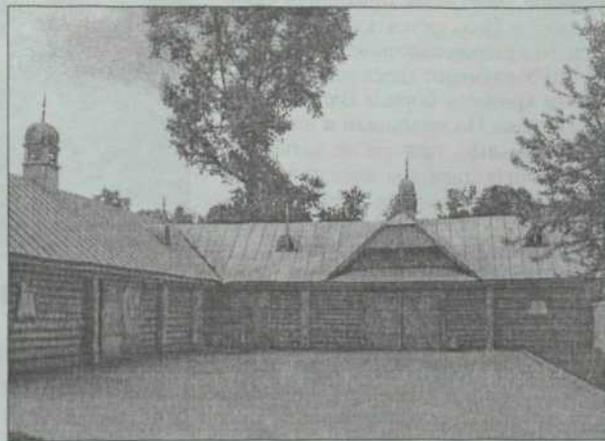
научно-исследовательский отдел занимается еще и информационными технологиями. В нашем ведении сайт ГИМЗ "Родина В.И. Ленина", Интернет и вся электронная переписка.

- А Вы как краевед кому более всего благодарны?

- Прежде всего, я назову имя Сергея Львовича Сытина. Трудно переоценить его вклад в изучение истории нашего города или оценить собранные им бесценные материалы. По его инициативе был создан заповедник. Все мы его ученики, и дай нам Бог, достойно продолжать его дело. В первые годы деятельности заповедника он непосредственно направлял и курировал работу нашего отдела. Просиживая в ульяновском архиве весь рабочий день, мы постепенно документ за документом накапливали свои знания по истории застройки Симбирска-Ульяновска. Сергей Львович уже тогда понимал, что недалеко то время, когда начнется наступление на старые дома. Так и случилось. Сейчас для большинства бизнесменов, некоторых архитекторов и чиновников это просто "ветхий фонд" и ничего

Хозяйственные службы (ул. Льва Толстого, 43а), 2001 год

Хозяйственные службы в 2004 году

более, то есть никакой исторической ценности для таких людей не существует.

Отдельно хочу сказать о высококвалифицированном специалисте Анне Федоровне Варламовой. Когда мы начинали работать, она была заведующей читальным залом, а до этого много лет проработала директором архива. Анна Федоровна обладает особой профессиональной памятью: помнит практически все номера описей, а иногда и дел, в которых следует искать ту или иную информацию.

Особая благодарность за тесное многолетнее сотрудничество Государственному архиву Ульяновской области. Во многом благодаря этому учреждению научно-исследовательский отдел и другие структуры заповедника располагают сейчас богатейшими фондами. Нам ни разу не было отказано ни в одном из наших запросов. А запрашивать приходится довольно часто, особенно во время подготовки к выставкам. Кстати, для архива этот год тоже юбилейный, и мы поздравляем всех коллег с 85-летием архивной службы нашего города.

Нельзя не упомянуть в числе наших друзей и помощников Нину Ивановну Никитину. Многие годы она заведовала краеведческим отделом Дворца книги. Меня всегда поражало, как человек может так много знать, да еще и все это помнить. Благодаря своей потрясающей эрудиции Нина Ивановна оказалась неоценимой помощницей в наших краеведческих поисках.

Все эти замечательные люди не только высококвалифицированные специалисты, но и настоящие патриоты города.

- Как со временем менялись задачи перед Вами задачи?

- Лично мои задачи поменялись кардинально. В 1985 г., когда я пришла

на должность младшего научного сотрудника отдела, мои задачи были исполнительскими, ныне я, наконец-то, могу "поруководить". Конечно, это шутка. За прошедшее время задачи научно-исследовательского отдела скорее не поменялись, а значительно расширились. Расширилась и территория деятельности. Сейчас заповедник принимает активное участие во многих серьезных градостроительных делах.

- Большинство горожан, конечно же, понимают неограниченное значение заповедника для сохранения исторического облика города. Но поговорим об учреждениях культуры. Не секрет, что ульяновским музеям, не относящимся к заповеднику, живется очень туго - у них нет федеральной поддержки. Каковы ваши взаимоотношения с местными музеями? Нет ли противоречий, зависти?

Прежде, чем говорить о коллегах из других музеев и учреждений, с которыми мы сотрудничаем, я хочу назвать людей, которые в разные годы работали в научно-исследовательском отделе: Н.П. Земскова (первая заведующая), К.Г. Апарина, А.А. Калачев, А.И. Стеценко, Н.В. Шипша, А.И. Юханов. Сегодня в отделе трудятся три молодых квалифицированных работника. Они достойно освоили не только архивные, но и "компьютерные" дела. Это О.Я. Ибрагимова, А.А. Кузнецов, Е.Н. Куликова.

С другими музеями города нас связывает плодотворное взаимообогащающее сотрудничество и добрососедские отношения. Все мы делаем одно общее и важное Дело. Надеюсь, что все работающие в учреждениях культуры нашего края люди не забывают призыв С.Л. Сытина к теснейшему сотрудничеству (объединению) всех музеев города, прозвучавший в ходе обсуждения концепции заповедника в 1990 году. Так, под этим лозунгом, и будем идти дальше.

Конкурс "Люблю тебя, мой старый город!"

Я люблю тебя, мой старый
город,
С каждым годом трепетней,
нежней.
Мы стареем - ты же как
прежде молод
И живешь делами сыновей.

Как мне хочется порой
самозабвенно
Затеряться в улицах
твоих
И на час стать зрителем
арены,
Где история вершится
каждый миг.

Тишина твоих аллей зеленых,
Как волна, накроет с головой,
И в таинственном шептании
листьев сонных
Уловлю я времени прибой.

Совершу по морю Жизни
Одиссею
И к родному берегу вернусь.
По Симбирску моему, как
по музею,
Я вдвоем с Историей пройду.

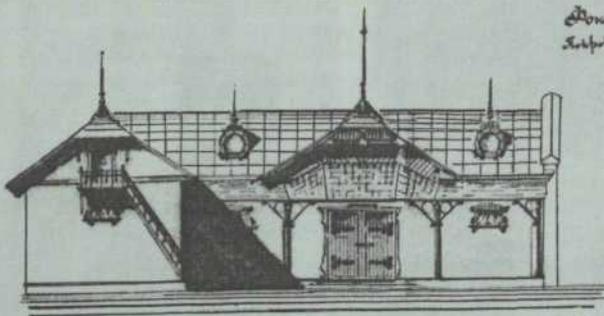
С новой силою нахлынет
ностальгия
По далеким, но прекрасным
временам...
Где же ты, великая Россия?
Я тоскую по твоим колоколам...

Так мне дорог звон
патриархальный,
Оттого и грустно мне порой,
Что не льется он
торжественно-печально
На просторах Родины святой.

Павленко Алина,
студентка УлГПУ

Иллюстрация по эскизам архитектора Александра Шодэ

Александр Шодэ
Архитектор

Александр Шодэ

Проект хозяйственных служб на территории усадьбы
М.П. Фон-Брадке по ул. Покровской (ныне Л. Толстого, 43а).
1909 г. Архитектор А.А. Шодэ

Искатели сокровищ

*Синие обои полиняли,
Образа, дагерротипы сияли,
Только там остался синий цвет,
Где они висели много лет.
Позабыло сердце, позабыло
Многое, что некогда любило!
Только тех, кого уж с нами нет,
Сохранился незабвенный след.*
И. Бушин

Чтобы открыть новый музей, нужно проделать огромную собирательскую работу: прочесть тома специальной литературы, найти сотни экспонатов, сделать описание каждой вещи, установив ее создателя или мастера, хозяина или продавца. За 20 лет своего существования заповедник открыл 10 музеев! Колоссальный труд потребовался для того, чтобы, начав поиски с нуля, создать фондохранилище в 20 тысяч единиц хранения. Собирательской работой занимались в течение многих лет главный хранитель фондов Ольга Александровна Долгова и ее помощники: Наталья Владимировна Федотова, Татьяна Петровна Сидельникова, Оксана Михайловна Обласва. С работой в фондах долгое время была связана деятельность Нины Петровны Беловой.

Поначалу рамки по сбору вещей были ограничены временем проживания в нашем городе семьи Ульяновых, поскольку открывшийся в 1984 году заповедник получил название "Родина В. И. Ленина", но уже очень скоро

стало ясно: заповедник не ограничится музеем-гимназией им. В. И. Ленина, а откроет новые, малоизвестные грани старинного, богатого историей города Симбирска.

Собирательская работа имела много направлений. Давали объявления в газеты с обращением к старожилам города, ходили по дворам заповедной зоны в поисках экспонатов, общались с людьми и узнавали адреса, где можно найти старинные вещи. Эта работа увлекла всех сотрудников. После очередного "похода" возвращались с горящими глазами, и каждый рассказывал о виденных "сокровищах".

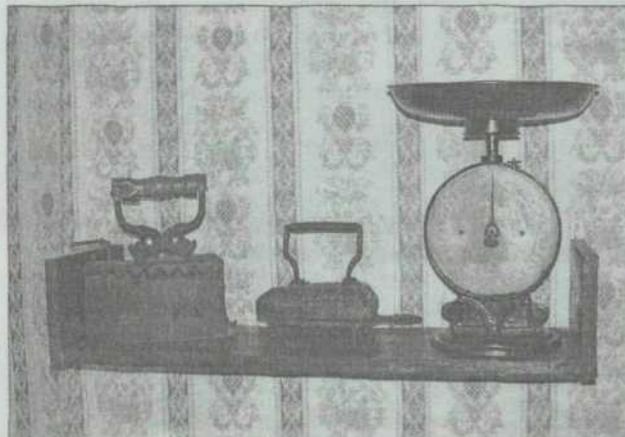
С годами складывался круг старожилов, краеведов, которые дарили или продавали заповеднику что-то из своих коллекций. В памяти научных сотрудников и в картотеке сохранились имена тех, кто в 80-е годы оказывал значительную помощь в работе.

Давно ушел из жизни коллекционер-нумизмат А. В. Бабушкин, но дом его до сих пор является образцом интерьера купечества, так как предки

хозяина были известными в Симбирске купцами II гильдии. Семьей Бабушкина в фонды заповедника были переданы ценные экспонаты: посуда, кашпо, керосиновые лампы, жестяные коробки, кружева, гребни и прочие предметы быта.

От фотографа-любителя и коллекционера И. П. Иноземцева поступило огромное собрание стеклянных негативов с видами Ульяновска 30-х годов XX века. Помню, с каким восторгом мы разглядывали исторические кадры: вот перед нами снятые с Германовской церкви колокола, а здесь — солдат, который охраняет на вокзале колокола, отправляемые на переплавку. Поистине запечатлен один из трагических моментов нашей истории!

И. П. Иноземцев подарил заповеднику четыре фотографии с видами строящегося моста через Волгу. Снимки датированы 1915 годом, а сделал их ученик I-й мужской классической гимназии В. А. Завьялов. Эти фотографии нашли свое место в экспозиции музея архитектуры и градостроительства.

Много вещей передала врач-невропатолог Т.Н. Вайчулис. От нее впервые в фонды заповедника поступила большая коллекция фарфора: обеденный сервиз, сырные доски, коллекция пасхальных яиц. Ценным приобретением явился металлофон с металлическими пластинками. Металлофон оказался действующим и демонстрировался на выставке. Его завораживающее звучание, подобно машине времени, окунуло посетителя в ушедшее столетие.

Многим ульяновцам хорошо известно имя Нины Ивановны Никитиной. От нее, почетного гражданина Ульяновской области и доброго гения всех краеведов, поступили в дар заповеднику редчайшие вещи: шкатулка, которую подарил на свадьбу матери будущий супруг, в ней – бисерная сумочка, перчатки, веер, венчальные свечи, свадебная бутоньерка. В эту же шкатулку Н.И. Никитина вложила батистовую рубашечку, в которой ее крестили в Германовской церкви.

От Нины Ивановны поступила также большая коллекция фарфора: фарфоровое яйцо с пасторальным сюжетом, сувенирный бокал-самовар, масленка в виде пучка редиски, мелкая пластика и картина начала XX века местного художника. Большинство этих вещей находится в экспозиции музея городского быта.

Активной помощницей заповедника всегда была И.Б. Цветкова, представлявшая на музейные выставки семейные раритеты. От Цветковой в фонды поступили замечательные по эстетике вещи: гарднеровский сервиз с розами на шесть персон, шесть серебряных фруктовых ножей и подставка под них, фарфоровое блюдо для гуся, кружево и многое другое.

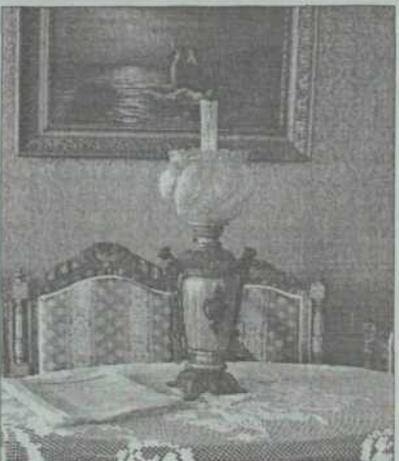
На улице Ленина, в доме № 35 проживала В.М. Зелинская, бывшая учительница-кашкадамовка. В дар заповеднику она передала групповое фото учителей гимназии В.В. Кашкадамовой и подлинное фото Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой, а позднее – великолепное покрывало, которое выполнила Пономарева, одна из учительниц гимназии. От другой кашкадамовки – М.Г. Май – в фонды поступили: кровать, письменный стол и множество фотографий.

В собирательской работе помогают и представители православной церкви: так, например, отец Никон, ныне архиепископ Уфимский и Стерлитамакский, подарил музею-гимназии образ Христа Спасителя XVIII века и учебник "История христианской церкви" (1886 г.).

Нередко научными сотрудниками заповедника предпринимаются экспедиции по сбору вещей. Так поездка на родину И.Я. Яковлева в село Кошки-Новотимбаево принесла много этнографических материалов: ткацкий станок, крынки, специальные горшки для пива, полотенца с национальной вышивкой, домотканая материя, стулья, которые были изготовлены учениками симбирской чувашской учительской школы.

Собирательство – это живое, интересное общение с людьми, и в то же время – скучное бумаготворчество, это поиски, но подчас и разочарования, увлекательные открытия и отчаяние. Нужно быть дипломатом и адвокатом, психологом и просто добрым, общительным человеком, чтобы уметь объяснить людям значение этой работы и важность передачи материалов государственным музеям, где они не канут в лету, а будут востребованы в экспозициях музеев и выставочных проектах.

Конкурс "Люблю тебя, мой старый город!"

Время идет... Время оставляет следы... На лицах людей, на стенах домов, на камнях мостовых. Мы часто сетуем, что время жестоко, и хотим повернуть его вспять, и так же часто торопим его. Но, к счастью, время мудрее нас: оно разрушает нелепое и безобразное и сохраняет красоту. В этом еще раз убеждаешься, когда оказываешься в старом Симбирске. Удивительное чувство испытываешь, проходя по его улицам ранним утром, пока все еще спят. Гулко раздается звук шагов по пустынным улицам. Неожиданно понимаешь, что стук каблучков сливается с мерным боем часов на башне музея Гончарова, и переносишься в тот таинственный, завораживающий мир, в котором когда-то жили люди, вошедшие навсегда в Историю Государства Российского: Гончаров, Карамзин, Языков... Может быть, именно сейчас ты идешь по той самой улице, где бродили великие. Пусть время разрушило здания, пусть нет больше монастыря, кадетского корпуса, собора. Пусть... Зато осталась атмосфера спокойствия, величественности и благородства. Как любишь ты бывать в сквере, где ныне восседает на мраморном постаменте Гончаров. Тебе тепло – нет, не оттого, что ты надела теплый свитер, – тепло душе. Нежно любя свой край, свой старый город, стараешься узнать больше о его прошлом, о том, что было, чего уж нет...

Паук Ирина,
педагогический колледж № 4

Симбирск... самый обычный среднероссийский город второй половины XIX века с тридцатитысячным населением, центр губернии. В романе "Обрыв" И.А. Гончаров описывал его так: "куча разнохарактерных домов, домиков, лачужек, сбившихся в кучу или разбросанных по высотам и по ямам, ползущих по окраинам оврага, спустившихся на дно его, домиков с балконами, с маркизами, с бельведерами, с пристройками, с венецианскими окошками или едва заметными щелями вместо окон, с голубями, скворечниками, с пустыми, заросшими травой, дворами. Искривленные, бесконечные, идущие между плетнями, переулки, пустые, без домов, улицы, с громкими надписями: "Московская улица", "Астраханская улица", "Саратовская улица", базары, где навалены груды лык, соленой и сушеной рыбы, кадки дегтю и калачи..."

Сегодня этот город ушел в прошлое. Но он жив в заповеднике, окунувшись в концентрированное историческое пространство которого, начинаешь лучше понимать духовный мир эпохи, которая привела к великим переменам на российской земле.

Родина двух революций

Обычный российский город. Почему же именно ему суждено было стать родиной двух людей, которые оказались во главе великих социальных событий-потрясений России начала двадцатого столетия? Что происходило в городе? Что увидели и poznali здесь Владимир Ульянов и Александр Керенский? Кто и как вложил в их головы и сердца те мысли и устремления, которые, в конечном итоге, привели их на Олимп российской политики в ее "минуты роковые"?

Да, Симбирск был небольшим, пыльным, тихим, патриархальным. Но именно здесь, вдали от столичных страстей и суеты время текло особенно

размеренно и тягуче. Вся жизнь города шла чинно, по издавна заведенному порядку: сверкали позолотой куполов многочисленные храмы, в губернской канцелярии величаво перекладывали со стола на стол важные бумаги, по улицам в повседневных хлопотах шествовали мещане, ремесленники, пугливо озирались заехавшие по делам в город крестьяне, зазывали жаждающих кабаки и иные питейные заведения, на облучках экипажей сидели извозчики... С высоты сегодняшнего дня сложно представить все грани и перипетии жизни людей в позапрошлом веке. Но в ней, как и сейчас, было все: и радость, и

горе, и тяжкий труд, и разгульное веселье праздников, и минуты душевного подъема, и часы разочарований. Но, если попытаться емко охарактеризовать самое существенное в симбирском бытии того уже далекого века, то можно увидеть гнетущую непреодолимость реалий сложившейся жизни, в которую были буквально вплавлены и жесткие сословные рамки, и нищета, и жестокость, и просто несправедливость. Копейка была строго копейкой, а рубль – рублем: никаких отступлений от вековых, прочно утвердившихся нравов и традиций, никаких столичных вольностей. Каждый поступок, каждый шаг и даже

каждую мысль или мечту человека определяла острая и непреодолимая социальная грань. Привилегированным же сословиям нужды и действительные страдания народа были неинтересны: известно, что при подготовке проекта крестьянской реформы большинство симбирских дворян высказались за самые плохие для бывших крепостных условия выкупа земель. Что народ, подумаешь... терпит... Все это, пусть иногда причудливо, но с фатальной неизбежностью трансформировалось в безнадежно-обреченное терпение народа, который говаривал себе в успокоение: "Бог терпел, и нам велел..."

Народ терпел, а "над всем этим губернский людом, — писал И.А. Гончаров в очерке "На родине", — царила пустота и праздность. Искры интеллектуальной жизни нигде не горело, не было ни одного кружка, который бы интересовался каким-нибудь общественным, ученым, эстетическим вопросом".

Примерно в то же время, в конце 1861 года симбирянин Д. Минаев написал сатирическую поэму "Губернская фотография", в которой перед читателями предстают более ста симбирских обывателей. Да, написано все в гротескной форме, но ее лаконичные строчки сквозь десятилетия все же передают колорит местной жизни той эпохи, преобладающую в ней социальную дремучесть и бескрылость. У реальных прототипов ее персонажей не было и не могло быть сомнений в истинности и незыблемости существующей жизни: все как надо, все хорошо.

Но были в Симбирске и иные дома, и иные люди, которые стремились увидеть и понять, что и как можно изменить в окружающем мире, чтобы уменьшить те коряжистые их души несправедливость и жестокость. Именно среди них были семьи Ульяновых и Керенских.

О семье Ульяновых написано и сказано очень много. Она на самом деле жила демократическими воззрениями и ценностями. Тема добра и зла, бесправного положения простолюдинов в этих условиях имела для ее членов особенную выпуклость и рельефность. И разве не это все стало той питательной средой, в которой по-юношески впечатлительная душа Володи Ульянова воспылала гневом к угасам окружающей жизни? Не потому ли в ней начало разгораться желание принять участие в борьбе за новую Россию?

Скорее всего, да, ибо, напитав свою душу мыслями Чернышевского, Добролюбова, Успенского, даже, пусть поверхностно, познакомившись с "Капиталом" Маркса, уже нельзя

оставаться равнодушным к униженному и бесправному положению живущих рядом людей.

А тут еще и удивительная красота и бескрайняя ширь Волги — величественного и зримого символа свободной и полной жизни. Находясь на этом удивительном волжском косогоре, созерцая с высоты птичьего полета божественно-завораживающий вид на окружающий мир, невозможно не переживать ощущение власти над пространством и временем, не задумываться о существовании и смысле жизни, об особом предназначении человека. Отсюда тоже черпало силы биение бунтарских мыслей в мозгу молодого человека.

Свою роль в судьбе Владимира сыграла, конечно, и его трогательная любовь к старшему брату. Гибель Александра на эшафоте только за подготовку к покушению — это то потрясение, которое неизбежно должно было перевернуть всю душу семнадцатилетнего юноши. Ленина часто упрекают, что все его последующие действия были обусловлены местью царю, не пощадившему его брата. Было и это, но личная месть и продуманная, логически обоснованная система совершенствования российской жизни, выношенная им, — это далеко не одно и то же.

Симбирск в памятью 1887 году возвел вокруг Ульяновых стену отчуждения и презрения. Очень многие считали своим долгом отвернуться от "проклятого" семейства. Но не так это событие переживалось в семье Керенских. К сожалению, мы не располагаем достаточными документальными свидетельствами на этот счет, но, судя по известным поступкам директора классической гимназии Ф.М. Керенского, с большой долей вероятности можно предположить, что вокруг Ульяновых было тогда много споров и рассуждений и там. Должны были столкнуться несколько логик: первая — официальная, которая заставляла однозначно осудить поступок Александра Ульянова. Вторая логика брала свое начало в либеральных, а отчасти и народных настроениях, которые в те годы доминировали в сознании подавляющего большинства представителей русской интеллигенции. А к ним Ф.М. Керенский был как раз не равнодушен. Умом и сердцем он понимал необходимость изменения внутренней жизни России, перестройки ее по европейским образцам. Именно поэтому, несмотря на имевшиеся настроения исключить Владимира из гимназии как брата государственно-преступника, он разрешил ему окончить гимназию и получить аттестат зрелости. Мало того, он подпи-

сал характеристику, которая позволила Ульянову поступить в Казанский университет. Все это говорит об очень многом: пойти против доминировавшего общественного мнения находившемуся на государственной службе человеку было далеко не просто, но он этот поступок совершил. Это и было отражением той атмосферы, в которой воспитывался Саша Керенский в Симбирске, а потом в Ташкенте, куда в 1889 году переехала его семья. Эти впитанные в семье настроения проявились впоследствии в его участии в студенческих сходках, в создании комитета помощи жертвам Кровавого воскресенья, в событиях Февральской революции, в принадлежности к трудовикам и социалистам-революционерам. В ту пору, в 1917-м, А.Ф. Керенский воспринимался не иначе, как народный герой, выкованный дореволюционной борьбой, застенками и нагайками лавшего режима. И он на самом деле горел страстью переустроить Россию на демократический лад. Но слишком глубоким оказался кризис, в который попала страна, чересчур глухой, недалечной и алчной проявила себя отечественная буржуазия. Процесс политической борьбы пошел дальше, и его крутая волна вознесла на самый ее верх Владимира Ульянова.

Расклад политических сил и законы политической борьбы развели двух симбирян по разные стороны исторических баррикад. Но ныне, сквозь толщу лет, их судьбы воспринимаются во многом иначе, чем в те горячие революционные годы, и у нас появилась возможность более взвешенно и объективно дать оценку сделанного ими. И это сегодня происходит. Убежден, что чаши весов истории успокоятся, и мы лучше и объективнее начнем понимать и мотивы, и устремления, и способы, с помощью которых наши земляки стремились привести Россию к лучшей жизни.

Два юриста, два революционера, два руководителя правительства России, а у истоков их жизни — Симбирск, где были заложены корни их характеров и мировоззрений. Город — оплот провинциальной России, помнит, знает и понимает который полезно и нужно как с точки зрения истории, так и с позиций современной жизни, которая снова беременна далеко не ординарными событиями и людьми. Ульяновск сегодня, как губка, вновь впитал в себя все противоречия и проблемы современной жизни, и, вполне вероятно, что именно здесь возрастают и набирают силу юные сердца, для которых Родина, Россия — совсем не пустой звук.

Вячеслав Егоров

О Симбирске с любовью...

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.
А.С. Пушкин.

Патриотизм – норма
человеческого существования.
Д.С. Лихачев.

Урок-экскурсия по старому Симбирску

Учитель: Ребята, сегодня мы с вами совершим экскурсию по старому Симбирску. Нас ждет увлекательное путешествие во времени и пространстве, нам могут вестить необычные путники, мы многое увидим и узнаем. Но что же такое экскурсия, что она дает? *(Звучат ответы на поставленный вопрос).*

Цель нашей экскурсии – познакомиться с прошлым родного города, его жителями, вписавшими яркие страницы в историю страны, с его замечательными памятниками архитектуры, многие из которых, увы, утрачены.

Обратите внимание на слова А.С. Пушкина, вынесенные в эпиграф: “Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу”. Для чего мы должны знать судьбу родной земли? *(Обобщаются ответы ребят).* У каждого человека, писал В.А. Солоухин, “есть прошлое, настоящее и будущее. Без одного из этих слагаемых он не то что неполноценен, но его просто нет”, ибо как личность он не состоится.

Прав ли Д.С. Лихачев, который утверждает, что “патриотизм – норма человеческого существования”?

Каждый уважающий себя человек должен уважать прошлое, ибо патриотизм предполагает не только любовь к своей малой родине, но и глубокое уважение к ее истории, а это, в свою очередь, предполагает знание ее истории.

Симбирские гимназисты очень хорошо знали историю родного города, любили Симбирск и гордились им. Они могли бы быть прекрасными нашими экскурсоводами. Но кто поможет нам оказаться в Симбирске XIX века?

Появляются Муза истории Клио и Муза поэзии Полигимния.

Клио: Мы поможем. Только будьте внимательны, по окончании экскурсии ответьте на эти вопросы.

Полигимния вешает плакат с вопросами.

1. Кем и когда основан Симбирск?

2. Что выгодно отличало Симбирск от других городов Поволжья?

3. Как соединялось Подгорье с городом?

4. На какие три части делился город по благоустройству? Лучшая из них.

5. Назовите улицы, по которым совершили экскурсию. Сохранили ли они свое название?

6. Назовите имена писателей и поэтов, чья жизнь была связана с нашим краем.

7. Назовите архитектурные памятники, которые встретились нам в ходе экскурсии.

Гаснет свет, освещается доска, на которой размещены фотографии старого Симбирска в той последовательности, как идет экскурсия.

Полигимния: Посмотрите, Клио, какой живописный

пейзаж! В этом месте отлогий берег реки холмом возвышается над ней, а золотые лучи солнца утопают в зелени садов.

Клио: Местность удивительна, но иначе и быть не может: ведь город расположен на реке Ра, что означает щедрость.

Полигимния: Тише, я слышу звуки лиры...

(На фоне мелодии учащиеся читают стихи).

1. Он стоит в красоте живописной своей

Высоко над окрестными селами,

Только крыши домов да макушки церквей

Поднялись над садами весельми.

2. Величавая Волга, царица-река,

И Свяга лазурная, чистая

Близ него положили свои берега,

И зеркальна их гладь серебристая.

3. Чуть займется заря – они обе в огне,

И краса его в них отражается,

И, ласкаясь, его обнимают они,

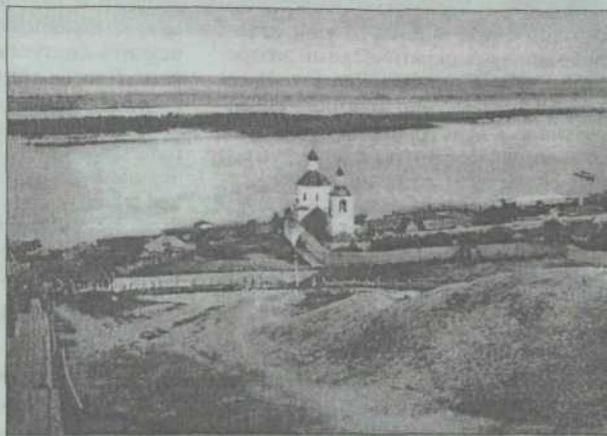
Эти тихие реки-красавицы.

Клио: Да, этот город, должно быть, имеет богатую историю: я слышу стук топора и вижу много людей. Мы остаемся. Но как подняться на вершину холма, который венцом возвышается над городом?

Появляются гимназист и гимназистка, они слышат последние слова.

Гимназист: Это и есть Венец – любимое место отдыха горожан, гордость нашего города.

Гимназистка: Не видеть Венца – значит не видеть Симбирска.

Смоленская церковь. Смоленский спуск к реке Волге

Клио и Полигимния: Кто вы? Как здесь оказались?

Гимназист и гимназистка: Мы гимназисты, возвращаемся с летних каникул.

Клио и Полигимния: В вашем городе есть гимназия?

Гимназист и гимназистка: И не одна. Мужская классическая и Мариинская женская. Хотите, мы покажем вам город?

Полигимния: Но как мы пройдем к Венцу?

Гимназист: Подгорная часть, где мы находимся, соединяется с городом несколькими спусками. Мы поднимаемся по самому удобному из них – Петропавловскому. У его подножия когда-то стояла церковь в честь апостолов Петра и Павла (*показывает фото*).

Гимназистка: Вот мы и на вершине. Город можно разделить на три части: дворянскую, торговую и мещанскую. Мещанская часть – беднейшая часть города, самая неблагоустроенная; торговая – та, где оживленно ведется торговля и проходят ярмарки, ведь Симбирск – крупный торговый центр (*показывает фото*).

Гимназист: Украшением Симбирска является дворянская часть. Здесь находятся частные пансионы, школы, гимназии, театр, общественные сады и бульвар, соборы, здание Дворянского собрания и Карамзинской библиотеки.

Гимназистка: Улица, по которой мы направляемся к Венцу самая большая и красивая, она называется Большая Саратовская (*показывает фото*). Эта улица шоссирована, по бокам ее имеются тротуары, по ночам она освещается.

Гимназист: Мы доходим до пересечения этой улицы с улицей Московской и сворачиваем направо.

Клио: Я вижу собор. Он удивительно хорош.

Гимназистка: Да, соборы – украшение города. Их три: два из них находятся на городской площади, которая так и называется – Соборная. А перед вами – Вознесенский собор (*показывает фото*).

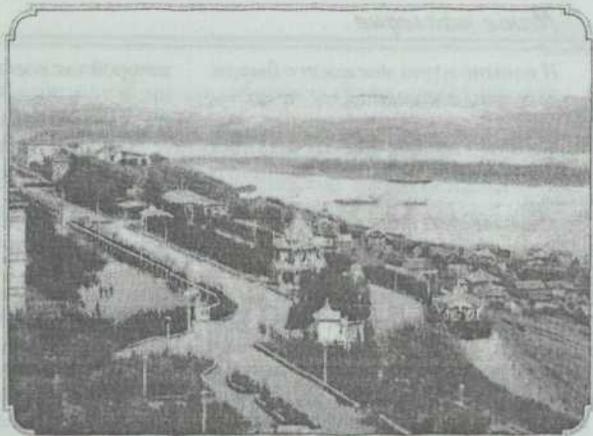
Гимназист: Далее по Московской улице мы направляемся к Соборной площади, центральной в городе.

Полигимния: Так вот какие эти соборы. Это их золотыми куполами, утопающими в зелени, любовалась я там, внизу.

Клио: А вот архитектурное решение этого собора (*показывает фото Троицкого летнего собора*) мне очень хорошо знакомо.

Гимназистка: Троицкий собор был построен на месте более древнего собора, ровесника города. Его архитектор – наш земляк Коринфский. Он учился у самого Воронихина, по проекту которого был возведен Казанский собор в Петербурге.

Гимназист: Наш Троицкий собор был построен в честь победы русского народа в войне 1812 года. Здесь

Бульвар Новый Венец

хранятся полковые знамена симбирского ополчения. Симбиряне принимали активное участие в войне 1812 года. Имена многих известны всей России: Петр Никифорович Ивашев, Петр Иванович Юрлов, Денис Васильевич Давыдов.

Полигимния: Давыдов?

Гимназистка: Да, это о нем писал Языков, наш земляк:

*Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец, чернокудрявый,
С белым локоном на лбу!*

Гимназист: Давыдов – боевой офицер и поэт. Тот же Языков писал о его стихах:

*Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воиственно-летучий,
И разгульно-удалой.*

Полигимния и Клио: Любопытно было бы послушать стихи самого поэта Давыдова.

(Выходит ученик в форме гусара, читает стихи).

*За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки злые
К нам пожалуют назад!
За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!
О, как страшно смерть встречать
На постели господином,
Ждать конца под балдахинном
И всечасно умирать!
О, как страшно смерть встречать
На постели господином!
То ли дело среди мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
То ли дело среди мечей:
Там о славе лишь мечтаешь!*

Ученик:

*Нет, не только берега крутые,
И не только тучи-облака,
В Волге, словно в зеркале России,
Отразились судьбы и века.*

Ученица:

*Дочь крутых берегов, берегов луговых,
Прикастийских ветров и преданий тверских,
Не обхватишь рукой твой могучий простор:
Поднялись над рекой шапки сдвинутых гор.*

Троицкий и Николаевский Кафедральные соборы

И поныне волна мне поет о былом,
Как жила старина на приволье
родном.

Клио: Тише, я все отчетливее слышу звуки и могу уже различить голоса.

(Звучит Указ царя Алексея Михайловича в исполнении глашатая).

Ученик-глашатай: 10 февраля 1648 года указал государь и бояре приговорили быть окольному Богдану Матвеевичу Хитрово с дьяком Григорием Кунаковым в пониженных городах для оберегания от приходу нагайских людей и для строения новых городов и засечных крепостей от реки Барыша до реки Волги.

Гимназист: Так был заложен город Симбирск.

Клио: Что же строилось в Симбирске?

Гимназистка: “Строился Симбирск по общему типу других городов того времени: в середине стояла крепость, погреб для пороха и оружия, воеводский двор, собор Живоначальной Троицы, приказная изба, осадные дворы помещиков и вотчинников, а кругом тянулся земляной вал, за которым шли посад, площадь, земляная изба, гостинный двор, острокружечный двор, конская изба, слободы с дворами тягловых людей... А затем – мужской Успенский монастырь, девичий Спасский монастырь и несколько церквей”.

Полигимния: Звуки лиры доносят до меня мелодию стиха.

Ученик:

*Ровно три с половиною века назад
Этот холм был окутан дубровою,
Лишь белелся дымок от землянок
и хат*

Возле Волги над чащей зеленою.

Ученица:

*Строил город боярин Богдан
Хитрово,
Алексея-царя повелением.*

*Окружил частоколом и валам его
И заставил хорамным строением.*

Гимназист: Мы с вами стоим на территории древнего Кремля. Она не ограничивается лишь Соборной площадью. Пройдемте по Стрелецкой улице, когда-то ее заселяли служилые люди стрельцы. Это одна из первых улиц города.

Полигимния: Что с тобой, Клио?

Клио *(оглядывает памятник Карамзину):* Я впервые вижу свое изображение венчающим памятник простому смертному.

Гимназистка: Вы ошибаетесь, Клио. Это не простой смертный. Это наш земляк Н.М. Карамзин, известный писатель, величайший историк, автор “Истории Государства Российского”,

которой так восхищались современники, в том числе Пушкин. Это творение скульптора Гальберга.

Полигимния: Вы упомянули Пушкина. Разве он тоже ваш земляк?

Гимназист: Нет, но Александр Сергеевич бывал в нашем городе и в родовом имении своего друга, поэта Н.М. Языкова. Городской дом Языковых находится совсем рядом отсюда.

Клио: Надо же! Сколько прекрасных талантливых людей творили на симбирской земле...

(Звучит лирическая мелодия, ученик читает стихи).

*Край – отчизна поэтов! Здесь
всюду жива*

*Память, их населением чтимая.
Здесь языковских песен не замер*

призывает...

*Карамзинская статуя медная...
Гончаровым прославленный*

в роще обрыв

И могила Минаева бедная...

Полигимния: Это река Ра, именуемая вами Волгой, так щедро одарила талантами симбирский край.

Клио: Волга словно воплотила в своем облике широкую и удалую душу русского человека. Она издавна была колыбелью русской песни, музыки, поэзии, живописи, народного творчества, она была радостью и гордостью русского народа, его вдохновением и любовью.

Гимназистка: Поэты-симбиряне посвятили немало прекрасных строк красавице Волге:

*Тебе несу стихи, река моя родная –
Они навеяны и созданы тобой –
Мелькали предо мной, окраскою*

*сверкая,
Как рыбки вольные сверкают*

чешицей!

*Простор песков твоих, лесов
живые краски,*

*Разливы веиние ликующей воды
И темных Жигулей предания*

*и сказки
На них оставили заметные следы.*

*Я вырос близ тебя, среди твоей
природы,*

*На берегах твоих я речь ковал, –
так писал, обращаясь к Волге, Дмитрий Садовников.*

Гимназист: Много строк любимой Волге посвятил и Н. Языков. Его стихотворение “К Рейну” прозвучало как гимн во славу родной реки:

*Я волжанин: тебе приветы Волги
нашей*

*Принес я. Слышал ты о ней?
Велик, прекрасен ты! Но Волга*

*больше, краше,
Великолепнее, пышней и глубже*

Быстрая и шире голубая!

Полигимния: Какой прекрасный

вид открывается с волжского косога на Волгу.

Клио: Да, очень удачное место для строительства города выбрал Богдан Хитрово.

Гимназист: Вы правы. Особенности места расположения города и его застройки отмечали многие современники, совершающие путешествия по Волге.

Гимназистка: Вот, например: “Город сей перед многими другими городами, которые нам от Москвы проезжать случалось, гораздо лучше выстроен. Город Симбирск перед другими городами может хвалиться и яблоневыми садами, которых как в самом городе, так и около находится великое множество”.

Гимназист: Ну вот и все. Здесь, на Венце, где горожане так любят отдыхать, мы и закончим наше путешествие по Симбирску.

Клио: Да и нам пора в путь.

Полигимния: Мы были очень рады познакомиться с вами и с вашим городом. Большое спасибо.

Клио: Нам приятно, что вы знаете историю родного города.

Полигимния: И мы с удовольствием послушали стихи поэтов – ваших земляков. Надеемся, что наше знакомство перерастет в дружбу, которая поможет вам в дальнейшем изучении наших предметов *(Клио и Полигимния прощаются и уходят).*

Учитель: Наша экскурсия завершена, но знакомство с историей родного края, его литературной жизнью и культурой далеко не закончено. Мы еще не раз обратимся за помощью к Клио и Полигимнии. А теперь обратимся к заданию, которое получили от них.

(Работа над вопросами).

Учитель: Есть памятники материальные, а есть – духовные. Памятник – от слова “память”. Удивительным свойством наделен человек – памятью. Память – это не только сохранение прошлого, но и забота о будущем. На востоке есть поговорка: “Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее в тебя выстрелит из пушки”. Как вы понимаете эти слова?

(После ответов учащихся).

- Долг каждого – забота о памятниках прошлого, ибо сохранение прошлого – это и забота о будущем.

Разработка учителя школы № 62

Австанчиковой

Людмилы Петровны

(творческая судьба автора связана с Государственным историко-мемориальным заповедником

“Родина В.И. Ленина”)

И.Г. Глинка

Резчик Н.А. Ерошкин. Рис. А. Пластова

Эта женщина – само обаяние, образец душевной красоты и благородства. Слушать ее – упоение, смотреть в ее чистые глаза, некогда вдохновлявшие Р. Фальку, – наслаждение, ощущать себя современником той, что была связана дружескими отношениями с выдающимися деятелями культуры XX века, – огромное счастье!

Потомок знатного рода

В мае нынешнего года Ирина Глебовна, потомок знаменитого рода Глинок, второй раз в жизни приехала в Ульяновск. Прибыла она с благородной миссией: передала в дар Ульяновскому областному художественному музею рисунки народного художника СССР, нашего земляка Аркадия Пластова, с которым некогда дружил ее отец – Глеб Александрович Глинка. “Дар Бесценный” пополнил коллекцию музея, в которой сегодня насчитывается 108 произведений Аркадия Пластова. За время пребывания в нашем городе Ирина Глебовна посетила почти все ульяновские музеи, где обрела много новых друзей, встречалась и беседовала с земляками.

Одна из самых ярких встреч состоялась в Выставочном зале историко-мемориального заповедника “Родина В.И. Ленина”. Ирина Глебовна Глинка рассказала собравшимся много интересного о своих предках, о симбирских корнях.

В нашем городе проживало несколько представителей рода Глинок. Свое происхождение этот род ведет от польских дворян и известен с XI века: в 1024 году герб Тражеска был пожалован рыцарю рода за то, что он “оборонил” короля своим мечом.

Фамилия Глинка была хорошо известна в России. Наибольшую известность, без сомнения, снискал великий

русский композитор Михаил Иванович Глинка (1804-1854). Благодарную память потомков заслужил К.Д. Глинка (1867-1927), принимавший участие в экспедициях профессора Докучаева. В начале XX века под его руководством было проведено исследование по качественной оценке земли ряда губерний, в том числе и Симбирской.

Широко известно имя Федора Николаевича Глинки (1786-1880), участника сражения под Аустерлицем, литератора, автора многих стихов и прозаических произведений, в том числе “Писем русского офицера”. Родной брат Федора Глинки – Сергей Николаевич (1776-1847) – первый (как заметил князь П. Вяземский) профессиональный литератор в России, основатель журнала “Русский вестник”. Во время вторжения в Москву Наполеона С.Н. Глинка пожертвовал все фамильное столовое серебро в пользу армии, он обращался к москвичам с пламенными воззваниями оказывать посильную помощь русским войскам. Сергей Николаевич – прадед Александра Сергеевича Глинки – дедушки Ирины Глебовны, воспоминания о котором мы хотим предложить нашим читателям как одну из глав будущей книги Ирины Глебовны Глинки.

Фото О.А. Свешниковой

И.Г. Глинка в музее городского быта

И.Г. Глинка с сотрудниками художественного музея

Из книги воспоминаний И.Г. Глинки

Приспела пора рассказать о дедушке Александре Сергеевиче Глинке-Волжском. Некоторые произведения свои он подписывал псевдонимом "А.С.Волжский". Это было, вероятно, данью памяти кого-то из предков, перебравшегося из Смоленских земель в Заволжье. А может, указанием на место собственного появления на свет.

Рождённый в 1878 году, дедушка мой, как и прадед его Сергей Николаевич, был литератором-профессионалом, но до революции ещё и служил в Казённой палате, а в молодые годы учительствовал. Одним из его частных учеников был Виктор (Велимир) Хлебников, дружеские отношения с которым сохранились надолго. Так, году в 1923-м, Хлебников лето прожил в квартире на Новинском бульваре. Дедушка с бабушкой переселились тогда на дачу, а в городе оставался только мой отец, чьи рассказы о странностях привычек Хлебникова я хорошо помню.

Печатался дедушка в периодике и книги до революции выпускал. Его произведения, видимо, можно назвать философскими, литературоведческими и критическими эссе. Круг авторов, чьё творчество его интересовало и служило поводом для статей, был весьма широк. Первым, естественно, следует назвать Достоевского, но ещё были Лев Толстой, Лесков, Чехов, Глеб Успенский и многие другие. Эта широта интересов помогла ему в советское время, когда собственные работы печатать стало невозможно. Он нашёл применение своим знаниям в качестве редактора-составителя и комментатора: готовил к печати большой однотомник Глеба Успенского, двухтомник рассказов и повестей Чехова и другие произведения.

Был дедушка подлинным главой семьи в самом классическом, патриархальном смысле. Взрослые, давно женатые сыновья, со всеми своими проблемами приходили сначала к маменьке, и только после обсуждения всех дел своих с нею, осмеливались на разговор с папенькой. И решение, принятое им, исполнялось беспрекословно. При этом дед говорил всегда тихим голосом, мягко и деликатно.

Редакторская работа требовала сосредоточенности и тишины, поэтому рабочий день деда делился на две части, как и время сна. Начинал работать он в пять часов утра, зимой – ещё затемно, когда весь дом досматривал

А.С. Глинка, 1940 г., Москва

последние сны, и тишина стояла полнейшая. В десятом часу садились завтракать все, кто был в доме, после чего дедушка отправлялся спать до двух часов пополудни. Обедали в начале третьего. После обеда дед вновь усаживался за работу (опять – в тишине). Только после семи уже можно было пошуметь в доме нам, детям. В это время появлялись и визитёры. Если к вечернему чаю народу собиралось много – самовар приносился в столовую. Если же бывали только свои, чай накрывали в кабинете. Там, возле книжных полок, стоял тот овальный ореховый стол с четырьмя креслами, на котором стоит сейчас мой компьютер. Только кресло осталось теперь одно...

Воспоминание о вечерних чаепитиях в кабинете напомнило мне комический случай зимы сорокового года, времён злосчастной Финской войны. В этот период вновь возникли проблемы с продуктами, как бы ненадолго забытые в 1938-39-м годах. Поэтому на столе был только нарезанный батон, сушки и тарелочка с ливерной колбасой. В застольной беседе наступила пауза. И в эту минуту из-под стола с узкой его стороны, прислонённой к книжным полкам, высунулась чёрная кошачья лапа, протянулась точно к тарелочке с колбасой, ухватила два кусочка когтями – и исчезла. Грязный хохот заставил воришку опростельно вылететь в коридор.

Это был дедушкин кот, красавец персидских кровей, чёрный и пушистый, в белой манишке, белых перчатках и

носках. Постыдный эпизод с кражей ливерной колбасы был совершенно не типичен для этого аристократа – просто прислуга два дня не кормила его по забывчивости, а просить о чём бы то ни было он считал унижительным для себя. Душою и телом кот принадлежал только дедушке и никому другому – просто не замечал остальных, не удостаивал вниманием. Когда дед работал, кот сидел за его спиной на подушке, прищипленной к плоскому верху спинки большого вольтеровского кресла. Подушку – чёрную, бархатную, с аппликацией из трех карт (тройка, семёрка, туз) – вышила и подарила коту моя мама. Иногда он лежал на этой подушке в позе сфинкса, иногда – сидел с прямыми передними лапами и высоко поднятой головой, как священные коты Египта. Когда ему становилось скучно, он осторожно протягивал лапу и гладил деда по шеке возле бакенбарда. Дед, в свою очередь, протягивая руку, гладил его или щекал за ухом, за что долго потом, слушал благодарное мурлыканье...

Во время последней дедушкиной болезни кот не отходил от него. Выскочит по нужде на чердак – и бегом обратно. Всё старался улечься деду на живот – на больное место. У деда был запущенный рак. В последнюю неделю он громко стонал, когда кончалось действие морфия. И кот стал кричать. Не мяукать, а именно кричать и метаться по комнате, будто зовя на помощь... Совсем не ел, прижимался к дедушке и дрожал крупной дрожью. Когда всё было кончено, кот уже не мог издать ни звука, из разинутого рта раздавалось какое-то шипение. Он медленно, шатаясь, переходил из комнаты в комнату и, казалось, плакал...

Это была первая смерть, которую я пережила. Странно, но больше всего я помню именно горе кота. Наверное, потому, что оно было... безмерным каким-то и совсем человечьим.

Дедушка вспоминается не часто. Он остался в довоенном времени, в доме на Новинском. Туда мне хочется вернуться, чтобы рассказать о доме подробнее.

Поскольку "моей" комнатой там был папин кабинет, начну с него. Пол в нём с осени застилали плохо выделанными волчьими шкурами, которые за зиму совсем выгапывались, лысели и по весне выбрасывались. А поскольку во все игры играть было

интересно именно на шкурах, то, по возвращении домой на Бронную, мама раздевала меня догола и отправляла в ванну, а одежду – в стирку, потому что волчья шерсть только что из ушей у меня не торчала...

А ещё на Новинском топились печи (на Бронной было центральное отопление), и всегда было жарко – открывать форточки было не принято – “тепло уйдёт”. Помню вечернюю игру с папой у печки. Он вырезал из плотной бумаги фасад многоэтажного дома с открытыми окнами и дверями, боковые части отгибал назад, чтобы дом стоял, и в открытой печи, где в глубине тлели угли, ставил его у краешка. В комнате гасился свет, и казалось, что окна в доме освещены изнутри... А потом – будто начинался пожар, и дом быстро сторал, рассыпаясь пеплом... Я требовала повторения ещё и ещё, но пора было спать.

Время перед сном, когда гасился свет и открывалась форточка (вопреки тамошним порядкам, потому что засыпать в духоте я не умела), было самым любимым. Окна папиного кабинета смотрели на запад, а чуть влево, наискосок – виднелся Киевский вокзал за Москва-рекой – тогда ещё не было многоэтажной застройки с этой стороны реки...

Вечерами, когда родители куда-нибудь уходили вдвоём, оставляя меня ночевать на Новинском, время перед сном проводил со мной Витюшка. И самым любимым занятием нашим было разглядывание иллюстраций Гюстава Доре к Библии. Огромный и тяжеленный том в чёрном кожаном переплёте укладывали мы на полу в круге света от старой настольной лампы под зелёным стеклянным абажуром, стоявшей на отцовском письменном столе. Сами же то лежали, то сидели тоже на полу возле неё, очень осторожно переворачивая страницы. Осторожно не только потому, что берегли эту замечательную книжицу, но и потому ещё, что некоторые особенно страшные картинки мы старались перевернуть, не глядя на них...

В войну книга пропала. Но много лет спустя, обнаружив вчетверо меньшего размера издание Доре в доме друзей, я не могла оторваться от книги часа два... И с удовольствием убедилась, что помню не только каждую гравюру во всех подробностях, но и их последовательность. Только те, что вызывали ужас, оказались вовсе не страшными, а скорее вялыми и академичными.

Я собиралась рассказать про чердак. На самом деле их было два. Первый, светлый, куда попадали через окно-дверцу из дедушкиного кабинета,

А.С. Глинка-Волжский

А.А. Знаменская, теща А.С. Глинки

Глинка Глеб и Борис, 1913 год

та, был полон удивительных вещей! Была там кушетка с высокой спинкой изголовья и с одним подлокотником – второго не полагалось. Противоположный изголовью конец кушетки понижался и заканчивался толстым валиком, обтянутым кожей, чтобы не нужно было снимать туфли, когда приляжешь ненадолго... Ещё там находился забавный диванчик на двоих, похожий на букву S (сядешь, люди оказывались почти что лицом друг к другу), было у него старинное название, которого не могу вспомнить, к сожалению. А ещё стояли большие сундуки, полные одежды прошлых времён. Их содержимое очень выручало нас с мамой после сорок третьего года, когда мы вернулись из Омска. В школах тогда введена была обязательная форменная одежда: коричневое шерстяное платье с чёрным по будням и белым по праздникам – фартуком. Только раздобыть коричневой шерсти на платье было неоткуда, всё ведь “распределялось” по карточкам. Но выручил сундук с чердака. Там нашлось замечательное платье 80-х годов позапрошлого века коричневой шерстянки, сшитое ещё вручную, без швейной машинки! Когда мама спорила буфы с рукавов, сняла пышный турнир с подушечкой из конского волоса, заложила на юбке три попеременные складки (запас на вырост) и обрезала лишнюю длину, – получилось замечательное форменное гимназическое платье, да ещё на мадаполамовой подкладке. Оно бесценно прослужило мне вплоть до десятого класса. Было в нём одно неудобство: корсаж застёгивался на спине, от пояса доверху, на тридцать восемь встречных крючков – в расчёте на помощь горничной, разумеется. Застегнуться самой в утренней спешке мне не удавалось: вечно опаздывая, я бежала вверх по школьной лестнице, прикрывая не застёгнутый верх платья толстым вигоновым платком. И весь первый урок соседка с задней парты застёгивала злополучные крючки под этим платком.

Но одной своей затее я себе до сих пор простить не могу... Я надела на школьный вечер ампирное платьице – “татьянку” из кремового маркетиза, вручную расшитого по всему полному частыми маленькими букетиками аютиных глазок... Не меньше месяца, наверное, вышивала его в двадцатых годах прошлого века какая-нибудь крепостная девушка... С открытыми плечиками, с крохотными пышными рукавчиками, со сборчатым коротким лифом и юбочкой-трапецией до лодыжек, на двойной подкладке из той же ткани. Это теперь я понимаю, что платьице было

бы гордостью любого музея, и готова плакать от злости на себя... А тогда оно начало на мне расплзаться просто от телесного тепла, наверное... Я вернулась домой и так же, как без спросу надевала его, – выбросила, никому ничего не сказав... Призналась в этом я много лет спустя питерскому дядюшке Владиславу Михайловичу Глинке, большому знатоку истории костюма, хранителю Русского отдела Эрмитажа. И получила по заслугам... Так мне и надо!

Из другого сундука я одела в маскарадные костюмы весь свой класс на новогодний вечер. Кажется, это был первый Новый год после войны, сорок шестой... Сама я оделась в костюм кога (!): серый фланелевый комбинезончик с белоснежным жабо, манжетами и оборками на штанишках, глухой кашпошон со смешной усатой маской, а главное – длинный хвост на жестком проволочном каркасе, петля от которого очень ловко и туго была прибинтована под комбинезоном к лопаткам. Чуть шевельнешь плечами – и хвост хлещет из стороны в сторону... Узнать меня в этом костюме было невозможно, а потому покурлесила я вволю! Ни слова не произнесла, только мяукала, мурлыкала или орала мартовским котом, а потом тихоно удрала, никому не открывшись. Впервые в жизни испытала я тогда восторг сценического перевоплощения – отчуждения от собственной личности и полной свободы...

Второй чердак был тёмным.туда вела почти незаметная дверка со светлого. Был он тоже большим, но резко понижался под скат крыши. На этом чердаке году в тридцать седьмом спрятали, разложив толстым слоем по всему полу, прикрыв рогожами и засыпав опилками, всю огромную дедушкину богословскую и философскую библиотеку. Делали это ночами, тайком. Поводом послужил арест деда, кратковременный, слава Богу... То ли хлопоты чьи-то (Бонч-Бруевича, быть может?), то ли смехотворность доноса (что у деда много золота припрятано) помогли... А библиотека так и осталась лежать на чердаке – благо, крыша не протекала... Увозили книги прямо оттуда уже после войны, когда бабушка подарила всю её Московской патриархии.

Зимой бывали замечательные катанья на санках. Не во дворе уже, а в Новинском переулке. Примерно на месте здания СЭВ находилась тогда старая Новинская женская тюрьма, в предреволюционные годы прославившаяся массовым побегом женщин-заклужённых. Кирпичные стены

тюрьмы стояли на высоких откосах, которые при её сносе почему-то скрыли, возводя СЭВ и Белый дом. С этих откосов мы и скатывались, сначала попадая в переулок, который в этом месте круто опускался, а при удаче – достигая и крошки льда на Москва-реке. В те поры гранитной набережной на этом берегу ещё не было.

Игры в самом доме тоже были разными. На Бронной – игра в куклы, которых было много, все разных размеров, но составляли они единую семью. Странно, но несоответствие их размеров и возрастов совсем не смущало меня. Лялька – голыш-младенец в коляске, ростом сантиметров в сорок-пятьдесят, спокойно уживалась в одном доме с мальчиком лет двенадцати Тёмкой, ростом не больше пятнадцати сантиметров... В подходящий по маминскому настроению момент можно было испросить разрешение на устройство “кукольного уголка”. Мебели игрушечной было много, правда, в кровати приходилось всех укладывать по двое. Местом “уголка” было пространство под ампирным шкафом из палисандра в стиле Жакоб, на тоненьких высоких ножках, который стоял в углу комнаты. Можно было занять треугольник паркета под шкафом и за ним, но не выдвигаться дальше передних ножек... Всё так и начиналось, но постепенно кукольный дом обрастал пристроенными столовой, гостиной, кухней и ванной комнатой с моделями – совсем настоящими – дровяной плиты и ванны с колонкой, которые можно было топить щепочками... В какой-то критический момент, когда мама уже не могла дотянуться до содержимого полок с бельём, – следовал категорический приказ “немедля всё убрать”, и я, рыдая, складывала кукол вместе с мебелью в большую светлую корзину с крышкой и замочком. А потом всё повторялось снова и снова...

На Новинском всё бывало иначе. Бабушка любила гостей, а внуков хотела видеть не реже, чем раз в неделю. Так что, кроме постоянно жившего Витюшки и меня, проводившей там не менее половины недели, бывали в гостях кузены: Лёша, почти мой ровесник, сын дяди Бори, а также троюродный брат Шура, года на полтора старше меня. Он-то и придумывал сюжеты всех игр, а вовсе не Виктор, хоть тот был самым старшим...

Играли “в пиратов” или “в разбойников”, а ещё в игру, доставшуюся по наследству от родителей, – “в больших мальчиков”. Непременным условием игр было переодевание. На пыльный чердак к сундукам нас не

пускали, но в коридоре, между ступеньками в папин и дедушкин кабинеты, стоял волшебный шкаф... Кстати, ни в одной из книг по истории мебели мне никогда не встретилося ничего подобного. Стоял он, прижимаясь боковой стенкой к стене, а дверцы отворялись и спереди, и сзади, так что одежда висела в два ряда. Как я теперь понимаю, и глубина, и ширина у него были больше метра. А расстояние между ним и противоположной стеною оставалось узеньким. Так что, неся посуду для вечернего чая, когда его пили в кабинете деда, прислуга, наклоняя поднос в этом узком проходе, обязательно что-нибудь разбивала... И бабушка, сокрушаясь, непременно говорила, что надо бы куда-то переставить эту махину... Но для нас, ребят, шкаф был полон сокровищ. Там висели студенческие и чиновничьи шинели деда, а может, и прадеда; висели крылатки с пелеринами, старые форменные мундиры, фраки и дамские роброны. А на шкафу громоздились шляпные картонки...

Каждая из игр требовала определённых аксессуаров и даже костюмов. Так, благородные разбойники (сродни Шиллеровским) облачались в крылатки и чёрные, мягкие, широкополые итальянские шляпы. Неизменным атрибутом пирата была яркий платок, которым была повязана голова, и завязанный чёрным или красным – глаз, почему-то всегда левый, как у Билли Бонса из “Острова сокровищ”.

А игра из детства родителей – “в больших мальчиков” – требовала пышных шейных платков и соломенных канотье с чёрными ленточками...

Когда в этих костюмах проносились мы всей ватагой через столовую, бабушка, перетирая стаканы, сполоснутые после чаепития в медной полоскательнице, задумчиво произносила что-нибудь вроде: “Эти канотье я купила мальчикам там-то в 1908 году”...

Вспомнила семейный анекдот из времён летних путешествий.

Прогулка в шарабане по горной дороге. Седоки располагаются в экипаже не лицом друг к другу, а спинами (название экипажа этого типа я, увы, забыла). И так, на переднем сиденье, глядя вперёд, – дедушка с бабушкой, а за их спинами, глядя назад, – дети: Лиля в серединке, а мальчики по краям. Бабушка, в большой шляпе, украшенной цветами и птицами, которая мешает обернуться назад, спрашивает: “Ты держишься, Глебушка?” – “Держусь, мамочка”. – “А ты держишься, Боречка?” – “Держусь, мамочка”. – “А за что ты держишься, Боречка?” – “За штанишки, мамочка”...

“А я останусь...”

Читая трогательные воспоминания Ирины Глебовны Глинки, не перестаешь восхищаться живым и легким литературным языком (а ведь она – скульптор по профессии и историк по образованию), образностью речи, компьютерной грамотностью (освоить технику нового столетия почти в 70 лет!). Мягкая ирония, тонкий юмор, точное и яркое художественное воспроизведение событий полувековой давности...

И снова вспоминается нынешний май, Выставочный зал заповедника, где Ирина Глебовна рассказывает собравшимся о нелегких судьбах своих близких. Тот же безупречный язык, логика и красота повествования, но... в глазах – слезы. Порой к горлу подкатывает горький ком не проходящей с годами боли, особенно за отца...

Глеб Глинка, как и его отец, и дед, – уроженец Симбирска. Он один из трех детей в семье смог получить высшее образование. Русскому слогу и стихосложению учился в Институте Слова у Валерия Яковлевича Брюсова, который пренебрег запретом обучать детей дворян-лишенцев. Поэт, прозаик и публицист, Глеб Александрович не мог реализовать себя в 30-е годы, а война навсегда разлучила его с Родиной.

В июне 1941 года Глеб Глинка по семейной традиции записался добровольцем в Краснопресненскую дивизию московского ополчения. Половина роты литераторов (а всего их было 1864 человека) собиралась во дворе ГИТИСа, в Кисловском переулке, а сбор второй половины назначен был возле Союза писателей – во дворе той самой усадьбы на Поварской, которую Толстой описал как дом Ростовых.

Литераторов отправляли на фронт с одной винтовкой на четверых – остальным давали подкрашенные серые палки размером с винтовку, чтобы с вражеских самолетов воины казались вооруженными. Из этих двух тысяч необученных романтиков в живых остались единицы...

Ополчение просуществовало до середины октября: в районе Вязьмы, вместе с двумя регулярными дивизиями, оно попало в окружение. Большинство погибло, кто-то оказался в плену, в том числе – Глеб Александрович. Выжил, как считает дочь, по двум причинам: опытный охотник, он умел приспособиться к любым тяжелым условиям существования и еще: хорошо знал немецкий язык.

Г.А. Глинка с женой и дочерью

Г.А. Глинка, 1922 (24) год

Г.А. Глинка, 1989 год, США

Много лет Глеб Александрович считался пропавшим без вести, и лишь в 1956 году ситуация неожиданно прояснилась...

Муж Ирины Глебовны, аспирант, обедавший как-то в столовой МГУ, обратил внимание на молодого американского ученого, безукоризненно говорившего по-русски. Поинтересовавшись, откуда такое знание языка, он услышал ошеломляющий ответ: “У меня был прекрасный учитель, русский по происхождению, – Глеб Александрович Глинка”.

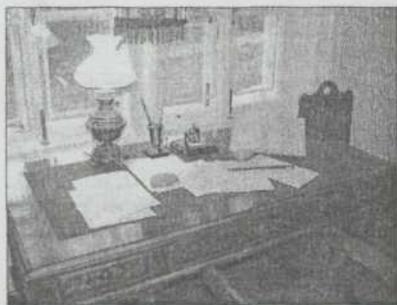
Человек трезвого ума и большого жизненного опыта, Глеб Александрович ясно понимал, что ждет его после немецкого плена на родине, поэтому он не явился на советский сборный пункт и ушел в Брюссель, где многие бывшие пленные нашли защиту. Чем мог зарабатывать бывший советский писатель? Представьте себе: он лепил игрушки по образцу вятских (выручило знание народных промыслов). А позже Глеба Александровича и некоторых других литераторов увезла в Америку из разоренной послевоенной Европы Александра Львовна Толстая, и там, какое-то время спустя, он смог работать в русском издательстве имени Чехова. В 1954 году он собрал и выпустил антологию литобъединения “Перевал”, членом которого был сам. В 1968, а потом и в 1972 году издал два сборника новых своих стихов. Еще Глинка продолжал заниматься переводами, а также преподавал американцам свой родной, безукоризненно чистый русский язык.

О встрече с отцом Ирина Глебовна могла только мечтать, но в 1979 году единокровный брат Глеб Глебович прислал ей приглашение, подкрепленное ходатайствами врачей (отец перенес тяжелый инфаркт). Получив отказ, Ирина Глебовна записалась на прием к большому овировскому начальнику. На все вопросы о причине отказа ответ был один: “Сами знаете”. В заключении разговора он предложил Глинке эмигрировать из страны. Ирина Глебовна ответила жестко: “Я знаю имена лежащих в этой земле предков, служивших Отечеству, с XVI века. А Вы, наверняка, не знаете имен своих дедов. Поэтому я предпочту, чтобы с моей земли убралась такие, как Вы. А я – останусь!”

И ушла, хлопнув дверью...

Встреча с отцом состоялась лишь десять лет спустя, в 1989 году. Почти полвека после расставания!

Без слез Ирина Глебовна рассказывать об этом не может...

В стороне от больших дорог за высоким забором прячется от глаз добротное трехэтажное здание. Время почти не изменило его. И только вид на индустриальное Засвияжье, открывающийся с крутого спуска улицы Воробьева, неумолимо свидетельствует о скоротечности жизни. Нет, не встретить теперь во дворе ни веселой гурьбы смысленных чувашских ребятишек, ни девочек в аккуратно повязанных платочках, не найти крестьянских подвод, на которых из далеких деревень привезли в знаменитую на всю Россию школу новых учеников...

Колыбель чувашской культуры

Здание, еще в 1885 году построенное Иваном Яковлевичем Яковлевым для расширения чувашской школы, по-прежнему служит делу просвещения – его второй этаж занимает представительство Чувашского государственного университета. Однако главная его достопримечательность – уникальный музей “Симбирская чувашская школа. Квартира И.Я. Яковлева”.

Этот единственный в России государственный музей И.Я. Яковлева создавался непросто. Ко времени его открытия в Ульяновске практически не осталось предметов, связанных с жизнью и деятельностью Яковлева – одни давно уже были переданы в Чувашский национальный музей, другие как бесценные реликвии хранились у родственников, живших за пределами нашего города. Даже архивные документы – и те еще в 1950-е годы были переведены в Чебоксары. Само здание после отъезда Яковлевых в 1922 году к сыну Николаю в Петроград сменило немало хозяев – в его стенах размещались первый национальный вуз ЧуВИНО, чувашский педтехникум, педагогическое училище, школа-интернат № 16. В начале 1980-х годов здание несколько лет стояло бесхозным. И только в 1991 году здесь, наконец, открылся музей. Неудивительно, что единственным подлинным экспонатом на момент начала создания музея были только стены.

То, что удалось сделать в этих условиях сотрудникам музея, кажется просто чудом. Но вот поднимаешься на третий этаж по деревянной лестнице, оказываешься в квартире Яковлева и ловишь себя на мысли, что жилим, а не музейным духом веет от стен этой квартиры. Слева от входа – кабинет просветителя. На светлом двухтумбовом столе – письменный прибор, костяной нож для разрезания бумаги и плоский камень, которым Яковлев пользовался как пресс-папье. У стола – резной книжный шкаф, заполненный книгами.

Напротив кабинета – столовая. На накрытом белой скатертью столе – подлинные столовые приборы. Из кобальтовой чайной пары, по воспоминаниям родных, любил пить чай Иван Яковлевич. У окна – комнатные цветы в кадках. Точно такие же, если судить по фотографиям, стояли здесь и в начале прошлого века. По соседству со столовой – уютная гостиная. Смысловой центр комнаты – большой рояль, купленный на свои средства младшим сыном Николаем еще в гимназические годы. Любопытно, что Иван Яковлевич не одобрял слишком серьезного увлечения сына музыкой. Несколько предметов обстановки – диван красного дерева, диван *tete-a-tete*, торшер, кресло, изящный овальный столик – перешли к Яковлеву от семьи Раевских, у которых он жил в 1860-е годы. Самсон Дмитриевич и

его сестра Клеопатра Дмитриевна оказали большое влияние на молодого Яковлева. С их помощью он начал глубоко изучать русский язык и литературу. Раевские неоднократно жертвовали деньги на поддержание яковлевской школы. Осенью 1868 года после внезапной смерти брата Клеопатра Дмитриевна всю мебель красного дерева из его квартиры передала в дар Яковлеву. Часть мебели он оставил у себя, остальную же продал, чтобы нанять квартиру и купить зимнюю одежду для первого ученика школы А. Рекеева.

По другую сторону коридора – две смежные комнаты. Это почти спартанская спальня Ивана Яковлевича, отгороженная ширмой от маленькой гостиной супруги, и лишенная вычурности, но по-женски уютная, спальня Екатерины Алексеевны. “Екатерина Алексеевна всегда была удивительная рукодельница, почему и в ее отделении процветало рукоделие всякого рода, удостаивавшееся даже наград на выставках”, – писал в своих воспоминаниях Иван Яковлевич. И только в детской комнате располагалась документальная экспозиция, рассказывающая о его потомках.

Как же удалось восстановить уклад жизни этой семьи, которая по словам А.В. Жиркевича даже “несмотря на революцию осталась каким-то патриархальным уголком”? Научный сотрудник музея Елена Садовник

рассказывает, что во многом это получилось благодаря Екатерине Алексеевне Некрасовой – Катеньке, первой и любимой внучке Яковлевых, до 16 лет воспитывавшейся в семье дедушки и бабушки. Она приняла деятельное участие в создании музея, нарисовала план расстановки мебели в каждой из комнат, дала описание предметов. Помогли многочисленные фотографии, воспоминания Жиркевича, материалы, еще при жизни просветителя собранные его старшим сыном Алексеем Ивановичем, впоследствии известным историком. Часть подлинников ульяновский музей получил от своих чебоксарских коллег, многие экспонаты подарили внуки и правнуки Яковлевых.

Конечно же, музей не ограничивается только мемориальной квартирой. Одна из важнейших его задач – показать своеобразие этого удивительного учебного заведения, созданного И.Я. Яковлевым 28 октября 1868 года. К концу 80-х годов XIX века Симбирская чувашская школа занимала несколько зданий, в которых располагались классные комнаты и спальни воспитанников, квартиры преподавателей, домовая церковь, книжный склад, библиотека, столовые и пекарня, известная в городе столярная мастерская, овощехранилище и конюшня. Кроме изучения общеобразовательных предметов и педагогических дисциплин, ученики получали прекрасное эстетическое воспитание. Каждый выпускник по окончании школы мог руководить хором; школьный же сводный хор пользовался большой популярностью в Симбирске и неоднократно выступал в зале Дворянского собрания. Девочки учились рукодельничать и обшивали не только себя, но

и мальчиков. Ребята изучали сапожное дело и мастерили для себя и девочек обувь. Для нужд школы Яковлев выписывал из-за границы новейшие сельскохозяйственные орудия. Сохранились архивные документы, рассказывающие о том, что в столярной делались оконные переплеты для Дома-памятника И.А. Гончарова и парты для

вышитыми занавесками, портретами классиков на стенах и большими географическими картами стали колыбелью чувашской культуры.

Мемориальный класс женского отделения Симбирской чувашской школы восстановлен рядом с квартирой Яковлева. Два следующих зала посвящены истории и быту чувашского народа. В одном из них представлены подлинные археологические находки, различные орудия труда, предметы крестьянского обихода. В другом разместились созданная в прошлом году этнографическая экспозиция, которой музей особенно гордится: все экспонаты “крестьянской избы” собраны в чувашских деревнях бывшей Симбирской губернии.

“Благодаря этой экспозиции музей стал доступен даже для младших школьников. Специально для них разработан целый цикл этнографических занятий”, – говорит заведующая музеем “Симбирская чувашская школа”

Александра Аркадьевна Пономарева.

В соседнем здании, с 1992 года принадлежащем Симбирской и Мелекесской епархии, расположился храм Сошествия Святого Духа на Апостолов. Это бывшая домовая церковь, где в 1898 году И.Я. Яковлевым было создано Святодуховское братство, не только преследовавшее религиозные цели в воспитании учащихся, но и призванное заботиться об “оказании им материальной и медицинской помощи, как во время учения, так и по окончании его”.

Храм и сейчас пользуется любовью горожан и его близость к музею усиливает ощущение перемещения во времени...

Инна Буганина
фото В.Е. Панова

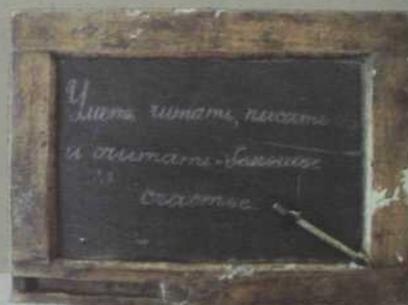
Симбирской классической гимназии. Получала мастерская и частные заказы на мебель. Общим для всех детей было знание основ земледелия и животноводства. Летняя практика проходила на школьной сельскохозяйственной ферме, неподалеку от села Кременки. Сельский учитель – это светоч, он должен знать ответ на любой вопрос, с которым к нему обратятся крестьяне, – так считал Яковлев.

Неудивительно, что более чем за полвека своего существования Симбирская чувашская школа превратилась в крупный центр просвещения и выпустила в свет выдающихся педагогов, деятелей науки, литературы и искусства. Воспитанники этой школы составили свет чувашской интеллигенции. Чистые светлые классы с красиво

Какие цветовые ассоциации возникают у современного человека при размышлении об образовании XIX века? Наверное, прежде всего, рождаются образы, навеянные кинематографом. А именно – “румяные гимназистки” в коричневых форменных платьях, вихрастые юноши в сюртучках и фуражках. Строгие черные парты, аскетическая обстановка, черные рясы священников – преподавателей Закона Божьего - с золотыми крестами на груди, золотые оклады икон. Еще торжественная белизна воротничков и парадных фартуков, может быть.

Цветовая палитра российского образования

Ассоциативные образы, связанные с российским образованием XIX века, рисуют нам коричневый, черный и белый цвета. Но кто лучше сотрудников музея "Народное образование Симбирской губернии в 70-80-е годы XIX века" может дать более точную цветовую картину? Конечно, никто. Именно поэтому я обращаюсь к заведующей музеем **Оксане Владимировне Лиллепео** и прошу ее поделиться собственными ассоциациями.

- Вполне возможно, что именно эти цвета ассоциируются у кого-то с образованием позапрошлого века. Но не надо забывать, что гимназисты – это дети из довольно обеспеченных семей. Намного больше было семей бедных. И дети бедноты тоже учились. В 1811 году в Симбирске было открыто уездное училище для таких мальчиков. Оно существовало до советского времени. Содержалось училище на средства государственной казны. Обучение было платное. Цвет формы серый. А что касается цветовой гаммы российского образования, то я считаю, что его знаковым цветом тогда был зеленый – цвет весны, зарождения массового народного образования. Не случайно стены школьных помещений рекомендовалось оклеивать шпалерами спокойных, густых оттенков зеленого цвета. Они окутывали уютно, создавали располагающую обстановку, что очень важно для любого человека, тем более для детей.

Итак, теперь в нашей палитре добавились еще серые и зеленые цвета.

Зеленый – цвет надежды на лучшую жизнь

Сам музей "Народное образование Симбирской губернии" располагается в двух мемориальных зданиях. В одном из них И.Н. Ульянов открыл первую в истории Симбирской губернии начальную школу для девочек. В городе в то время детям бедноты практически негде было учиться. В приходском училище для мальчиков числилось всего 54 ученика. Ульянов решил открыть школу для девочек, так как справедливо считал, что грамотность народа надо начинать именно с образования девочек – будущих матерей, которые станут первыми воспитателями и учителями своих детей. Но не все родители считали, что дочерей надо чему-либо учить. Отдавая их в школу, они лишались рабочих рук. Ведь у каждого ребенка были свои обязанности по дому. А работать дети начинали с 6-7 лет. Причем родители не делали скидку на возраст. За плохо выполненную работу их часто били. Подвергать телесным наказаниям учеников в школе

было запрещено. Ведь им так доставало от учителя дома, что затрепещут от учителя они даже вряд ли бы почувствовали. Только добрым словом, внушением, любовью, которой воспитанницам так не хватало дома, могли чего-то добиться преподаватели.

По распоряжению начальства уроков на дом вовсе не задавали. Да и учебники с тетрадями были только в школе. На эти привычные сейчас принадлежности в семьях крестьян и мещан не хватало денег. Плата за учебу (4 рубля в год) также была весьма существенной для бедных людей – как никак треть от стоимости коровы. Часто не было денег даже на одежду. Не секрет, что зимой одна пара валенок в деревнях приходилась на всех братьев и сестер. Весной и осенью было легче – лапоточки, слетенные кем-либо из родственников, находились у всех. Не было проблем и с портфелями – их в то время заменяли холщовые сумочки. В них ученицы носили книги для чтения дома. Предметы изучались лишь самые необходимые: Закон Божий, чтение, арифметика, письмо, чистописание, рукоделие, рисование. Все уроки вел один учитель. В приходском училище это была В.П. Ушакова-Прушакевич. Сейчас трудно представить себе, как проводились тогда занятия. В большом светлом помещении одна учительница занималась с тремя классами. Одновременно в училище могло находиться больше семидесяти воспитанниц. Если во время урока чтения попадались понятия, касающиеся животного мира или природных явлений, Вера Павловна объясняла девочкам непонятные термины, описывала процессы, происходящие в природе, хотя в программе и не было уроков биологии или географии. Все зависело только от преподавателя – захочет ли он углубляться и объяснять дополнительные предметы.

Сидели ли девочки спокойно или шалили? Как они справлялись с письмом, с каким трудом сжимали в своих уже успевших огрубеть от тяжелой работы пальцах тонкие грифели и ручки? Свидетелями этому были лишь блестящие черные столешницы парт, грифельные дощечки да зеленые глянцевые листья фикусов на больших в шесть переплетов окнах. Зато потом наградой женщинам станет относительное равноправие и выравнивание благосостояния общества. Сейчас, пожалуй, нет детей, которые не знают, для чего предназначены те или иные предметы мебели и какие бывают игрушки. А те девочки из приходского училища на улице Панской (ныне улица Энгельса) видели все это

только на цветных картинках в руках учителя, и, возвращаясь в своих сереньких домотканых платьях в свои бедные жилища, мечтали, чтобы и у них были качели, заводные мишки, нарядные куклы с огромными глазами и разноцветные кубики.

Образовательные технологии XXI века становятся все совершеннее. Светлые классы принимают ярко и пестро одетых детей, учителя предлагают превосходные наглядные материалы. Умные компьютеры манят цветными мониторами, играми. Но из мозаики жизни ничего не должно выпадать, потому что когда безвозвратно в небытие уходят понятия, слова, наша духовная жизнь становится беднее. Однако этого никогда не случится, потому что есть люди, которые препятствуют этому – музейные работники, и в том числе сотрудники музея "Народное образование" на улице Энгельса. Они постоянно придумывают новые формы работы с посетителями, не ограничиваясь общими экскурсиями.

Дошкольники и младшие школьники с удовольствием приходят сюда вместе с родителями. Они получают в свое распоряжение холщовые сумочки, садятся за парты, пытаются писать, мучаются с перьевыми ручками, сажаят кляксы, выполняют задания по разным предметам из старых учебников. Им так хочется представить, как все это проделывали девочки позапрошлого века. Здесь есть целый цикл экскурсий под общим названием "Нескучные уроки". Под руководством экскурсовода разучивают игры конца XIX века. И, как оказывается, они по-прежнему доставляют детям множество положительных эмоций. Небольшой уютный двор приходского училища оглашается песнями и смехом современных детей, участвующих в традиционных календарных праздниках.

На базе музея проходят встречи молодых педагогов с ветеранами школы. Здесь же идут заседания клуба учителей начальных классов. Не забыт и человек, благодаря которому открылось приходское училище для девочек в Симбирске – И.Н. Ульянов. Два раза в год, в День рождения и в День его памяти, в музее чествуют лучшего инспектора народного образования Симбирской губернии, не забывая и о его единомышленниках – членах Училищных советов, инспекторах начальных училищ и учителях-новаторах, подготовленных Ильей Николаевичем в учительской семинарии и на педагогических курсах.

Вероника Михайлова

Дом на Московской

Тамара Еперина

“Не торопись... Погоди спешить”, - уговорит однажды внутренний голос. Сделавшись ему послушной, замедлю бег и соглашусь: есть у жизни ДРУГОЕ дыхание. Оно не терпит скорости, и суету называет пороком, потому что суета мешает остановиться и никогда не спросит, для чего живешь, чему радуешься, от чего плачешь. В следующий раз, когда эти вопросы снова остановят на полном бегу, знаю, по какому адресу приду... Отворю старинную калитку, поднимусь по ступенькам крашеного крыльчика, чуть трону дверь и услышу колокольчик: “Заходи, заходи, жду тебя...”

... Вот это улица Московская, а это – дом протоиерея Троицкого собора Ивана Андреевича Анаксагорова. Но я пришла сюда в XXI веке, и теперь – это улица Ленина, а на доме Ивана Андреевича – строгая табличка: “Музей городского быта Симбирска конца XIX – начала XX века”. С серьезной табличкой считаюсь: музей. Но чуть позже, не без счастливого озорства, уже оспариваю: и не музей это вовсе! А замечательное, пронзительное место для Полетов – в памяти и наяву.

В бывшем доме Анаксагоровых нарушена “конституция” музейного обустройства. Нет здесь музейных залов, а также классических просьб “руками не трогать”. Нет и стеклянных витрин с экспонатами и объяснениями к ним (что это, откуда это). Здесь вместо залов – комнаты. Есть, в два окна, комната дамская. С ее хозяйкой –

далекой незнакомкой – мы разбросаны по разным временам. Но каждый предмет этой комнаты сердечно и подробно знакомит с ней. Вот миниатюрный туалетный столик с изящными флакончиками и всякими приятными безделицами. Вот щипчики для растяжек дамских перчаток, диковинная шкатулка с украшениями. Открытки, распечатанные письма. Приоткрыта дверь платяного шкафа... В нем – настоящие наряды модниц: платья, блузки, накидки, шляпки...

Есть в доме столовая. С точки зрения XIX века здесь все готово к обеду. Накрахмалены скатерть и салфетки, сверкают чистой благородные приборы: индивидуальные солонки, ножи для масла, нож для сыра на сырной доске, икорница и к ней лопатка для икры, щипчики для сахара. И, конечно, столовый сервиз. Ведь он снова,

до последней тарелки вернулся! Когда-то, еще в прошлом веке, добрая хозяйка по справедливости разделила эту фаянсовую красоту среди своих многочисленных племянников, и только XXI век, стараниями терпеливых и усердных музейщиков, вновь соединил сервиз и вернул его в старинный буфет.

А буфет-то красоты необыкновенной! В сумеречной тишине прислоняюсь к резному деревянному мудрецу. С точки зрения XXI века, – это предмет для восторга и трепета. А с точки зрения полета человеческой памяти...

В моем детстве тоже был буфет. Происхождение простого, деревенского. И буфетная душа – никаких ключей и в помине – всегда была “нараспашку”. На самой верхней полке лежали шоколадные конфеты, как говорила

бабушка, "на всякий случай". Для субботнего чая после бани буфет обычно "выдавал" розовые подушечки с клюквенным вкусом. И лежали они на много ниже.

В доме Анаксагоровых есть гостиная. Там – кресло-качалка, а в нем – шаль с кистями в спокойно-серую клетку. Качнется качалка, и шаль заботливо спросит: "не озябла"?

Подобные шали, похожие на эту, – большие, жестковатые на ощупь, обязательно в клетку, – повзрослев, я встречала во многих семьях. Они передавались из поколения в поколение, от старших – младшим. У нас тоже была такая – в клетку из желтого, черного и темно-бирюзового цвета. Мама рассказывала, как ее укрывали этой шалью, усаживая в сани, и по сибирской февральской метели торопились, торопились в родильный дом. Когда я повзрослела, длинные нити шали были удобным пособием в учении заплетать косички...

В неторопливых полетах памяти – без менторского и назидательного (как бывает у людей) толка, необычный наш музей, мне кажется, исподволь наставляет: для человеческой судьбы важно помнить – и буфеты, и шали, и розовые бабушкины подушечки.

...В гостиной – рояль. Раритет, высоко оцененный московскими специалистами. И чуткий собеседник, без фальши в голосе способный говорить о любви, грусти, одиночестве, надежде, о прошлом и будущем. И, кажется, ему не важно, из какого ты века.

Счастливое соединение материального и духовного в бывшем доме

Анаксагоровых, как магнит, притягивает сюда людей многих и разных. Приходят сюда дети и отправляются в путешествие по народным традициям и обрядам. Малышня, что здесь бывает, знает про Покров и Святки, Масленицу и Пасхальную неделю. А еще – о празднике русской березы, а еще – о 28 названиях старинного полотенца – блинник, занавес, набожник, зеркальное, накващенник...

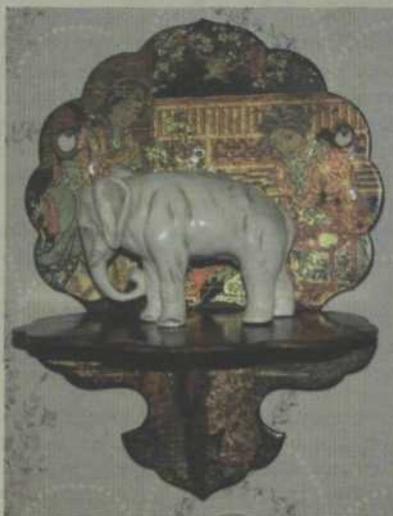
Приходят сюда студенты, потому что среди четырехсот экспонатов здесь много ПРИЧИН для курсовых и дипломов. А еще, по смешной и суеверной традиции, спешат заглянуть в большое старинное зеркало перед началом сессии. Говорят, помогает.

Заглядывают на Московскую иностранцы. Им все интересно: и обряд русской свадьбы, и капустные вечера. Обожают святочные колядки с чаепитием, варениями и пирогами.

На салонных вечерах, в окружении старины красивые люди слушают романсы, читают Чехова, Сологуба, Бунина, Блока, Ахматову.

Однажды в дом зашел командировочный человек. Томным вечером в неторопливой пешей прогулке по чужому городу вышел на улицу Московскую. Потом – восторженный – признался музейщику: в этот город стоило приехать только затем, чтобы пройти по этим комнатам.

И я сюда обязательно вернусь. Отворю старинную калитку, поднимусь по ступенькам крашеного коричневым крыльчика. Чуть трону дверь и услышу колокольчик: "заходи, заходи, жду тебя, жду тебя".

От редакции:

Хозяйка этого необыкновенного дома Ольга Анатольевна Туркина вошла в музейную жизнь города более 20 лет назад, когда после окончания института попала в областную краеведческую. "Есть элитные профессии, требующие особого таланта: музыканты, певцы, художники и – экскурсоводы", – так здесь было принято считать, и Ольга Туркина решила завоевать профессию. Сначала были многочисленные экскурсии, потом – работа в фондах. Описав "золотой запас" – кокошники XVIII века, – защитила кандидатскую диссертацию. Необычайно интересный проект будущего музея городского быта заставил ее перейти в заповедник "Родина В.И. Ленина". Сегодня ее Дом – самый гостеприимный, уютный, ласковый. "Я верю, – улыбается Ольга Анатольевна, – что в доме-музее существует особая аура: стоит что-либо задумать или захотеть, – все непременно исполнится".

Не верите? Зайдите в дом-избу на территории музея городского быта и шепните на ухо домовенку, который сидит у печи, свое желание...

Ленина, 76... Здесь, наискосок от пожарной части, расположился историко-этнографический комплекс "Торговля и ремёсла Симбирска конца XIX – начала XX веков". Открывшийся осенью 2002 года, он включает в себя два музея – "Мелочную лавку", находящуюся в миниатюрном особнячке мецан Черновых, тоже в своё время занимавшихся мелочной торговлей, и обустроенную во флигеле "Столярную мастерскую" с примыкающей к ней реставрационной мастерской. В этих уютных, полных патриархального очарования музеях вы не найдёте раритетов. Вещи, представленные в них, стали уникальными лишь с течением времени, а тогда они составляли основу повседневной жизни. Поэтому, отслужив свой срок, они безжалостно выбрасывались – кому, скажите, придёт в голову хранить изодранный рогожный куль, ржавые ножнички, сломанный стул или тяжёлый углевой уют, когда давным-давно в ходу электрические приборы? Именно по этой причине сотрудникам музея так непросто было собирать экспонаты. "Раритеты найти проще", – утверждают специалисты.

Мелочная лавка

Своим появлением мелочная торговля обязана императору Павлу I, согласно указу которого можно было открыть торговое заведение непосредственно в жилом доме, не затрачивая средств на строительство специальных помещений. Небольшие суммы требовались и на приобретение торгового билета и промыслового свидетельства (5-6 и 20 рублей соответственно). Поэтому начать своё дело могли даже небогатые люди: мещане, отставные унтер-офицеры, вдовы. Роспись товаров под буквой "Ж", включённая в Торговый устав, предполагала в наличии товары самого разнообразного назначения: овощи и фрукты, мясо и рыбу, хлеб и сладости, пряности и крупы, парфюмерию и курительный табак, швейные и письменные принадлежности, свечи и керосиновые лампы. Но хотя такой набор обеспечивал постоянный спрос, мелочные лавки, работая без выходных с раннего утра и до позднего вечера, как правило, не приносили особого дохода. Самые доверчивые хозяева даже разорялись, раздав весь товар в кредит и не собрав с должников денег. Куда более удачливыми были владельцы специализированных заведений – например, фруктовой лавки на Гончаровской улице или винной – на Мартьяновой. Однако и мелочная торговля в целом не сдавала своих позиций – только на Московской улице к концу XIX века насчитывалось девять мелочных лавок, тогда как в середине того же века была зарегистрирована лишь одна. Принадлежала она Максиму Донскому, державшему в своём доме также питейное заведение. В 1872 году Донской продал свой дом с усадьбой Наталье Антоновне Черновой.

Следы Черновых теряются в начале 20-х годов минувшего века. Известно, что тогда в доме проживала дочь Натальи Антоновны, Мария Алексеевна, и сдавала внаём комнаты жильцам. Мелочной торговлей после смерти матери Мария Алексеевна уже не занималась. Её потомков (если они были) разыскать не удалось. Поэтому восстановить именно мелочную лавку Черновых не получилось – о ней не сохранилось воспоминаний. Но сам дом восстановлен в соответствии со старинными чертежами с предельной точностью – это ещё в 1981 году сделали московские реставраторы. Внутреннее убранство лавки пришлось воссоздавать по крупяцам. Для этого заведующая музеем Светлана Михайловна Прокофьева перечитала и просмотрела все возможные материалы, в том числе картины Кузотдиева и Прянишникова, перечитала пьесы А.Н. Островского о купеческой жизни.

Весьма информативными оказались рассказы Чехова и картина Иллариона Михайловича Прянишникова "Чтение письма в овощной лавке", точнее, ее чёрно-белая репродукция. К сожалению, цвет стен и прилавков по ней не определить. Художник-дизайнер Виктор Академов предложил оставить естественный цвет дерева, хотя, возможно, прежде оно затемнялось морилкой. Но именно такое цветовое решение сделало лавку нарядной и уютной. Зато точь в точь как на картине появились в углу иконка с теплящейся лампадкой, керосиновая лампа под потолком, бутылки с уксусом и маслом. И в полном соответствии с логикой картины у входной двери повесили почтовый ящик. А кошка – у Прянишникова она мирно дремлет на прилавке – пришла сама.

Аккуратно расставлены на полках милые мелочи ушедшего быта: грифельные доски и уютги, коробки из-под чая и конфет, фарфоровая и глиняная посуда... Сияют начищенные медные тазы для варки варенья. Все эти экспонаты собраны у местных жителей. Не исключено, что когда-то их приобрели именно в мелочных лавках Симбирска. Нашлись у коренных симбирян чашечные и рычажные весы, набор фунтовых гирек (одна из них высверлена предприимчивым торговцем). На Ульяновском сахарном заводе по просьбе сотрудников музея отлили впечатляющую сахарную голову. В недалёком будущем лавка наполнится непередаваемой смесью ароматов гвоздики и корицы, сушёной рыбы и грибов, дозволенных Врачебным уставом лекарственных трав и кофе. А ещё сотрудники музея надеются открыть торговлю изделиями местных мастеров: многие туристы сегоют, что им негде приобрести что-нибудь на память о Симбирске.

Столярная мастерская

Что размещалось в просторном флигеле усадьбы Черновых – для краеведов осталось загадкой. Однако не исключено, что это была именно столярная мастерская – довольно часто хозяева городских усадеб отдавали флигели в аренду различным ремесленникам, среди которых едва ли не самыми многочисленными были столяры. В воссозданной столярной мастерской могли бы работать мастер с подмастерьями и учениками.

Обучение мастерству было длительным – не один год мастер делил кров и пищу со своими преемниками. Ремесленная управа решала связанные с обучением спорные вопросы, определяла условия найма подмастерьев, выдавала аттестаты на звание мастера. “Ремесленная газета” знакомила мастеров со всеми новыми веяниями в мебельном производстве. И как венец долгой учебы ремеслу, тяжелого труда, таланта столяров выставлена в музее старинная мебель – большое зеркало в красивой резной раме, кресло-качалка, столы и стулья.

Однако уютный, пахнущий свежеструганным деревом музей со старинными верстаками, токарными станками и столярными инструментами рассказывает не только о том, как столетие назад в Симбирске делали отличающуюся чистотой линии мебель. Этот музей – настоящее царство ремесел. Здесь обитают эшаднее в прошлое изготовление рогожи, здравствующее ныне кузнечное дело, почти забытые валяльное ремесло и плетение из бересты. По соседству с ними располагаются производство обуви, одежды, а также вновь возрожденные чуткими руками мастеров гончарное дело и лозоплетение. Каждый пришедший сюда может не только в деталях увидеть весь процесс производства той или иной вещи, но и под руководством опытных наставников попробовать свои силы в лепке из глины или плетении корзин – ведь музей задумывался как своеобразная школа ремесел.

Музеем всего два года, а он уже успел обрасти самыми разнообразными связями. Его добрыми друзьями стали школы и детские сады Ульяновска. Но, конечно же, самые дорогие гости те, кто вдохновенно проводит занятия с детьми, – Александр Васильевич Удалов и Сергей Павлович Безматерных, Надежда Алексеевна Асафьева и Мария Сергеевна Иванова, Валентина Александровна Урваева и Валентина Николаевна Антипина. Настоящим мастером стала недавняя выпускница УлГУ, а теперь научный сотрудник музея Татьяна Богдановская – занятия по лепке под ее руководством в сопровождении увлекательной лекции пользуются необыкновенной популярностью. В просторном помещении реставрационной мастерской по выходным проходят занятия кружков “Светлица”, куда будущие рукодельницы приходят вместе с мамами и бабушками, и “Реставратор”, где мальчики-подростки обучаются столярному искусству. По старинным рисункам изготовлен гончарный круг для работы кружка “Волшебная глина”. Живую красную глину музеем предоставляют фирмы “Керамика” и “Керамос”. А вот заготавливать лозу, а потом ошкуривать и варить ее приходится самим мастерам – это труд нелегкий.

Практические занятия – конек “Столярной мастерской”. Со временем сотрудники музея планируют расширить количество кружков и увеличить время занятий. Но и традиционное направление музейной работы здесь не забыто. Так, например, весной и летом нынешнего года в музее

действовала замечательная выставка “Упаковка: стекло и рогожа”. И если со стеклом все более или менее знакомы (хотя даже знатоков впечатляют осколки бутылок и штофов, найденные при раскопках Симбирского кремля), то о рогоже почти никто и понятия не имеет. Сплетенная из мочала, она использовалась как упаковка для перевозки и хранения соли, рыбы, муки, сахара, гвоздей, обшивки товара. Хорошо сплетенные рогожные кули не пропускали воду и пользовались огромным спросом по всей России. Производство рогожного промысла – а в 1910-1911 гг. в Симбирской губернии насчитывалось 5285 кустарей-рогожников – в большом количестве отправлялась в Москву, Петербург, Ригу, Лодзь и другие промышленные центры. “Рогожным царством” называли Симбирскую губернию в 1913 году по итогам Всероссийской выставки кустарной промышленности. Теперь, пожалуй, нигде, кроме как в музее “Столярная мастерская”, не увидишь полностью собранный рогожный стан с основой, образцы современной рогожи, липовое лыко и мочало... И хотя рогожа изготавливалась и использовалась еще 20 лет назад, отрезок времени, отделяющий нас от ее “золотого века”, кажется непомерно огромным. Вмещивший в себя революции и войны, три смены государственного строя и научно-технический переворот, он до неузнаваемости изменил и наш быт, и наши привычки. Но вот делаешь несколько шагов и снова попадаешь в реставрационную мастерскую Дмитрия Кузнецова. И вдруг понимаешь, как краток миг, протяженностью почти в столетие: перед глазами практически те же станки и те же столярные инструменты – вся разница лишь в электрическом приводе... И та же прекрасная мебель, любовно восстановленная мастерами. И сами несловоохотливые мастера не очень довольны, когда их отвлекают от работы – как и прежде.

Инна Буганина

Пограничный город

“На запад от Ульяновска идет Московское шоссе или, как ранее говорили, – Московский тракт. В октябре 1774 года по этому тракту под усиленным конвоем везли на казнь Е.И. Пугачева. Осенью 1812 года по этой дороге шли колонны Симбирского ополчения на войну с Наполеоном, а 21 год спустя, осенью 1833 года здесь трижды проехал А.С. Пушкин. Многие повидал этот тракт за свою историю.

Сразу же от Баратаевки вдоль шоссе справа идет земляной вал и ров. Иногда прерываясь, затем опять возникая, он тянется почти до села Тетюшского. Немного не доходя до этого села, земляной вал пересекает шоссе и далее на запад идет слева от него, постепенно удаляясь. Он идет в направлении Тагая по правому берегу реки Сельдь, а затем за Уржумском – по правому берегу речки Тагайки. Это земляной вал Симбирской засечной черты, являвшейся продолжением Белгородской засечной черты, шедшей через Тамбов и Саранск до реки Суры”.

А.Н. Блохинцев. Август 1977 года

Еще совсем недавно – в 30-40-х годах XX века – земляной вал засечной черты в условиях осеннего и весеннего бездорожья являлся очень удобным путем для пешеходов от Конно-Подгородной слободы вплоть до Тагая. Немуолимое время сгладило черты этого некогда внушительного инженерного сооружения с четырехметровой высоты валом и рвом глубиной до трех с половиной метров. В Симбирске же память о нем исчезла еще раньше. Обветшавшие от времени городские стены и башни были разобраны, валы срыты, а рвы засыпаны еще в 1776 году.

История Симбирской засечной черты начинается в 1646 году, когда царские гонцы отправились в Арзамас, Алатырь, Курмыш и другие города с высочайшими указами – согласно им сотни и тысячи людей должны были переселиться в район строительства. Царский воевода Богдан Хитрово провел разведку местности “от реки Барыша до реки до Волги”. Весной 1647 года строительство началось. Сотни тысяч кубометров плотного грунта было перемещено на валы подневольными крестьянами, вынужденными бросить хозяйство и семьи и терпеть немало лишений. Основным же инструментом была окованная железной полосой деревянная лопата... Сотни тысяч кубометров леса повалили они, создавая валежные засеки от сорока до ста сажень шириной. Целых семь лет продолжалось строительство Карсуно-Симбирской засечной черты, пока наконец в 1654 году не соединилась она с Симбирским кремлем на правом берегу Свяги, став непреодолимой преградой для набегов башкир, киргизов, ногайских и крымских татар.

После возведения на засечной линии выставлялась стража, гарнизоны стрельцов. Надсмотр за ними осуществлялся особым управлением - всей засечкой ведала так называемая "черная изба", располагавшаяся в Симбирске. В обязанности стрельцов входило круглосуточное дежурство и предупреждение о готовящемся нападении. В каждой сторожевой башне, сделанной в виде четверика-квадрата примерно 7 x 7 метров - было устроено несколько площадок. Две предназначались для нахождения на них стрельцов и установки пищалей. А на самом верху на крытой тесом кровельной площадке вел наблюдение дозорный. Обслуживали крепость устроенные на поселение служилые люди - "арзамасцы обеих полов, нижегородцы и иных городов дворяне и дети боярские". Но потомков их едва ли удастся найти среди коренных жителей нашего города: в 1697 году по указу Петра I служилые люди с черты с женами и детьми были переселены в завоеванный у турок Азов и его окрестности. А в 1708 году военное управление Симбирской засечной чертой было и вовсе упразднено - границы государства стремительно расширились, и еще в 80-х годах XVII века черта утратила свое оборонительное значение. Уже тогда натиск кочевников сдерживала Сызранская засечная черта, расположенная в 150 километрах южнее. Но и на недолгую историю Симбирской засечной черты

выпали исторические события: в 1670 году в ходе крестьянской войны под предводительством Стеньки Разина были сожжены и разорены крепости и остроги, а их гарнизоны присоединились к повстанцам.

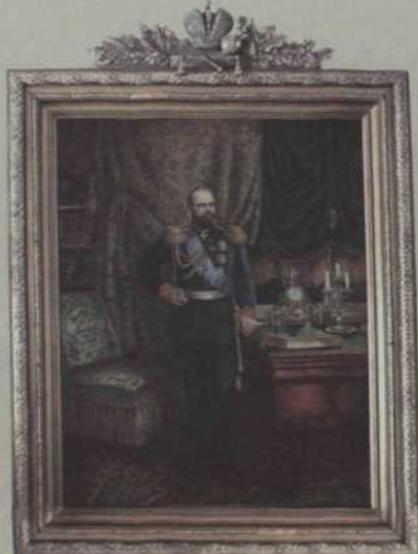
В 2001 году на месте чудом сохранившегося в пределах города фрагмента вала Симбирско-Карсунской засечной черты был построен историко-архитектурный комплекс "Симбирская засечная черта". В настоящее время комплекс, возглавляемый **И.В. Есиной**, пользуется большой популярностью у жителей и

гостей нашего города. Страницы истории оживают в театрализованных представлениях с участием дружины "Рысь". Кстати, придающая городу неповторимый исторический колорит сторожевая башня, у стен которой и разыгрываются захватывающие действия, установлена на месте, где в 1987 году археологи обнаружили часть вала, рва и остатки сгоревшего деревянного частокола. Располагался этот участок во дворе жилого дома на улице Льва Толстого. Именно это обстоятельство и помогло ему сохраниться.

1648 год 10 февраля.

Указал государь и бояре приговорили арзамасцам обеих полов, нижегородцам и иных городов дворянам и детям боярским быть на государевой службе с окольным чыном и воеводой Богданом Хитрово, а собраться ему окольным чыному и воеводе на Алатыре, а отпуск ему с Москвы вскоре, для того, что ему на степи города поставить и всякие крепости устроить до прихода воинских людей заранее с весны.

Окно в большой мир

Ирину Федоровну Макееву связывают с музеем "Симбирская классическая гимназия" 30 лет жизни. Будучи еще ученицей пятого класса Ульяновской школы № 1, она вошла в Совет школьного музея, да так и не смогла с ним расстаться...

Фото В. Панова

Конечно, тогда, в 1970-х, это был совсем другой музей – обыкновенный, школьный, каких много во всех городах и селах России, но очень уж любили его ульяновские ученики 1-й школы им. В.И. Ленина, а самые лучшие из них, если посчастливится, попадали в Совет музея. Их привлекали не столько факты биографии юного Ленина, сколько сама атмосфера того времени, гимназические правила жизни, учебники, письменные принадлежности, физические приборы.

Получив педагогическое образование, Ирина Федоровна вернулась в родную школу и снова увлеклась музеем. От ученого-краеведа С.Л. Сытина она услышала новость о том, что в Ульяновске планируется открытие заповедника "Родина В.И. Ленина", и первым его объектом станет музей "Симбирская классическая гимназия". Так судьба подарила И.Ф. Макеевой настоящее дело: в 1985 году (за пять лет до открытия музея!) она приступила к работе по сбору материалов для будущей экспозиции. Историей Симбирской классической гимназии долго и основательно занимались буквально все научные сотрудники заповедника. Исследования проводились в Казани, Петербурге, Москве, других городах, с самого начала они не ограничивались именем пролетарского вождя, и потому дали потрясающие результаты: оказалось, что с историей Симбирской гимназии связаны сотни имен выдающихся деятелей России. Уже на первом этапе становления музея открылось множество интересных направлений, по которым предстояло работать.

Открывшийся в 1990 году музей "Симбирская классическая гимназия" – единственный в России, где полностью воссоздана историческая обстановка – с актовым залом, классными комнатами, физическим кабинетом (здесь имеется свыше ста подлинных физических приборов), подлинными партами. В интерьере можно увидеть форму гимназиста: полукафтан синего сукна с выпуклыми посеребренными пуговицами, подлинный ремень с аббревиатурой "СПГ" (Симбирская первая гимназия). Экспозиция одного из залов посвящена условиям обучения в гимназии. Здесь представлены правила для учащихся, гимназические билеты, тетради, табели, дневники, подлинные учебники того времени.

В актовом зале музея воссоздана торжественная обстановка выпускных экзаменов. Здесь же, на фоне огромного портрета царя (в актовом зале музея представлен портрет царствовавшего в конце 80-х гг. императора Александра III), счастливые выпускники получали аттестаты зрелости.

В 1880-е годы XIX столетия Симбирская классическая гимназия являлась старейшим и авторитетнейшим в Поволжье учебным заведением, которое давало право безэкзаменационного поступления в университет. Огромную роль играла гимназия и в социокультурном пространстве тогдашнего Симбирска. Торжественное ее открытие состоялось 12 декабря 1809 года, в день рождения императора Александра I. На церемонии присутствовали самые уважаемые в Симбирске лица.

Эту дату – 12 декабря – ежегодно отмечает музей-гимназия. В День гимназии здесь проводится традиционный гимназический праздник – настоящий бал! Картины прошлого оживают, и по залу проносятся под музыку вальса или мазурки молодые пары в бальных нарядах и гимназических формах.

В 2009 году музей отметит 200-летие Симбирской классической гимназии. Уже сейчас И.Ф. Макеева и научные сотрудники заповедника готовятся к этой дате. Главной задачей является выпуск Биографического словаря гимназии, куда войдут все известные имена, связанные с историей этого учебного заведения: фамилии педагогов, учащихся, попечителей и пр. К большому юбилею будет подготовлено и большое торжество – с костюмированным

балом и театрализованным представлением, с высокими гостями и, конечно же, гимназистами.

А пока что впереди – каникулы. Ученики и гимназисты отдыхают, а в музее – самая горячая пора. Сюда спешат дети на экскурсию-игру “Забавы и развлечения симбирских гимназистов на каникулах” со старинными играми и просмотром мультфильмов. Идут экскурсанты с теплоходов со своим набором волнующих их вопросов: “А какие взаимоотношения были у Александра Керенского с Володией Ульяновым? Как относился к юному Ленину директор гимназии Ф.М. Керенский?”. В музей-гимназию непременно хотят попасть туристы-иностранцы.

“Прелесть музейной работы в том, что каждый день у тебя новая роль. Сегодня ты экскурсовод, завтра – собиратель, а послезавтра – ребенок: играешь в забытые современниками игры в ином мире, в ином измерении”, - заканчивает свой рассказ И.Ф. Макеева. А мы выходим из здания гимназии на современный Венец. Неожиданно дыхание истории переносит нас на бывшую Соборную, и только что виденная в музее диорама “Центр старого Симбирска” оживает перед глазами: на площади вырастает величественный Троицкий собор, из-за Карамзинского сквера выглядывают дома губернатора, городской управы, Дворянского собрания и зовут прогуляться по старому Симбирску.

Дом хорошей погоды

У музея *“Симбирская метеорологическая станция”* непростая история. Он создавался долгим кропотливым трудом, при больших сомнениях, станет ли привлекательным для горожан. Но, родившись, музей зажил полноценной жизнью, очень быстро обрел в Ульяновске огромную популярность, оброс союзниками, постоянными гостями и помощниками-исследователями. Теперь его знают буквально все жители города и области. Здесь проходят свои ток-шоу, конкурсы, викторины, уроки по метеорологии, экологические чтения, праздники, космические путешествия и звездные дни рождения.

У истоков создания музея стоял большой энтузиаст, преданный своему любимому делу человек – **Рауля Халимуловна Салахова**. Сегодня ее начинание успешно продолжает новая заведующая музеем – **Ирина Михайловна Михайлова**, которая, сохранив потенциал музея, привлекла к работе целые семьи – постоянно действующий актив. Но предоставим право рассказать о музее его создательнице – **Рауле Салаховой**.

Фото В. Панова

Зачастую, заканчивая экскурсию, я обращаюсь к посетителям с пожеланием: *“Главное, чтоб в вашем доме всегда была хорошая погода”*. А что нужно для хорошей погоды? Конечно же, человеческое тепло, доброжелательное отношение к близким и ко всем окружающим, радостное восприятие жизни. Может быть, именно эта установка и была тем решающим фактором, который определил успех метеомузея? Если самой хозяйке здесь радостно и уютно, то и гостям интересно.

Познание мира – вещь увлекательная. Тот, кто не поднимает головы и не глядит на звезды, никогда не поймет и не оценит счастья собственного рождения. Вот почему главной задачей метеомузея мы с самого начала считали пробуждение интереса у населения, особенно у детей, к тайнам природы. Эти тайны кроются на каждом шагу, и отгадывать их нужно, начиная с исследования погоды.

Музей *“Симбирская метеорологическая станция”* был открыт в 1998 году, он разместился в историческом здании, в доме А.П. Языкова (ул. Льва Толстого, 67, бывшая Покровская), который снимал в 70-80-х годах XIX века земский врач Павел Михайлович Козакевич. С 1873 года этот энтузиаст с помощью собственных инструментов постоянно (вплоть до кончины в 1885 году) проводил метеорологические наблюдения в Симбирске. Результаты своих наблюдений в виде таблиц он публиковал в *“Симбирских Губернских Ведомостях”*. Так, в своих комментариях по поводу резкой смены температур в Симбирске, Козакевич признался однажды, что его как врача очень волнует *“сильное влияние на здоровье людей этих быстрых переходов от холода к теплу и обратно”*.

Вообще-то метеорологические наблюдения в Симбирске были начаты гораздо раньше, в 1812 году. Их проводил учитель мужской классической гимназии Дмитрий Матвеевич Перевощиков (впоследствии экстраординарный академик Императорской Академии наук).

Наблюдения, производимые Козакевичем, велись с 1 января 1876 года. После смерти Павла Михайловича метеорологические наблюдения принял на себя сын доктора, Игорь Павлович Козакевич, и в этом ему помогала вся семья.

Реставрационные работы в усадьбе дома А.П. Языкова, где проживала семья Козакевича, позволили восстановить облик метеостанции. Во дворе дома разместилась метеорологическая площадка с приборами

(флюгером, дождемером и др). В историко-документальной экспозиции отразилась история симбирской метеостанции, сведения о ее создателе, о метеорологических наблюдениях в нашем городе. Основой музейного собрания стала коллекция метеорологических приборов XIX века: стационарный барометр, термометры, барограф, волосной гигрометр, психрометр, кольцо Глазенапа и другие приборы.

С первых дней своего существования музей превратился в настоящий Дом погоды. Сюда с удовольствием шли ребятишки, потом они приводили своих мам, бабушек и дедушек, постепенно налаживалась кружковая работа, появились свои традиционные праздники, и стало ясно, что познание природы невозможно без познания тайн звездного неба.

Звезды сопутствуют нам всегда, в любом начинании. Заканчивая экскурсию, я часто обращалась к посетителям еще и с такой фразой: "Пусть у вас никогда не будет звездной болезни – только звездные часы". Но взлеты возможны лишь при условии, если человек знает звезды, обращается к ним по именам, любит, как живых существ. Вот почему с первых минут работы в метеомузее я мечтала о планетарии. Осуществить эту мечту оказалось не так-то просто. В 1990-х распались многие научно-исследовательские институты и организации некоммерческого направления. Мне с трудом удалось найти специалистов, которые когда-то создавали знаменитый планетарий в Москве (к сожалению, в настоящее время он разобран) и в других городах. Они по

специальному заказу нашего заповедника разработали аппарат мини-планетарий, который был открыт в Ульяновске в декабре 2002 года.

В зале планетария можно наблюдать проекционную картину звездного неба со всеми основными созвездиями небесной сферы; в телескоп можно наблюдать за Солнцем, Луной и планетами. В этом зале проходят самые интересные встречи: и звездные дни рождения, и астрономические вечера, работает астрономический кружок "Капелька". Посетителей приводит в восторг такой бесценный и уникальный экспонат, как Сихотэ-Алинский железный метеорит.

Живое созерцание неба делает счастливыми всех, кто соприкасается с жизнью звезд. В сентябре 2003 года мы имели возможность всю ночь наблюдать великое противостояние Марса Земле. Была подготовлена специальная программа "Ночь в музее", которая собрала многочисленных гостей, увлеченных астрономией.

Мы всегда тщательно готовимся к каждому празднику. Ни один из участников конкурса или викторины не уходит без сувенира. Раньше это были специальные открытки, закладки, термометры, теперь же к ним прибавились и грамоты с печатью метеомузея. Подготовительной работой заняты не только сотрудники музея, но

и ребята, и их родители. Они пишут сочинения, к примеру, "Солнечное событие в моей жизни", "В космическое путешествие я возьму с собой...", они придумывают имя новой планете, отвечают на вопросы анкеты, сами готовят вопросы к конкурсам.

Все, что есть в музее "Симбирская метеорологическая станция", живет, действует, работает. Это и метеоплощадка, и все измерительные приборы, и телескоп. Вникай, изучай, познавай!

А восьмого июня нынешнего года во дворе музея было необычно многолюдно. Все спешили увидеть уникальное явление: прохождение Венеры по диску Солнца. Оно повторится лишь через 200 лет! Я очень благодарна Рахиль Менашевне Разник, Сергею Юрьевичу Шанову и Александру Никифорову за огромную помощь в проведении наблюдений звездного неба.

Все на этой земле есть, чтобы радоваться жизни: и голубая наша планета, и солнце, и цветы, и родные лица. Стоит ли огорчаться самим и огорчать близких? Я желаю всем хорошей погоды в доме и звездных чувств. Если же по каким-то причинам у вас на душе пасмурно, поскорее идите к нам, в Дом хорошей погоды!

Поэзия городского быта

Проходя мимо небольшого, почти игрушечно-домика по улице Льва Толстого, 63, многие и не подозревают, что за его стенами скрывается просторное, уютное помещение с великолепной акустикой и завораживающим полумраком. Вот уже три года выставочный зал историко-мемориального заповедника "Родина В.И. Ленина", расположенный в этом здании, радует своих посетителей уникальными вещами из частных коллекций симбирян и работами местных мастеров-умельцев. Уже названия выставок привлекают внимание детей и взрослых: здесь и "Зимняя сказка", и "Дамское счастье" для симбирских модниц, и вся "Россия в храмах и цветах". За время существования зала выставочная программа была богата и разнообразна: лекции, занятия кружков, выступления самодеятельных коллективов, костюмированные вечера...

Мы остановимся на самых запоминающихся выставках, посвященных быту симбирян и оставивших яркий след в памяти жителей нашего города.

"Изваянная песня" – так называли знатоки изделия из фарфора. Чудесным превращением глины в произведения искусства восхищались многие поколения. Поэтому не случайно выставочный зал в своей первой экспозиции в марте 2001 года обратился к "Поэзии городского быта". На выставке был представлен фарфор и фаянс М.С. Кузнецова, одного из ведущих производителей фарфора в России с конца XIX века. Его изделия всегда отличались безупречным исполнением и красивым декором, были популярны почти в каждой семье. Для крестьян товар был дешевый, неброский. Горожане скупали сервизы средней цены, но по росписи похожие на дорогие "дворянские". Кроме того, выпускалась посуда "трактирная", для ресторанов. Ну и, конечно, дорогие наборы для знати и заказы для царской семьи.

Изделий из кузнецовского фарфора почти не осталось в домах симбирян. Наиболее ценные предметы поступили в фонды из семей священников и учителей – изящные кувшины и масленки, хрупкие кофейные чашечки, расписанные вручную, формы для рыбы, лотки для сыра и многие другие диковины, полвека назад вышедшие из повседневного употребления. Уникальный по красоте чайный сервиз в стиле модерн представила потомственная симбирянка Н.И. Никитина. Украшенные женскими головками чашечки и расписанные розами и ирисами блюдца, переливающиеся всеми цветами радуги, превращали чаепитие в настоящий праздник.

Но как мог обойтись быт XIX века без самовара – хозяйина стола, олицетворения семейного уюта, радушия и гостеприимства? "Железному генералу" сотрудники выставочного зала в 2002 году посвятили целую экспозицию, а заодно обратились к традициям чаепития в Симбирске.

Самовары конца XIX – начала XX веков, представленные на выставке, оказались в фондах заповедника благодаря старожилам нашего города. История не сохранила о них особых сведений, только царапины и вмятины на боках намекают на бурные события в их жизни. В свите "хозяйина стола" состояли и сервизы позапрошлого века, сохранные симбирянами сахарницы, чайницы, полоскательницы. Выставлялся здесь и не совсем обычный предмет – деревянная шкатулка с двумя отделениями, закрывающаяся на ключ. Немногим удавалось угадать, что хранилось внутри. Оказывается – чай, который по тем временам был дорогим удовольствием, и хозяйки прятали его в самых укромных местах – обычно в комодке спальни.

Выставка была интересна всем, но, в первую очередь, радовала детей. Экскурсия для них заканчивалась настоящим чаепитием с сушками и песнями. А после чая дети сами лепили из глины самовары и чашки и уносили их с собой в качестве памятных сувениров.

Добрую традицию изготовления сувениров продолжил действующий и по сей день кружок "Волшебный доскуток". Весной 2004 года в выставочном зале был организован мастер-класс по изготовлению пасхальных яиц в лоскутной технике. А само занятие предвлялось историей о том, как яйцо стало символом Пасхи, почему к нему относились с особым почитанием. С удивлением слушали ребята о разных предназначениях пасхального яйца: им "христосовались" друг с другом, приходили благословлять жениха и невесту, яйцо дарили родственникам и друзьям. Продолжая старинные традиции, ребята своими руками украшали пасхальные яйца в подарок близким.

Выставочный зал часто радует горожан своими разноплановыми экспозициями. Сотни посетителей в феврале 2004 года познакомились с выставкой "Русская икона XVII-XIX веков".

Олеся Волкова

Воплощенная в красках молитва

Как не хватает нам в суете серых дней радости, чистоты и света... И вдруг, среди приглушенных красок, - яркая вспышка золотых лучей, одухотворенные лики святых и мерный гул церковного колокола... Удивительно преобразаются лица людей, прикоснувшихся к этому живительному источнику - русским иконам, вобравшим в себя историю прошедших веков.

Уникальные иконы XVII-XIX веков из частной коллекции **Игоря Боркова** выставлялись всего два месяца, но это событие стало сенсацией в культурной и духовной жизни нашего города. Сотни верующих, школьников и студентов приходили в выставочный зал полюбоваться на спасенные от забвения и отреставрированные заботливыми руками Игоря Боркова церковные реликвии.

Считается, что икона – воплощенная в красках молитва, а ее реставрация – великое благо. Бесспорно, Игорь Борков – человек удивительный, обладающий особым даром: коренной житель нашего города, потомственный историк, специалист в области иконописи, коллекционер-практик. Благодаря его “пламенной страсти” к собиранию антиквариата горожане впервые прикоснулись к древнерусскому искусству иконописи, увидели богатую коллекцию церковной утвари: на престольных крестов, складней, образков. Все, что собиралось по крупицам на территории Ульяновска и области, в заброшенных храмах и у жителей окрестных сел, сошлось в частной коллекции: здесь и скромные домашние образа, и алтарные лики святых.

Долгий путь проходит находка, прежде чем окажется на выставке и вновь засияет первозданным лучистым светом. В такие моменты Игорь Борков ощущает себя “немного волшебником”:

- В процессе снятия почерневшего слоя олифы как бы открываешь окошечко в неизвестный мир, постепенно краски оживают, и икона предстает перед тобой во всей красе.

На выставке можно было представить и сам процесс возрождения иконы, посмотреть на фотографии до и после реставрации. Среди симбирских икон были и две авторские, написанные Иосифом Мокиным в 1771 году, – это Покров Пресвятой Богородицы и Казанская Божия Матерь. Конечно же, в число 37 экспонатов входили и самые почитаемые в Симбирском крае иконы Казанской Богоматери и Николая Чудотворца.

В последние годы люди вновь обратились к вере, к Богу, стали приходить в храмы, но по-прежнему не хватает знаний о православии. Выставка “Русская икона XVII-XIX веков” старалась дать всем желающим конкретные представления об основах христианской веры и иконописи. То, что было сложно для понимания детей, организаторы старались подать в простой форме – рассказывали легенды и предания Симбирского края, связанные с некоторыми святыми, изображенными на иконах. Сам Игорь Борков, представляя работы, рассказывал о храмах, монастырях, пустынях, где обнаруживал свои “бесценные сокровища”.

Каждая из икон несет тройной смысл – религиозный, эстетический и исторический. Человек выбирает то, что близко его сердцу: красоту художественного исполнения иконы или ее религиозно-духовную сущность, тот неповторимый внутренний свет, который она излучает. Целительную силу, заложенную в иконописном образе, замечали еще наши предки и увековечивали в красках. Они верили, что красота спасет мир, и наши души очистятся от боли и зла. Все, что для этого нужно, – взглянуть на лики святых, и тогда в вашем сердце воцарится мир и покой.

Очень благодарны за выставку, за приближение к Святому, за живительный глоток. А красивая история каждой иконы была песней в Боге. Спасибо вам, дорогие симбиряне, что храните все святое наше достояние. Из отзывов о выставке “Русская икона XVII-XIX веков”.

"Симбирская фотография"

Вы давно не верите в сказки и считаете, что машины времени не существует? И все же вам хочется увидеть своими глазами диковинные вещи, окунуться в атмосферу быта прошлого века, примерить элегантные костюмы в стиле модерна? Не отчаивайтесь! В увлекательное путешествие в прошлое вас приглашает музей "Симбирская фотография"! Осматривая его экспозицию, вы словно переноситесь в патриархальный мир улиц родного Симбирска начала века.

Присмотритесь к старинным фотоснимкам. Перед вами не застывшие кадры, а живая история города в сценах и лицах. Дощатые тротуары, изящные фонари, деревья, шелестящие листвой на ветру. А на переднем плане - горожане, такие же, как мы с вами - гимназисты, мещане, семейные пары, барышни...

Удивительной по красоте жемчужиной историко-мемориального заповедника "Родина В.И. Ленина" стала "Симбирская фотография". Подготовительная работа началась еще четыре года назад, а уникальный для города музей предстал перед посетителями во всей красе совсем недавно – в феврале 2004 года. За непростую и благородную задачу создания десятого по счету музея заповедника взялась целая группа единомышленников: проект здания осуществлял "Спецпроектреставрация", ведущим архитектором стала Л.М. Варюхина, художественное решение музея принадлежало фирме "Станд'Арт". Музей стал результатом многолетних исследований известного ульяновского краеведа Сергея Львовича Сытина, а научным консультантом выступил его сын – Алексей Сергеевич. Коллекция снимков и фотоаппаратов накапливалась в фондах заповедника в течение 20 лет и пополнялась благодаря активному участию горожан.

Новое просторное здание расположилось в мемориальной части Ульяновска, на территории бывшей усадьбы А.И. Сахарова. Место выбрано не случайно, а определено самой историей. Здесь с 1904 года действовало фотоателье, в котором работали первые мастера фотографического дела — Холевин и Никаноров.

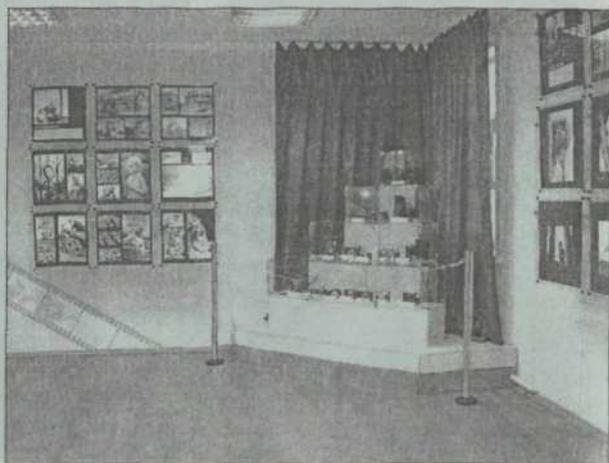
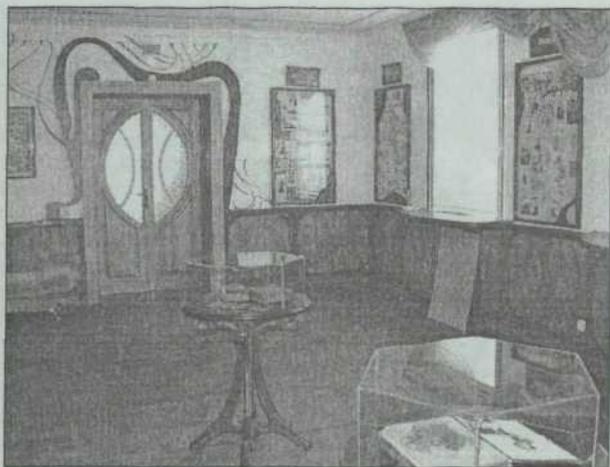
Отражая историю города, края, судьбы простых людей, "Симбирская фотография" все же отличается от художественных или исторических музеев в узком смысле этих слов. Посетителям предлагается не описание прошлого, а образно-художественная его интерпретация средствами фотографии. Для того, чтобы представить фотографическое искусство во всем многообразии стилей и жанров, в музее создано несколько залов. Проходя по ним, словно на машине времени переносишься из одной эпохи в другую.

Открывая двери музея, посетитель попадает в фотопавильон конца XIX – начала XX веков. Идея воссоздания в ретро-салоне декораций и атмосферы фотографического ателье стала удачной находкой. По документальным описаниям подобные павильоны в провинциальном Симбирске представляли собой небольшие помещения, построенные по строгому архитектурному замыслу. Важно было соотношение площадей, определенный угол наклона застекленной крыши, ориентировка на север – все это создавало оптимальное освещение. Затем помещение заполнялось разнообразной мебелью – от классики до модерна. Старые мастера опирались на традиции классической живописи и психологического портрета; интерьер, свет, композиция были для них не простой формальностью, а инструментами, позволяющими раскрыть характер человека.

По словам работников музея, фотопавильон "Симбирской фотографии" отвечает всем требованиям салона XIX века. Именно эта часть экспозиции производит самое сильное эмоциональное впечатление на посетителей. Действительно, войдя в зал, словно окунаешься в море воздуха и света. Приемная, обставленная старинной мебелью, огромное зеркало в резной раме, конторный стол, обитый зеленым сукном, диван – все это подлинные вещи, принадлежавшие семье потомственного фотографа. Здесь же воссоздан рабочий уголок известного в Симбирске мастера фотографического дела Пирогова.

Посетителям музея наряду с экскурсией предлагают почувствовать себя настоящими клиентами фотосалона и сфотографироваться на фоне декораций. Костюмы, которые может примерить каждый желающий, заказывались в театральном мастерской и полностью воспроизводят наряды конца XIX – начала XX веков: дамам предлагается повседневный наряд провинциальной горожанки в стиле модерна, а мужчинам – цилиндр и накидка "а-ля Ленский".

Экспозиция второго зала, "связав времен невидимую

нить”, стремится показать полтора века развития фотографии в Ульяновске. Самый ранний снимок в Симбирске датируется шестидесятыми годами и принадлежит Захару Блюму. Уникальны первые зимние фотографии города, сделанные Каганиным по особой, изобретенной им технике. А на картонном паспорту А.Ф. Горбунова изображена прекрасная незнакомка — муза Светопись, по преданию, появившаяся с изобретением фотоаппарата.

С появлением в 1890-е годы моментальной фотографии стали возможны снимки детей и животных. Раньше посетителям фотосалонов приходилось сидеть неподвижно 20-30 минут со специальными держателями для головы и спины, и тогда процедура фотографирования превращалась в пытку для ребятишек.

В следующем зале в работах фотографов запечатлена история города в XX веке. На рубеже веков получил толчок к развитию жанр фоторепортажа — своеобразная летопись истории, позволяющая отразить трагические и революционные события в стране. Фотография из художественного произведения превращается в документ, достоверно передающий облик прошлой эпохи. На представленных в музее фотографиях запечатлены почти все важные для города события: митинги, демонстрации, разрушение Троицкого собора, появление первых самолетов, волжский мост после пожара и многое другое. Лейтмотивом, связующим в единое целое времена и жанры, стала тема взаимоотношений города и человека. Это отразилось и в творчестве двух разноплановых фотохудожников: Маркелычева и Галагозы, стремящихся передать настроение своей эпохи в 50-70-е годы XX века.

В музее есть еще один выставочный зал — галерея современного фотоискусства. За три месяца здесь были представлены фотонадгробья и фотограммы (снимки без использования фотоаппарата) В. Дурнова и

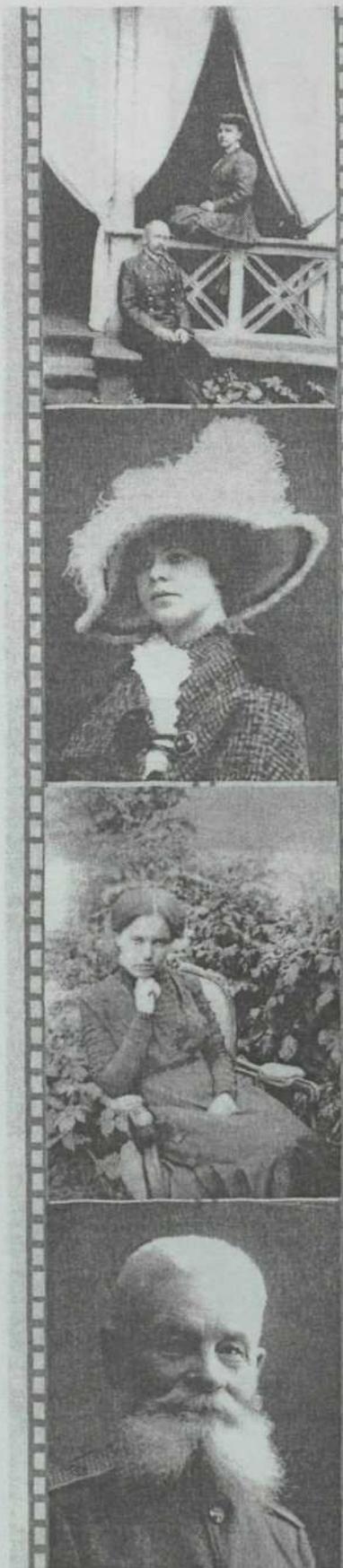
пейзажи В. Селищева. Галерея привлекает не только ульяновских мастеров: частью крупного регионального проекта стала выставка “Провинция. Нижегородские каникулы” с участием московского фотографа Мухина. В летние месяцы выставочный зал организует ряд оригинальных выставок и необычных проектов. Семья Козловских отразит свой взгляд на старинную и современную архитектуру Ульяновска под названием “Городские сюжеты”. Город на срезе времени в разностилевом вернисаже — от традиционализма до хайтека — представит на суд зрителей арт-студия “Комбат” (Михаил Вялов, Валентин Юровских).

Концепция музея претерпевает изменения и постоянно развивается. Задуманный первоначально как музей исторической фотографии XIX века, проект вышел за эти рамки и обратился к современности. Сейчас посетителям интересно увидеть и развитие технологий XXI века, что тоже входит в планы музея: готовятся к открытию новые площадки, активно развиваются фотовыставки.

Музей “Симбирская фотография” привлекает людей всех возрастных категорий. Основными посетителями являются, конечно же, дети и школьники, но в субботные и воскресные дни сюда приходят всей семьей.

В наши дни фотография стала делом обычным. Когда-то посещение фотосалона стоило дорого, снимки бережно хранились и передавались по наследству. Но во все времена искусство фотографии было призвано доставлять эстетическое удовольствие, дарить приятные воспоминания. Поэтому, среди повседневных забот не стоит забывать о том, что мы живем для красоты и счастья. Загляните в музей “Симбирской фотографии” и подарите себе и своим близким незабываемое путешествие в прошлое!

Олеся Иваненкова

“Лошадь столетия”, “Король рысаков”, “Чудо-конь” – такие и им подобные заголовки замелькали в начале XX века на страницах российских газет. Пресса с удивлением и восторгом писала о феноменальных достижениях орловского рысака Крепыша, установившего и улучшившего 13 рекордов, выигравшего за свою беговую карьеру с 1907 по 1913 год 55 призов и принесшего своим владельцам астрономическую по тем временам сумму – около 300 тысяч призовых рублей. А в Ульяновске даже был создан музей знаменитого орловского рысака.

Несостоявшийся музей

Крепыш появился на свет в 1904 году в Тамбовской губернии в конном заводе И.Г. Афанасьева от выдающихся предков – потомков арабского скакуна Сметанки. От деда Летучего и отца Громадного рысак унаследовал крупный рост, серую в яблоках масть, лебединую шею и серебристо-белую гриву. “Когда я смотрю на Крепыша, то не могу оторвать от него глаз, столько царственного величия в его формах и движениях”, – писал в 1912 году американский наездник Чарльз Таппер.

В 1910 году красавец рысак одержал свои самые громкие победы. В бегах на 1600 метров по ледяной дорожке 26 февраля он установил мировой рекорд с резвостью 2.08,5 (цифры после запятой означают восьмые доли секунды), а 1 июня пробежал 3200 метров за 4 минуты 25 секунд. Так Крепыш стал национальной гордостью России.

В 1913 году было решено закончить беговую карьеру чудо-коня и он поступил производителем в конный завод графини А.Ф. Толстой, размещавшийся у села Старая Зиновьевка Карсунского уезда Симбирской губернии (ныне село Новый Дол Барышского района).

В.П. Лямин видел его там и был поражен: жеребец буквально преобразился и по себе стал удивительно хорош. По этому случаю Лямин вспоминает о возникшем в 1915 году споре среди коннозаводчиков-метизаторов: “Какая лошадь из наиболее резвых на данный момент является самой красивой?”. Один из них, крупный земский деятель, член Совета коннозаводства Н.Ф. Беляков, на этот вопрос ответил: “Вне всякого сомнения – Крепыш. Я недавно был в заводе Толстой и видел его в заводских кондициях. Лучше, породнее и красивее по себе лошадь трудно представить”.

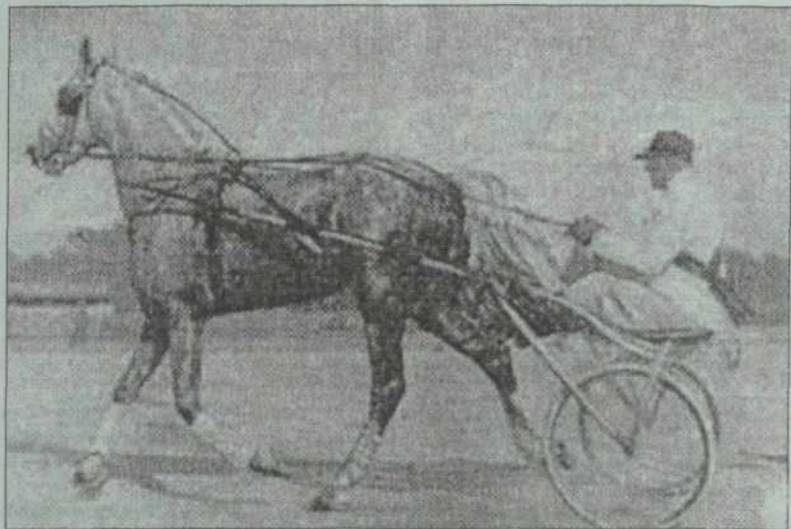
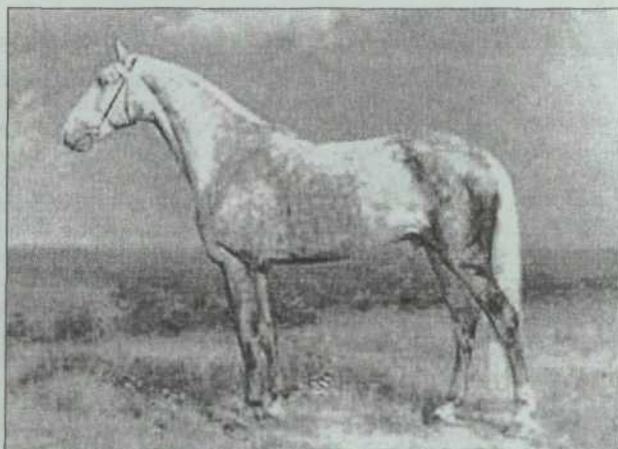
В 1918 году Крепыш был реквизирован и содержался в Симбирске

в государственных конюшнях, находившихся между улицами Кирова и 12 сентября на месте автотранспортного предприятия. В сентябре того же года Крепыш погиб при типичных для времени гражданской войны обстоятельствах. По городу разнесся слух о наступлении белочехов. Заведующий конюшней некто Буреин решил эвакуировать драгоценного коня, дабы он не достался врагу, и поскакал на Крепыше на железнодорожную станцию в Киндяковку. Там ночью под проливным дождем по хлипким сходам коня попытались завести в теплушку, но все кончилось трагично: Крепыш сорвался со схода, сломал ногу и был убит. По одной версии – застрелен, по другой – прикончен ударом рельса по голове. Гибель легендарного рысака была встречена понимающими людьми с большой болью, о ней долго помнили в Ульяновске. Некто Б. Борисов писал в 1936 году в местной газете “Пролетарский путь”: “Мало кому известно, что в нашем городе имеется

музей знаменитого орловского рысака Крепыша... В деннике, где содержался Крепыш, устроен музей. Здесь висит в траурной рамке донесение В.И. Семенова. Здесь выставлены фотографии Крепыша в разные годы его жизни, здесь собраны снимки его предков – отца Громадного, матери Кокетки, деда Летучего, прадеда Удалого. А также фотографии тех, кто ухаживал за Крепышом в 1918 году: они до сих пор работают в Ульяновской государственной конюшне – Алексей Максимович Максимов и Степан Трофимович Кошеваров”.

По имеющимся сведениям местные таксидермисты пытались изготовить чучело Крепыша для Симбирского естественно-исторического музея, но из этого ничего не вышло. Судьба коневодческого музея и его экспонатов совершенно неизвестна. Редакция будет благодарна читателям за сообщение о судьбе его экспонатов.

Сергей Петров

Крепыш под управлением В. Яковлева, 1909 год

Жизнь **Нины Константиновны Михайловской** началась в 1905 году в с. Ратово Симбирской губернии в семье священника. Здесь она росла вместе с сестрами и братом в начале эпохи, принесшей человечеству множество потрясений. Свое вхождение в эту бурную, такую интересную жизнь Нина Михайловская описала в конце XX века по просьбе внучки С.В. Зуевой. Ее записи предназначались прежде всего для потомков. Безусловно, им сейчас уже трудно представить, как это было. Как при керосиновом освещении росла деревенская девчонка, как приехала в уездный Сенгилей и впервые увидела электрическую люстру, как пришла в первый раз в кинематограф... Что она думала и чувствовала при этом? "Главный восторг вызывало электричество. Щелкнешь – и вспыхивает яркий свет, освещающий все уголки. А в зале чудолюстра. Розовая красавица. Раз щелкнешь – один огонек, еще раз – три. Тушить тоже постепенно. Ужас как интересно!" Воспоминания о школе, может быть, более понятны и близки. Мы предлагаем вашему вниманию главы, касающиеся обучения Нины Константиновны в Высшем начальном училище Сенгилея в 1910-е годы. Может быть, впечатление на нее это производило более спокойное, чем существование электричества, но результат воздействия освещения и просвещения вполне сопоставим – освещение всех уголков и помещения и разума. И не случайно, наверное, Нина Михайловская впоследствии стала учительницей.

Яркий луч, освещающий все уголки

Начальная школа

Мне 8 лет. Мама сшила мне форму из коричневого батиста и черный фартук, поставила меня на стул перед зеркалом и спрашивает: "Нрависься себе?" Я улыбаюсь во весь рот. Наутро идем вместе в первый раз в первый класс. На лестнице в школе мама сказала: "Ну вот, Нина, кончилось твое детство. Теперь твоя жизнь пойдет на звонках и на заботах". Учительница моя первая - Мария Павловна Чепчина, была хорошая, должно быть. Не помню, чтобы она на нас кричала, злилась или плохо объясняла. Молодая, красивая, аккуратная. Ученье в эти первые годы меня совершенно не затрудняло, и потому я как-то не помню уроки. Хвалила меня за сочинение, которое я писала в третьем классе на тему "Прогулки на лодке", и ругала за плохой почерк. Посадила меня сначала с Полей Егоровой, а потом с Шурой Николаевой – девочками с красивым почерком. И велела смотреть, как они пишут. Я смотрела, но красиво писать так и не научилась. С Шурой я даже немножко подружилась. А вообще в эти первые годы школьных подруг у меня не было. Настолько я привыкла быть только в кругу брата и сестры, что не было желания вводить в свой тесный круг кого-то чужого. Для разрядки нам вполне хватало общения с детьми второго священника Никольской церкви Ени и Сергеи Эпиктетовых, наших ровесников. Они приходили к нам изредка в гости со своими родителями, и мы к ним ходили. Летом вместе бегали в ограде. Наша

С.А. Михайловская с супругом Константином (1897 год)

учительница учила нас рукоделно: шить, вязать крючком, делать цветы. Меня несколько раз приглашала к себе домой, а я там совершенствовалась в этих делах. Сама довязала начатый подчасник из голубого ириса (он у меня и сейчас хранится).

У нее была дочка – девочка лет пяти, которая нам всем очень нравилась. Маленькая, а две косы длинные, и сама такая хорошенькая.

Учили мы басни Крылова в лицах. Так я была дубом в басне "Свистунья под дубом вековым..."

Отец преподавал у нас Закон Божий. Он рассказывал священные истории, заставлял нас пересказывать, читали Евангелие на славянском языке. Уроки он вел всегда спокойно, не повышая голоса, и его все слушали. В первом классе, да и дальше, меня дразнили, что я говорю на "а", а они все окали. И только в техникуме сообразились, что зря тогда смеялись, так как произношение на "а" литературное, а оканье диалектное.

Высшее начальное училище

Окончив начальную школу в 1916 году, я поступила в В.Н.У. Какая в нем была учебная программа, не могу сказать, но, кажется, она приравнивалась к гимназической. И тогда уже ходили разговоры, что на базе этого училища будет открыт пятый класс гимназии. (Оно было четырехгодичным). Так что родители, должно быть, надеялись, что и я с Олей получу полное среднее образование. Очень им не хотелось отставать одним. Лида и Сережа учились в Симбирске. Лида в епархиальном училище закрытого типа, а Сережа в первой мужской гимназии, где учился Ленин. Он жил на квартире еще с двумя учениками. Уезжать им всегда не хотелось, и слез было пролито немало. И это было причиной, что нас с Олей не хотели учить вне дома. Сослуживцы отца осуждали его за то, что он отдал Сергея в гимназию... Но отец сказал: "Не такое сейчас время, чтобы жить по старине. Пусть кончат гимназию, а там выберет сам, по какой дороге ему идти. Из духовной же семинарии – одна дорога..."

Я успела проучиться в В.Н.У. два

Сара Михайловская и дети: Нина, Лидия, Ольга, Сергей (1913 год)

он раз-два и все решил. Мне обидно, что я не сообразила, и слезы все еще текут. В редких случаях и у него сразу не получалось. Тогда я вроде бы была и довольна: вот и он не может!...

По Закону Божию был Федор Яковлевич Эпиктетов, папин сослуживец (второй священник из Никольской церкви). Очень хороший человек. Кроме четверок и пятерок, других оценок никому не ставил. Еще он, как учитель, запомнился мне вот по какому поводу: обучение в В.Н.У. было платное. Надо было вносить, кажется пять рублей. Я была освобождена от платы. И вот одна девочка, Тая Забалуева, принесла эту плату, почему-то сразу не сдала, и они у нее пропали из парты. Стали искать, всех спрашивать. Деньги не находились. Тая плачет – “отец убьет”. Семья

меня он донимал чуть не до слез тем, что дергал за косы. Думаю, что и его рук дело, когда я нашла свой новый бархатный берет в раздевалке засунутый в печку и вывалившийся в золе. Подруг на первом году у меня не было, а вот на втором опять встретилась с Шурой Николаевой, с которой училась и дружила в начальной школе и опять стала с ней дружить. Второй год нас перевели в главное двухэтажное каменное здание. Это был 1917-1918 гг. Шура была сиротой и жила у тетки с дядей. Дядя имел хлебный магазин. Торговал калачами. В его лавку и мы ходили. На двери висел колокольчик, и он звякал, как откроешь дверь. Шура звала дядю и тетю – “папанька” и “маманышка”. У нее были еще тети в Ставрополе (Жигулевск), и, должно быть, после начальной школы она год училась там, а потом опять вернулась в Сенгилей. Она была серьезная девочка с косой и черными бровями над серыми глазами и белой, белой кожей лица. (Сама похожа на калач). Один раз я на нее сильно обиделась. На дом задали сочинение по картинке. Она меня спрашивает: “Ты написала сочинение?” – Я говорю: Да, написала”. – “Дай мне почитать. Я что-то не знаю, как писать”. Я дала. А потом в классе зачитали ее сочинение, как лучшее, а оно в точности мое с очень небольшими изменениями. Но потом я эту обиду забыла и продолжала с ней дружить.

Материалы предоставлены музеем “Народное образование в Симбирской губернии в 70-80-е годы XIX века”

Отец Константин Михайлович Михайловский

года. Первый год мы учились не в главном здании, а в частном доме (дом Ураловых), который хозяева сдали училищу. В кухне была раздевалка. Из нее дверь в классную комнату. В ней я училась. Из нашего класса дверь в другой класс – параллельный. В нем отгорожена маленькая учительская.

Не помню, был ли у нас классный руководитель, но учителей-предметников помню почти всех. Это учителя пения Кузьма Иванович, который приходил со скрипкой и учил нас нотной грамоте, разучивал песенки... Он сильно прихрамывал на одну ногу, а позже мы узнали, что прозвище его “рубель пять”. В классе со мной учились две сестры Березиных Маруся и Люба с хорошим слухом. И вот как он проиграет на скрипке новый мотив, так всегда кого-нибудь из сестер Березиных заставляет повторить, а потом уж поем все. Я завидовала им, что не могу так петь. По французскому - Татьяна Николаевна Погорелова. Она тоже прихрамывала, и звали ее “рубель пятнадцать”. Уже пожилая. Было интересно учить другой язык. Молодая, кудрявая, нарядная – Лидия Евграфовна по естественному. По географии тоже молодая, но не такая форсная. Звали ее Инна, а величали – забыла...

Арифметика мне запомнилась задачами. Был у нас задачник “Малинин-Буренин”, толстый такой, с такими вредными задачами. Бывало сидишь, сидишь, и никак не выходит по ответу. И я начинаю реветь. Мать смотрит, смотрит и говорит: “Отец, помоги что ли ей, ну что она ревет?” И я, упираясь, иду к нему в кабинет и сюю задачник. Чаще всего бывало, что

бедная, взять негде. И вот батюшка сказал: “Дайте, я попробую найти”. Он пришел в класс и сказал: “Дети, смотрите мне все в глаза”. Мы остробучились на него. Сколько это длилось, я сейчас не могу сказать, но через некоторое время он объявил: “Я знаю, кто взял деньги. Грех, если их не отдать”. Действительно, в конце дня деньги подбросили Тая. Потом он отцу рассказывал, что когда он заставил глядеть в глаза, то соседка Тая начала вертеться и отводить глаза в сторону. Из чего он и сделал вывод, что взяла она. Этот случай тогда нас всех поразил. Учились мы вместе с мальчиками. Сидели на четырехместных партах так: одна парта мальчиков, за ней парта мальчиков. За моей спиной сидел мальчишка Найденов, на мордочку довольно симпатичный, но

Тетушка Александра, учительница земской школы, и ее коллега Тонечка

В октябре нынешнего года готовится отметить свой 15-летний юбилей **Центр по возрождению и развитию национальных культур** Ульяновской области. Он стал одним из первых в России Домом дружбы народов. Сегодня в старинном здании на улице Ленина люди самых разных национальностей – чувашаи, татары, мордва, евреи, немцы, азербайджанцы, армяне – чувствуют себя комфортно и свободно. Создать особую атмосферу тепла и взаимопонимания в этом доме удалось **Софье Алексеевне Орловой**. Недаром первый и бессменный директор Центра, член консультативного совета по проблемам национальностей при администрации Ульяновской области, **Софья Алексеевна** награждена знаком Министрства культуры России "За достижения в культуре". Все 15 лет она руководит дружным коллективом, в который люди приходят изучать родной язык, возрождать культуру, готовят праздники.

Ритм жизни в Центре очень насыщенный. Здесь хранится то, что передается из поколения в поколение: национальные обряды и обычаи, ритуалы и костюмы, секреты декоративно-прикладного творчества. Рождаются идеи, разрабатываются интересные проекты, осуществляется многогранная культурно-просветительная работа. Главное же достижение Центра – это яркие, красивые обрядовые праздники и межрегиональные фестивали, которых ульяновцы всегда ждут с нетерпением. Результат работы общественных организаций, объединенных Центром по возрождению национальных культур, налицо: сегодня во многих школах преподаются национальные языки, возрождаются утраченные традиции и обычаи, изучается наследие просветителей.

Мордовские просветители

Каждый народ дал миру великих людей – писателей, художников, ученых. Они олицетворяют пробуждение и расцвет национальной культуры, стремление к образованности. Для мордвы в ряду самых значимых ее представителей стоит имя **Авксентия Филипповича Юртова** – педагога, филолога, переводчика, этнографа, фольклориста, священнослужителя, автора первого мордовского букваря для мордвы-эрзи. На его долю выпала трудная просветительская миссия во многом стать начинателем, и он достойно пронес эту миссию через свою нелегкую жизнь.

Авксентий родился в 1854 году в многодетной мордовской семье крестьян деревни Калейкино Мензелинского уезда Уфимской губернии (ныне Республика Татарстан). Село было смешанным: наряду с мордвой в нем проживали крещеные татары. Зная татарский язык, юноша легко вошел в школу, где наряду с татарскими детьми, учились дети и других народностей, проживавших в Поволжье.

Казанская инородческая учительская семинария, где посчастливилось учиться Юртову, готовила учителей и священнослужителей преимущественно из нерусской молодежи, призванной нести в массы инородческого населения региона идеи русско-православного просвещения. Молодой мордвин заслужил к себе доброе отношение со стороны создателя школы педагога-миссионера, ученого-лингвиста и востоковеда Н.И. Ильминского высокими нравственными качествами и трудолюбием. Отношения учителя и ученика продолжались более 30 лет.

А.Ф. Юртов

2004 год – особенный для мордовского народа: исполнилось 150 лет со дня рождения педагога-просветителя, этнографа, фольклориста, автора первого эрзянского букваря, по которому он обучал детей села Старая Бесовка Новомалыклинского района, – **Авксентия Филипповича Юртова**. Этот год знаменателен для мордвы еще и 140-летием со дня рождения исследователя-фольклориста, уроженца Симбирской губернии **Макара Евсевьевича Евсевьева**, друга и ученика Юртова. В связи с этими датами Ульяновская областная мордовская национально-культурная автономия разработала ряд важных программ по пропаганде наследия А.Ф. Юртова и М.Е. Евсевьева.

Юртов стал первым юношей-мордвином в Казанской учительской семинарии. В годы учения он стал не только учеником, но и сотрудником Ильминского. Авксентий выполнял его поручения по изучению мордовских диалектов, сбору фольклорного материала, переводу вероучительных книг, овладевал исследовательскими умениями. После окончания семинарии он был приглашен для преподавания в мордовской начальной школе при семинарии. Семь лет проработал здесь Юртов. Ему принадлежит огромная роль в становлении мордовской письменности, нормировании эрзянского орфографии и упорядочении письменной формы и лексики эрзя-мордовского языка. После поездки по отдаленным деревням с исследовательскими целями Юртов сделал вывод: "... мордва почему-то свой язык недолюбливает, и что всегда читаешь им по-мордовски, то они говорят, что, дескать, мы и по-русски хорошо знаем, а русские книги нам понятнее, чем мордовские, потому что эти книги написаны не по-нашему, а по-мокшански...". Результатом экспедиций стало опубликование "Образцов мордовской народной словесности", содержащих песни на эрзянском и мокшанском языках, сказок и загадок на эрзя. Создание мордовской письменности на базе русской графики требовало разработки мордовского алфавита, отражающего специфику мордовских языков.

А.Ф. Юртов творчески подошел к решению задачи. С учетом особенностей родного языка он внес в алфавит целый ряд изменений, а точнее

сказать, создал на основе русской графики эрзя-мордовский алфавит. Из принятого тогда русского алфавита он исключил “ижичу”, щ, ь; “фита” употреблялась только в заимствованных именах собственных. По предложению Юртова был введен уже использовавшийся в чувашской письменности апостроф – небуквенное графическое средство.

Изучение фольклора, переводческая деятельность подготовили Юртова к созданию первого эрзя-мордовского букваря. В 1884 году в Казани был издан “Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки”. Редкий экземпляр этой книги хранится в Музее книги Российской государственной библиотеки. В этом же году Авксентий Филиппович начал учительствовать в мордовском училище села Старая Бесовка (ныне Новомалыклинский район Ульяновской области). Очевидно, им руководило стремление уйти в народ, нести ему знания, книгу на родном языке. С посохом и мешком он ходил по мордовским селам, жил в крестьянских семьях, беседовал с людьми, читал собравшимся молитвы, делал записи легенд, обрядов. Одновременно подбирал для семинарии талантливых ребят.

Летом 1891 года Юртов принял сан священника и был определен в Михаило-Архангельскую церковь села Андреевка Уфимского уезда. Здесь он прослужил 25 лет. Несмотря на житейские трудности, он продолжал активную просветительскую деятельность, состоял действительным членом Уфимского комитета Правления миссионерских обществ, продолжал собирать образцы народного творчества мордвы, чувашей, башкир, работал над мордовско-русским словарем. После переезда из эрзянского села в мокшанское он решил дополнить словарь мокшанской лексикой. Собрал материал и отправил в Переводческую комиссию при управлении Казанского учебного округа. Но дальнейшая судьба исследователям неизвестна.

Скончался Юртов после тяжелой болезни в мае 1916 года.

Ныне наследие А.Ф. Юртова изучается и пропагандируется многими учеными-этнографами. Имя мордовского просветителя не забыто. В связи со 150-летием со дня его рождения в Ульяновской области, как и в республике Мордовия, прошли мероприятия в честь основателя первого эрзянского букваря. 20 февраля 2004 года в общеобразовательной школе села Старая Бесовка состоялось открытие мемориальной доски о

М.Е. Евсеев

Традиционный праздничный костюм мордвы-эрзи. Симбирская губерния

Пожилая пара. Мордва-эрзя

присвоении ей имени А.Ф. Юртова, и прошел праздничный концерт; одна из улиц села Старая Бесовка была переименована в улицу имени А.Ф. Юртова; в Железнодорожном районе Ульяновска состоялся Круглый стол, на котором обсуждался вопрос о приобщении детей к истокам культуры мордовского народа.

На протяжении всей своей деятельности Юртов поддерживал тесные творческие и дружеские связи с Макаром Евсеевым, бывшим своим учеником по Казанской учительской инородческой семинарии.

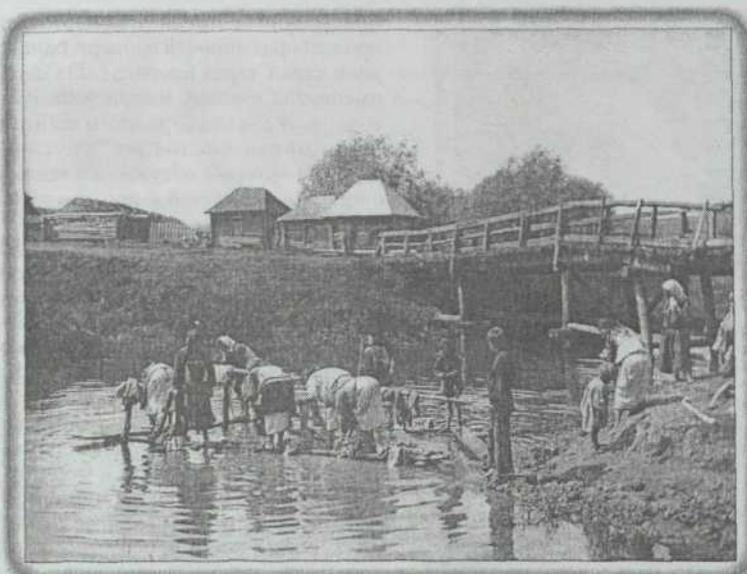
Макар Евсеевич Евсеев родился 31 января (нов. стиль) 1864 года в селе Малые Кармалы Буинского уезда Симбирской губернии в мордовской крестьянской семье. Отец и особенно мать, хотя и были неграмотными, хорошо знали народные песни, сказки, пословицы и поговорки. Недаром многие материалы для одной из своих крупнейших работ “Мордовская свадьба” Макар Евсеев напишет в основном со слов своей матери и издаст со следующим посвящением: “Памяти дорогой и незабвенной матери Ирины Петровны Кобаевой посвящает признательный и почтительный сын Макар Евсеев (Кобаев)”.

Не без влияния своего учителя Юртова Макар Евсеев сразу же по окончании семинарии включился в этнографическую работу.

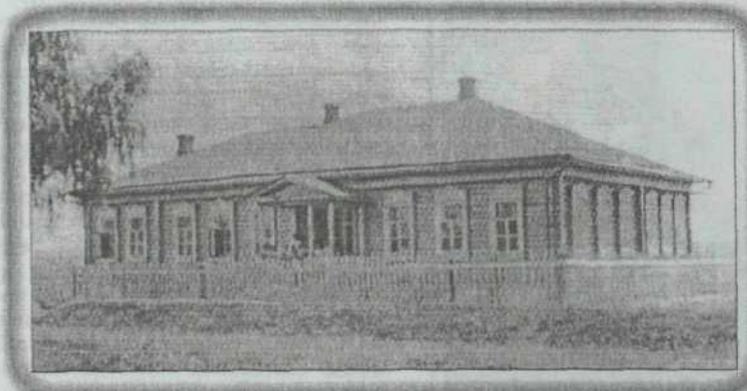
В 1892 году в журнале “Живая старина” была опубликована его статья “Мордовская свадьба” с описанием обряда сватовства, приготовления к свадьбе, приведены свадебные причитания на мордовском языке с подстрочным переводом на русский и нотами.

19 февраля 1893 года вице-председатель Русского географического общества П.П. Семенов-Тянь-Шанский сообщил Евсееву, что Совет Императорского Русского географического общества присудил ему серебряную медаль за этнографические материалы и рукописи, “ввиду выдающегося их достоинства”.

Занимаясь в 1890-х годах составлением этнографических альбомов для Нижегородской Всероссийской выставки, Макар Евсеевич объездил все губернии, где обитали прибалтские инородцы, и сделал много фотоснимков с чуваш, татар, черемис, вотяков, мордвы, пермяков, зырян и калмыков. Об этом он писал академику А.А. Шахматову 5 февраля 1908 года: “В результате всех моих поездок явился у меня мордовско-русский словарь и масса свадебных причитаний, песен, сказок, загадок, заговоров и фотографических снимков...”.

Стирка белья. Мордва-эрзя. Пензенская губерния, Саранский уезд

Сельская школа в селе Старая Бесовка Самарской губернии

Русские девушки с коромыслами

Фотографирование религиозных обрядов было делом сложным и небезопасным. На священные обряды не допускали случайных людей, тем более, с камерой в руках. Не помогало порой даже близкое знакомство с местными жителями. Поведение ученого казалось им странным, вызывало любопытство и настороженность. И все-таки Евсевьеву удалось сделать 250 фотоснимков!

Сотрудничество М.Е. Евсевьева с этнографическим отделом Русского музея оказалось весьма плодотворным. Евсевьев приобрел для музея 25 мордовских коллекций (374 предмета). Среди них – образцы одежды, вещи домашнего обихода, атрибуты религиозных ритуалов и культов, связанных с мордовским язычеством.

В 1886 году Евсевьев объездил почти всю мордву с финским ученым А.О. Гейкелем, помогая ему в собирании вышивок и узоров на мордовских костюмах и этнографических предметов для Гельсингфорского музея.

За свои научные работы в 1889 году он был избран членом-сотрудником, в 1910 году – действительным членом Финно-угорского общества, в 1912 – членом-сотрудником Русского географического общества, а в 1914 – действительным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

Почти в течение полувека ученый проводил исследования, посетив несколько сотен поволжских сел и деревень. Записывал в путевые книжки свои наблюдения, создавал фонотеку, фототеку, собирал ценнейшие этнографические экспонаты, которые в настоящее время хранятся в музеях Казани, Санкт-Петербурга, Хельсинки, Саранска, Гамбурга, Берлина, Тарту и других городов.

Видя воочию, как быстро исчезают из быта старинные костюмы и обычаи, памятники фольклора, стремился зафиксировать “живую старину”. “Сколько каждый день уносит ценного в вечность из жизни мордвы!” - с грустью восклицал Евсевьев.

Идеи А.Ф. Юртова и М.Е. Евсевьева, накопленный ими научный материал не канули в вечность, не стали просто достоянием историографии, они работают, приносят научную и практическую пользу. Более того, – теперь, в период реформирования России, наследие мордовских просветителей, ратовавших за сохранение и развитие национального самосознания, становится все более актуальным.

По материалам исследований Е.Г. Осовского и Н.Ф. Мокшина. Предоставлено Ульяновской областной мордовской национально-культурной автономией.

Прадед

Удивительным образом в 1971-м году я, рождённая в Казани и выросшая в Москве и по внутреннему ощущению москвичка, оказалась на родине предков в Ульяновске заведующей кафедрой анатомии и физиологии пединститута. И живу в квартире окнами на бывшую Земскую больницу, где работал и окончил свои дни в 1919 году мой дед...

О своем прадеде, Александре Ивановиче Козлове, до последнего времени я не знала ровно ничего, кроме имени и места службы. Единственную прадедову фотографию его внучка, а моя тетя Наля, подарила каким-то следопытам-школьникам города Энгельса, что недалеко от Саратова. Но где теперь искать это фото, в какой школе, мы не знали.

Но вот, как по мановению волшебной палочки, ко мне стали стекаться сведения, да так быстро, что за две недели февраля 2003 года практически всё прояснилось. Даже появилась фотография прадеда из альбома Епархиального училища за 1903 год, до сих пор не опубликованная.

Милые мои бывшие студенты - краевед Алексей Сергеевич Сыгин, сотрудник заповедника "Родина В.И. Ленина" Ольга Алексеевна Свешникова, директор музея "Симбирская классическая гимназия" Ирина Федоровна Макеева! Я так благодарна вам за помощь, часто такую нестандартную и самоотверженную, за добрую волю помочь! То, что надо было кропотливо отыскивать в архиве, пришлось ко мне от вас, как на крыльях, даже как бы само...

Смотрю на фотографию прадеда. В 1903 году ему исполнилось 60 лет. Усы, открывающие рот. Седеющая кудрявая борода ложится на грудь прямоугольником, а не овалом. Высокий лоб, переходящий в лысину. Густые брови. Сам плотный и даже немного тучный. На мундире - погоны, и я пока не поняла - почему? Грудь в орденах: Св. Владимир 4-й степени, Св. Станислав 3-й степени и серебряная медаль на Александровской ленте - все эти награды получены за 40 лет добросовестной службы учителем. В документах - очередные чины "за выслугу лет", периодические денежные награды по 100, по 200 рублей "из специальных средств гимназии".

Св. Владимир дает право на потомственное дворянство. Интересно, оформил он его или нет? А мой дед, Алексей, значит, все же являлся дворянином, по мечте моей прабабушки Веры, хоть и неявным.

Удивительно кого-то напоминает

мой прадед. И вдруг понимаю: мою маму, Юлию Алексеевну Козлову, на фотографиях средних лет и старше! А еще это лицо всплыло в Юляшке Богословской, моей племяннице. У остальных его потомков лица другие, более тонкие и четко прорисованные. Наверное, красива была его жена, Дарья Прокофьевна. Но, кроме имени, да и то совсем недавно узнанного из личных дел ее детей-гимназистов, ко мне от прабабушки ничего не пришло. Даже ее фамилии в девичестве не сохранилось. И ни одной фотографии...

Откуда взял себе жену молодой учитель искусств Александр Иванович Козлов, окончивший Пензенскую школу рисования в мастерской художника Макарова? Первое место его работы в роли учителя рисования и в чине коллежского регистратора - Кузнецкое уездное училище. Это в Саратовской губернии. Там 2 июня 1867 года родился его первенец, Владимир.

С начала этого же, 1867-го учебного года, мой прадед уже в Вольском училище, в той же Саратовской губернии. 6 октября 1871 года за выслугу лет произведен в губернские секретари. К этому времени у него уже два сына: Петр родился в Вольске 10 июня 1869 года. Затем последовали еще двое - Иван в 1871-м и мой дед Алексей 20 декабря 1873 года.

С такой большой семьей в августе 1874 года мой прадед "перемещен по прошению в Симбирскую гимназию", где через год за выслугу лет предоставлен к следующему чину - коллежского секретаря, а еще через несколько лет - к чину коллежского асессора, на чем его чиновный рост и закончился.

Отыскалась фотография первого года жизни в Симбирске: на групповом

снимке, где в центре Илья Николаевич Ульянов, крайний справа стоит мой прадед, ещё совсем молодой.

Семья продолжает разрастаться, и с разрывом около двух лет появляются в 1875-м дочка Анна и 4 января 1878 года последний сын Виктор. Примерно в 1881-м году Дарья Прокофьевна уходит из жизни, оставив шестерых детей овдовевшему мужу... Моему деду - Лёксе, как его звали в семье, - к моменту потери матери было восемь лет.

Александр Иванович работает в трех местах: не только в гимназии, но также в чувашской учительской школе и в Епархиальном училище. Кто ему помогает растить детей? Какие у них няньки, гувернеры, гувернантки? И есть ли они? Ничего этого уже не узнать. По его личному делу и личным делам подрастающих сыновей-гимназистов отслеживаю меняющиеся адреса места жительства: в 1881-м - дом Крашенинникова по улице Шатальной (ныне Корюкина), в 1885-86-м - Старо-Казанская, дом Забусова, в 1895-м - Шатальная улица, дом Россова.

Он очень добр и мягок, мой прадед, но как опасно это качество в гимназии, где царят Порядок и Строгость. Мальчишки сразу чувствуют слабость учителя и пользуются этим вольно, и веселятся, когда он, однажды оступившись, роняет парик: "Надо же! А он, оказывается, лысый!" (воспоминания В.А. Мугашина, выпуск 1912 года); и издеваются, почувствовав его страх потерять работу. Стеклопанные двери классов специально для того и сделаны, чтобы из коридора можно было видеть, как идет урок.

А на его уроках всегда было шумно. На это ему не раз уже указывалось, но совладать с учениками оказалось не под силу. В отчете 1888-го года можно прочитать: "Учитель чистописания

Сестра деда Анна

и рисования А.И. Козлов, чтобы научить детей писать и рисовать, не достигает цели по неумению держаться правильной методы и особенно не может соблюдать в классе порядок и дисциплину. Неоднократные указания и требования не приводят к лучшим результатам”.

Есть отчего пугаться всякого проходящего по коридору, особенно директора, а ученики все замечают... Илья Изидорович Берниц, выпускник 1905 года, вспоминает: “Был в младших классах по чистописанию старичок Александр Иванович Козлов – добряк, который шалунам говорил: “Тише, увижу отца в бане – нажалуюсь”. ...Почему-то боялся директора, а ученики на уроках нарочно выкрикивали: “Александр Иванович! Директор в дверь в коридоре смотрит!” Козлов бросался писать на доске фразы, объясняя, где ставить нажим пера и т.п. и говорил: “Тише, директор!”, тогда как директора и близко не было. Ученики с А.И. рядились: он ставил 3 – требовали 4 и пр.” Рукопись этих неопубликованных воспоминаний хранится в музее гимназии.

Как бы то ни было, преподавание продолжается. Но через пять лет после смерти жены как будто какая-то темная полоса проходит по жизни семьи прадеда. В сентябре 1886-го Александр Иванович просит уволить из гимназии своего старшего 19-летнего сына Владимира “вследствие крайне расстроенного здоровья”. Не тогда ли он заболел менингитом? След от перенесенной болезни, как вспоминает моя тетка, Наталия, остался у него на всю оставшуюся жизнь...

Через год, в 1887-м, заканчивает гимназию в одном классе с Владимиром Ильичем Лениным второй сын, Петр, и неожиданно этим же летом кончает жизнь самоубийством – топитя в Волге. От этого замечательного 18-летнего юноши в нашей семье остался его выпускной портрет гимназиста с надписью на обороте: “Моим лучшим и приятным знакомым Изидору Мартыновичу, Серафиме Борисовне и Михаилу Изидоровичу г.г. Берниц от учителя их сына Михаила (слово “Михаил” зачеркнуто) Петр Александрович Козлов. Не поминайте лихом”. Внизу, под надписью – личная печать.

Фотография сделана на Большой Саратовской, возможно, недалеко от дома Конурина, 26, по этой же улице, где жил купец 2 гильдии Берниц. Видимо, Петр был учителем-репетитором Михаила при подготовке в гимназию или в первых двух классах. Через два года после его смерти, в 1889-м, Михаил Берниц уже в 4-м классе, и его отец просит без переименовки оставить сына на второй год. Среди окончивших гимназию Михаил Берниц не числится...

В каком доме надо искать несчастную любовь Петра Козлова?...

А через год – новая загадка: Александр Иванович просит “уволить из гимназии по семейным обстоятельствам” еще одного сына – Ивана, в середине третьего класса – 8 января 1888 года. Если подсчитать, сколько же ему лет, то выясняется, что уже 16-17. Может быть, просто с учебной не получалось, сидел по два-три года в каждом классе? Больше об Иване – никаких сведений...

А чем радуется прадеда мой будущий дед, будущий известный в Симбирске врач, Алексей, Лёкса?

В 1883-1884 гг. он, десятилетний, в подготовительном классе – вместе с братом Ленином, Дмитрием Ульяновым. Лёкса – здоровый и не очень прилежный мальчик, а на улице столько соблазнов, и так интересно и приятно гонять голубей... И вот в те самые “темные годы семьи” он дважды остается на второй год – в 4 и 5 классах. Это как раз 1888-1891 гг.

На следующий год, в 6 классе, его успеваемость тоже радовать отца не может: алгебра - 2, физика - 2,5, поведение - 4. Но дальше он все же двигается из класса в класс и в 1894-м, уже в возрасте 21 года, заканчивает гимназию. Ура! Впереди – Медицинский факультет Казанского университета!

И вот тут-то из тени выходит его сестра Анна. Она дарит отъезжающе-

Брат деда Виктор

му брату фотографию – очаровательная шатенка с волнистыми волосами на правом плече, в темном платье с модными фонариками рукавов – и надписывает: “1894 года 26 марта. Брату Лёксе от сестры Анноты. На добрую память”.

А как последний, Виктор? Он с 1889-го в той же гимназии. В начале второго класса ему 28 августа 1890 года назначают государственную стипендию, но он остается на второй год. “Темная полоса” всё наполняется... Видно, совсем трудно стало прадеду содержать своих подрастающих детей. И вот 12 августа 1893 года – снова прошение “о зачислении сына, ученика 4 класса Виктора Козлова в пансион на казенный счет ...так как я, прослужив 29 лет по Министерству Народного Просвещения, в том числе 19 лет в Симбирске, при ограниченном жаловании (400 руб.) не получаю пенсии и имею кроме того еще двух сыновей и одну дочь, которые находятся при мне”.

И приписка: “Попечитель Казанского учебного округа утвердил постановление педсовета от 6 октября 1893 года о помещении на казенное содержание в пансион ученика 4 класса Виктора Козлова”.

Итак, Виктор будет жить в пансионе, не дома. А дома – кто из сыновей? Алексей, конечно, мой будущий дед, он еще последний год учится. А Владимир с 1888-го служит в Казенной палате на жалованье 10-12 рублей в месяц. А где живет? И где Иван? Так кто же вторым сыном живет с Александром Ивановичем, как значится в его прошении?

Но наконец наступает момент, ког-

да заботы о детях несколько рассы-
ваются. Анна большая, Владимир
служит, Виктор пристроен в пансион,
Алексей закончил гимназию, уехал в
Казань. Отец посылает ему 8 рублей
в месяц, а остальное мой будущий дед
зарабатывает сам – уроками и рабо-
тами в фотографии. И становится,
кстати, не только замечательным вра-
чом, но и великолепным фотографом.

И вот, через 14 лет вдовства Алек-
сей Иванович собирается снова же-
ниться. Но невеста – тоже вдова, жи-
вет не в Симбирске, к ней надо ехать,
а для этого необходимо время. И пра-
дед просит у начальства отпуск “для
вступления во второй законный брак
с вдовою чиновника Кокурочникова
в г. Сызрани (21 апреля 1895 г.)”. И
резолюция: “Козлову, как человеку
вдовому от первого брака со стороны
гимназического начальства препят-
ствий нет”.

Видимо, брак готовился в пере-
писке ранее знакомых людей. Ольга
Константиновна, урожденная Мейс-
нер, из дворян Сызранского уезда,
овдовев в Симбирске в 1888 году,
уехала в свое родовое сызранское по-
мestье с четырьмя малолетними деть-
ми: шестилетними близнецами Ан-
ной и Екатериной, Аркадием четырех
лет и годовалой Евгенией.

Ее первый муж, Григорий Яков-
левич Кокурочников, приехал в
Симбирск после окончания Казанс-
кого университета позже прадеда, в
1880-м, и тоже преподавал, но не в
гимназии, а был учителем-инспек-
тором в Симбирском городском
трехклассном училище, а в 1884-м

Брат деда Петр

стал членом Симбирского училищ-
ного совета. Думаю, что они были
не просто знакомы, но, возможно,
общались семьями. К моменту смер-
ти от чахотки Кокурочникову было
всего 35 лет, а его жене могло быть
лет на семь-восемь меньше.

За семь лет одинокого вдовства у
Ольги Константиновны дети подро-
сли и младшей стало восемь лет, а
старшим по 13. Ей самой, скорее все-
го, не больше 35. А прадеду уже 52.
И вот начинается для него новый пе-
риод – теперь надо поднимать четве-
рых приемных детей.

На чьи деньги был куплен дом на
углу Лисиной и Беляевского переул-
ка, 16? Но записан он сразу на вто-
рую жену, уже Козлову. Это обычный
избяного деревенского типа дом,
красного, как помнится маме, цвета.
И даже два дома – одинаковых – под
этим номером.

Когда я в 1971-м году переехала в
Ульяновск, оба эти угловых дома, но
уже серо-древесного, “никакого” цве-
та, стояли, как и прежде. Мне их пока-
зала моя мама, сказала, что в этих двух
домах жила мачеха ее отца, и ее дети,
Кокурочниковы, и мы обе почему-то
совсем не проявили к этому интереса.

Можно было бы их сфотографировать,
войти внутрь... Ничего этого мы тогда
не сделали. А потом их сломали, и на
этом месте сейчас висится громадное
современное здание...

Подробности совместной жизни
новой семьи теперь восстановить
нет никакой возможности, потому
что Лёкса, мой дед, вернулся в Сим-
бирск в 1911 году, уже после смер-
ти отца и все сведения, до нас до-
шедшие, относятся к периоду вдов-
ства его мачехи.

Последние 5 лет до своей кончи-
ны в ноябре 1909 года Александр
Иванович Козлов уже не работал, он
был “уволен в отставку по нездоровью
15 августа 1904 года с пенсией
480 руб”. Тогда же он был награжден
серебряной пряжкой за 40-летнюю
службу. И еще – сразу же подал про-
шение “об усилении пенсии”. В до-
кументах значится: “Выдано 200 руб.
из спецсредств гимназии”.

Прадед оставил всех приемных
детей взрослыми, а вдова получила от
гимназии пенсию.

Мама вспоминает: “В начале 30-х
годов Кокурочниковы постепенно
поумирали, почти одновременно и
бабушка, и ее дети...”.

Оборотная сторона фотографии:
“Брату Лексе от сестры Аноты”

Когда ты нужен

(Продолжение. Начало в № 2-2004)

В рядах пролетариата

Среди обшарпанных домиков торчала башня непонятного назначения. Я понятия не имел, что это и есть завод "Металлист". В отделе кадров получил направление в литейный цех.

Литейный цех сначала мне не понравился. Огромное помещение с воротами в торцах и печью-вагранкой посередине, солнечный свет едва пробивается сквозь закопченные стекла, в полутьме рабочие возятся в земле, расхаживают чумазные мальчишки моего возраста, пахнет чем-то кислым. Шум, грохот, люди не слышат друг друга и вынуждены кричать.

Не помню, кто давал мне первые уроки формовочного дела. На первый взгляд, оно несложно: с помощью деревянной модели нужно создать в земле пустоту, которую заполнит расплавленный металл. После того как металл остынет, отливку извлекут из земли и отправят для обработки на станках в механический цех. Но чтобы это получилось, нужно крепко потрудиться. За смену несколько формовщиков устилают пол огромного цеха длинными рядами форм, готовых принять металл. Смотришь на этот частокол и думаешь: сколько же потрачено сил, чтобы без усталости вращать тяжелые опоки, перемещать и трамбовать горы земли! А впереди — еще более тяжелая работа, загрузка вагранки металлом и коксом, разлива жидкого чугуна по формам...

Я быстро освоил эту профессию,

подружился с ребятами. В заводской столовой кормили сытно и дешево.

С фронтов приходили нерадостные вести, наши войска отступали, госпитали заполнялись ранеными, в Ульяновск хлынул поток эвакуированных. В это напряженное время неожиданно остановилась городская электростанция: вышла из строя гильза, в которой ходил поршень. Новую гильзу решили отлить на нашем "Металлисте". И я услышал фамилию — Лаптев. Это был низкорослый старичок в брезентовой спецовке. Морщинистое лицо с седыми усами, поношенная кепчонка, шаркающая походка. Лаптев занимался формовкой сложных деталей, работал медленно и тщательно, был немногословен и общался только с пожилыми рабочими. Когда выяснилось, что выполнить ответственный заказ поручено ему, я стал приглядываться к нему, следить за действиями старого формовщика.

В цехе вырыли огромную яму. Привезли трехметровой длины модель. Ходивший под потолком на рельсах кран установил ее вертикально в яме. Под руководством Лаптева бригада формовщиков стала засыпать яму землей. Затем краном выдернули модель и установили в центре огромный стержень. Двое суток вагранка непрерывно плавил металл только для Лаптева. Двое суток разлишники сновали с ковшами от вагранки к форме, расплавленный

чугун безостановочно низвергался в ненасытное жерло, ослепительное зарево заполнило весь цех. Завораживающее зрелище!

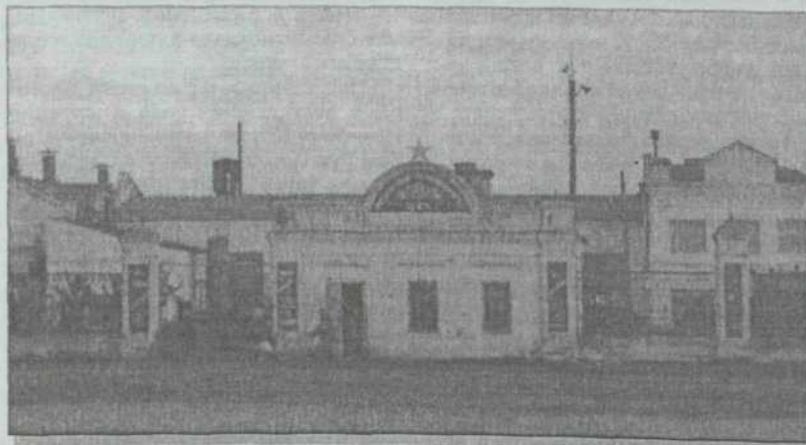
Отливка остывала несколько суток. Потом кран с трудом вытянул ее из земли, и вокруг этой громадины, повисшей на цепях, ходил, шаркая плохо гнущимися ногами, Лаптев, сгорбившийся старичок в брезентовой робе, прострелянной искрами... Когда через несколько дней электростанция заработала и в окнах вспыхнул свет, я оценил значимость того, чем занимаюсь, и понял, почему нам, формовщикам и литейщикам, в воюющей стране установили по карточкам самую высокую пайку хлеба — килограмм в день!

...Сегодня моя очередь разливать. Руки крепко держат ручки рогача, внимание на пределе. Теперь главное — сразу попасть струей из ковша в литник опоки и не давать ей прерываться, иначе металл схватится раньше, чем полностью заполнит форму. Маленькая бригада действует слаженно, ребята понимают меня с полуслова. Знаем, насколько серьезным делом занимаемся. Опустевшие ковши снова выстраиваются в очередь у желоба. Процедура повторяется... Но вот вагранка опустошена, последние капли медленно стекают по желобу. Все формы залиты. Выключен вентилятор, в цехе наступает непривычная тишина. Над опоками клубится пар, погружая цех в белесый туман. Дело сделано, напряжение спало, опять слышны шутки, смех. Кончился еще один рабочий день. "Скорей домой!"

Мама не спит. Стараюсь улыбнуться как можно радостнее: "Все в порядке". Мама разворачивает одеяло, там в кастрюльке, завернутой в газету, еще теплый ужин. Она пыгаетя расспросить меня, как прошел день, но я уже ничего не соображаю, глаза слипаются, ложка не держится в руке. Едва коснувшись подушки, проваливаюсь в темноту...

Без наказания

Город забит эвакуированными, их расселяют по квартирам, горожанам приходится потесниться. Нашу двухэтажку целиком отдали детскому дому, эвакуированному из Ленинграда. Жильцов расселили в разных местах,

Завод "Металлист"

и у нас теперь другой адрес – пл. Республика, д. 4, кв. 2. Это на Новом Венце, недалеко от краеведческого музея и Дворца книги. Комната оказалась меньше прежней. Вместо сарая для дров мы использовали подпол, куда вел люк, врезанный в пол. В подпол мы с братом затаскивали бревна, ухитрялись в темноте их распиливать и даже колоть на полешки. Неподдалеку от дома располагалась зенитная батарея, защищавшая мост через Волгу.

Осенью после простоя литейного цеха из-за отсутствия поставок кокса с Украины объявили аврал. Нас, группу ребят, прикрепили к грузовому автомобилю. Водитель, пригнавший ЗИС-5 из Москвы своим ходом, из всех ребят выделил почему-то меня и вскоре обучил вождению. Мы ездили на станцию, где совковыми лопатами быстро нагружали машину и возвращались на завод. Водитель загонял грузовик на склад и уходил в контору, оставляя ключ в замке зажигания. После разгрузки ребята тоже уходили в контору, а я, гордый оказанным доверием, выводил машину из сарая и лихо подкачивал к заводу управлению. Выходил водитель, садился за руль, я – рядом, грузчики запрыгивали в кузов, и рейс на железнодорожную станцию повторялся. Ребята мне завидовали и злились, поскольку к рулю я их не подпускал.

Но вот случилась беда. Шофер, маневрируя при заезде в сарай, поставил грузовик под разгрузку, оставив свернутыми под крутым углом передние колеса. Я стал выезжать из сарая – машина неожиданно рыскнула в сторону. Растерявшись, я вместо тормоза нажал на педаль газа. Раздался треск, правый борт задел косяк, и я услышал, как что-то рухнуло на землю. Опрометью выскочил из кабины. Картина представилась ужасная: поперечные балки, на которых крепились кузов, сломаны, изуродованный борт валится на снег. Побежали за водителем. Я, замерзший от ужаса и стыда, не мог смотреть ему в лицо. Модельщики в мастерской, бросив свои дела, начали срочный ремонт. За несколько часов сменили балки, залатали борт. Бригада снова начала возить коке, стараясь наверстать упущенное время. Теперь я ездил со всеми в кузове. Ребята не злословили по этому поводу, понимали мое состояние.

Несколько недель я страшно мучился, представляя, как меня будет судить военный трибунал, а прокурор произнесет речь: “Этот сын врага народа злонамеренно совершил диверсию... Этот

А. Троепольский

пособник фашистов заслуживает самого сурового наказания... Требую приговорить его...”. Потом я узнал: водитель, пожалев меня, взял всю вину на себя.

Побег

В конце лета 42-го года заводскую молодежь направили в колхозы и совхозы области, там сложилась тяжелая обстановка с уборкой урожая. Я попал в конезаводское хозяйство и оказался в бригаде единственным представителем мужской части человечества. Девчата расположились в одном пустом амбаре, я – в другом. Натаскал сена, улегся. Проснулся ночью от внезапно возникшего ощущения опасности и какого-то непонятного шума. “Крысы”, – догадался я, и в этот момент хвостатая тварь прыгнула на грудь и вцепилась в губу. Я отшвырнул ее в сторону и с головой укрылся одеялом. Утром, когда умылись у колодца, девчата стали ехидно интересоваться, с кем это я ночью целовался в засос...

На двуколке, влекомой жеребцом неопишущей красоты, прикатил директор конезавода. Оглядев бригаду, спросил, у кого самое высокое образование. Оказалось, у меня: 8 классов. “Будешь учетчиком на току”, – приказал директор. Хлестнул жеребца и укатил. “Вот что значит целоваться с крысами, – ехидничали девчонки, – уже в начальники выбился”.

Работы учетчику хватало. Зерно на ток возили непрерывно, взвешивали и сыпали под навесы. Я отмечал приход зерна в тетради, выписывал квитанции.

Вступила в свои права осень, похолодало, а мы, городские, все в летнем. Наконец, командировка кончилась, у бригады чемоданное настроение. Я пошел к директору прощаться, понес тетрадь. Начальник обдал ледяным душем:

– Никуда не поедешь. Закончим

уборку, перевешаем все зерно, сличим с твоими квитанциями и записями. Если обнаружится недостача, вызовем следователя, будем судить по законам военного времени. Все, иди.

– Разрешите хотя бы съездить за теплыми вещами – холода настают.

– Нет, забирай тетрадь и ступай на рабочее место.

Девчата уехали без меня, помавав платочками из кузова машины. Ночью заснуть не мог, жгла мысль: “Что делать?” Надумал проверить, как охраняется зерно на току.

Шагаю по размокшей тропинке. Небо застилают зловещие тучи, злой ветер пронизывает в легкой курточке насквозь, зуб на зуб не попадает. Вот и ток. У костра сидит, нахохлившись, старичок сторож в драной шубе и шапке-ушанке, безучастно смотрит на огонь. Рядом у ног лежит дробовик. На приветствие отвечает нехотя: старик мое присутствие явно нежелательно. В отблесках костра замечаю под навесом телегу, слышен удаляющийся конский топот.

– Что за люди? – спрашиваю.

– А кто их знает, – равнодушно цедит сторож.

– Так они же воруют!

Старик неопределенно пожимает плечами, не отрывая взгляда от огня.

– Как же так! – голос у меня срывается. – Вы охранник, у Вас ружье..

– А у них ножи, – он явно удивлен моей наивностью. – Ты бы, паря, видел ихние ножи...

Я возвращаюсь в село, потрясенный увиденным. Если такое происходит каждую ночь... Ясно, что недостачу обнаружат. Значит, меня будут судить. “Граждане судьи! Яблоко от яблони недалеко падает. Преступник – сын врага народа – растранижил зерно... Фронт недополучил...”. Нужно что-то делать. Посоветоваться не с кем, решение должен принять сам.

Лихорадочно собираю вещи в мешок. Оставляю тетрадь на столе, закрываю за собой скрипучую дверь и ухожу. Шагаю, не разбирая дороги, шлепая по лужам.

Натякаюсь на рельсы, несколько километров преодолеваю по шпалам. Вот он, поворот, где поезда снижают скорость. Догоняю последний вагон товарняка и усаживаюсь на буфер. Сердце гулко стучит в такт колесам, отменяющим стыки.

В городе первым делом спешу в баню. Весь в чистом, как на расстрел, иду на завод. Начальник цеха Николай Иванович Карпеев молча слушает мою исповедь. Долго думает, постукивая пальцами по столу.

- Так, чтобы не привлекли тебя за прогул, немедленно иди в цех.

- Я же в чистом...

- Немедленно в цех, я сказал!

И — совсем тихо, по-отечески добавил: "Иди, иди". У меня сердце дрогнуло. Понял: тихо произнесенное "иди, иди" — это амнистия!

Каким же родным показался мне цех! Все здесь радостно узнаваемо: и чумазые лица работяг, и стройные ряды опок, и долговязая фигура вагранщика. Поднимаю брошенные кем-то рваные рукавицы, берусь за ручки рогача... Я снова в цехе, среди своих!

Сейчас, когда позади осталась долгая трудовая жизнь, я часто вспоминаю своего первого начальника Николая Ивановича Карпеева. Все в облике этого человека говорило о крепком характере и былой физической силе. Глядя на его мощные руки с лопатообразными ладонями, я мысленно представлял, сколько же эти руки перетаскали железа и перекидали земли — тонны и горы. Литейное дело Карпеев знал досконально и учил нас, молодых, личным примером. Когда обнаруживал брак, не повышал голоса на формовщика, а часто сам, засучив рукава, наглядно показывал, как избежать ошибок.

Молодость, молодость...

В цехе всем дают клички. У меня кличка Москвич. Заработал ее за то, что, во-первых, завидя женщину, несущую что-нибудь тяжелое, бросал работу и помогал ей. Во-вторых, не матерился. В-третьих, не курил. Все почему-то были уверены, что парня с такими странностями могли воспитать только в столице.

Женский состав цеха состоял в основном из молоденьких стерженщиц, которые из песчаной смеси формовали стержни для опок. Постепенно я начал замечать, что некоторые из них проявляют ко мне интерес.

Однажды после смены провожал девушку, назову ее Любой. Жила она неподалеку от моста через Волгу. Решили мы прогуляться и затеяли игру: встали на рельсы и, взявшись за руки и балансируя, стали ходить взад-вперед, стараясь не ступить на шпалы. Стендели, обьять наши становились все жарче... Вдруг со стороны моста из темноты вынырнул военный патруль, осветил нас фонариком, и зычный голос с украинским акцентом приказал сойти с железнодорожного полотна. Увы, желание шегольнуть перед девушкой остроумием и находчивостью затмило здравомыслие, и я, забыв, где нахожусь, дерзко ответил,

коверкая слова на украинский лад. Раздалась команда, винтовки мигом слетели с плеч, дула уперлись в спины и под прицелом повели нас в комендатуру моста, являвшегося особо охраняемым объектом.

Из документов у нас были только пропуска на завод, подлинность которых патрульный поставил под сомнение. Через несколько часов сержант решил отпустить Любу, а мой заводской пропуск оставить в комендатуре, пока я не принесу паспорт и не заплачу денежный штраф. Уже светало. Опоздание на работу в военное время — преступление, за которое карали строго. Без пропуска на завод через проходную не пропустят. Оставалось одно — ноги в руки. Перепрыгивая сразу через несколько ступеней, помчался по лестнице в город. Мама не спала, сидела, закутавшись, над книгой. Подняла встревоженное лицо.

- Потом все расскажу. Давай быстро паспорт и деньги...

Мчусь обратно. Теперь легче — под гору. Терзает мысль: "Сколько времени займет процедура уплаты штрафа? Успею ли на завод?"

Деньги мгновенно исчезли в кармане сержантской шинели. Теперь кросс до завода. В цехе, встретившись взглядами с Любой, мы оба рассмеялись. И чем больше недоумевали окружающие, тем громче мы хохотали. Ах, молодость, молодость...

Опоздание, прогул, позор наказания — в то время это было постоянной угрозой, томившей душу. Однажды добираться до завода пришлось в страшный гололед. Подошвы у кирзовых сапог давно стерлись, по дороге несколько раз падал, пришлось сбавить ход. Понял: опаздываю. И тут подвернулся пустой грузовик. Вот спасение! Как только грузовик притормозил на повороте, я догнал его и вскарабкался через задний борт. Шофер увидел меня через стекло и угрозил кулаком, я виновато развел руками. Грузовик набрал скорость. Вот и завод. Деликатно стучу по кабине, жестами прошу высадить. Шофер, злорадно усмехаясь, еще больше давит на газ. Промелькнула проходная, удаляюсь от завода все дальше. Делать нечего — держась за борт, спускаюсь на дорогу, а грузовик мчится еще быстрее. Положение критическое: если отцеплюсь, упаду на дорогу, могу попасть под встречную машину. Из последних сил карабкаюсь обратно в кузов. Теперь уже не стучу — барабаню по кабине, умоляя остановиться. Водитель неумолим. Тут на мое счастье впереди возникает

мост через овраг, по дну которого проходит железнодорожный путь. Здесь водитель вынужден сбавить скорость. Выпрыгиваю из кузова и мчусь, скользя и задыхаясь, к заводу.

Через окно проходной вижу, что в запертом на замочек табельном шкафчике сиротливо висит на гвоздике мой жетон, а табельщица любезничает с вахтером. Опоздал!.. Быстро добегаю до угла, где столовая, перемахиваю через высоченный забор (откуда силы взялись!) и, беспечно насвистывая, вхожу в проходную. Объясняя табельщице, что забыл снять жетон, торопился, дескать, в столовую занять очередь... В цехе ребята спрашивают, чего я так тяжело дышу. А у меня нет сил ответить, кисель-киселем...

Черный день

Ничто не предвещало беды. После обеда получил срочное задание изготовить несколько деталей из алюминия. Перед разливкой металла по формам предстояла операция по его раскислению. Кладовщик налил из таза раствор в жестяную банку. Едва я начал выливать раствор в тигель, раздался оглушительный взрыв, и огненная струя выплеснулась прямо на меня. Вспыхнула шапка, загорелись ватник, брюки, валенки. Но самое страшное — струя плеснула по глазам. Уже ничего не видя, выбежал из пристроя в цех, скинул шапку, сбросил валенки, рвал пуговицы, пытаюсь избавиться от ватника. На помощь бежали рабочие, я слышал их голоса.

В больнице долго осматривали меня, я ждал приговора, но врач молчал. Когда забинтовывали, он сказал кому-то: "Левый пропал, придется удалять. У правого шансы незначительны".

Меня привели в палату, уложили на койку. Спать не мог, лежал, не шевелясь, слушал, как ворочаются и похрапывают на соседних койках. Начали зудеть ожоги. Мысли пугались...

Итак, случилось чудовищное — я ослеп... Мама, бедная мама, за что ей такой горе! Она всегда боялась, что со мной что-нибудь случится. Скоро ей сообщат о беде, и мама немедленно прибежит сюда. Как вести себя при встрече? Она должна увидеть, что я не пал духом, не сломен.

Операции следовали одна за другой. Врачи никак не могли остановить сращивание сожженных век левого глаза. Наконец, махнули рукой, решили разрезать веки, удалить глаз и вставить стеклянный протез. Но я отказался: к чему этот обман с протезом?

Врачебная комиссия признала меня инвалидом I группы, нуждающимся в

А. Троепольский с семьей на Венце

постоянном уходе. Настал день прощания с заводом. Борис привел меня в отдел кадров, где я получил трудовую книжку с последней записью: "1944 г. 29.07. Уволен ввиду перехода на инвалидность". Зашли в цех. Ребята обступили, жали руку, желали выздоровления, обещали навещать. Горьким было это прощание. До проходной нас проводил мастер, Григорий Алексеевич Скворцов. Позднее, в течение нескольких лет он присылал к празднику самодельные поздравительные открытки. Теперь они, как и заводской пропуск и фотография, на которой я снят в новой гимнастерке, выданной заводом взамен сгоревшей, хранятся в музее трудовой славы завода "Волжские моторы".

Комиссия, выяснявшая причины взрыва тигеля, пришла к выводу, что виноват кладовщик. Он хранил раствор хлористого цинка в открытой посуде, что запрещалось инструкцией. Таз стоял на подоконнике, туда стекала от оттепели вода с оконной рамы, разбавившая раствор до недопустимой концентрации, что и привело к взрыву.

Потянулись тягостные дни, жизнь превратилась в безрадостное существование. Мама уходила на работу в библиотеку пединститута, Борис шагал в школу, и я на весь день оставался один. Молодой и здоровый парень, а ни работать, ни учиться не могу.

Преодоление

В Ульяновск с проверкой военного госпиталя прибыло медицинское светило, профессор-офтальмолог. Завод обратился с просьбой осмотреть и проконсультировать меня.

Светило оказалось грузной пожилой женщиной с хриплым голосом. После тщательного осмотра профессор сказала:

- Левый глаз пропал полностью. Но вы – человек еще молодой, организм крепкий. Вполне возможно, какое-то зрение у правого глаза восстановится. Главное – не считайте себя инвалидом. Друзья пойдут в кино – идите с ними. Вы же все слышите и вполне можете представить, что происходит на экране. Друзья пойдут на танцы – идите и вы, танцуйте с девушками. Не замыкайтесь, не хороните себя в четырех стенах, идите к людям.

Так замерцала надежда, появилась цель. В самый нужный момент я получил мудрый совет. Спасибо, профессор! Век Вас не забуду...

Я увлекся спортивной гимнастикой. Борис занимался в секции, которой руководил основатель ульяновской школы гимнастики преподаватель пединститута Владимир Петрович

А. Троепольский с женой

Важневич. Тренер разрешил мне заниматься "внештагно", и мы с братом начали вместе ходить на тренировки. Я не мог вместе со всеми бегать и совершать прыжки, но компенсировал это разучиванием комбинаций на спортивных снарядах и в вольных упражнениях. По мере того, как крепились мышцы, прибавлялась сила, стало возвращаться зрение. Два года усилённых занятий – и настал день, когда я смог прочесть в книге первые буквы. Это была победа, открывшая путь в мир знаний.

Учиться – вот что мне надо теперь. Два раза в неделю хожу в заочную среднюю школу, что рядом с центральным почтамтом. Учусь с наслаждением – дорвался, наконец... Задания на дом перевыполняю принципиально, хочу перерешать все до единой задачи в задачниках по всем предметам. Целыми днями не вылезаю из-за стола. Если устал, делаю стойку на руках и жду, когда кровь прильет к

голове. И снова за стол, задачки решаются, словно орешки щелкаются...

Впервые за всю историю этой школы выпускник получил аттестат зрелости с одними "пятерками", но никто из руководства не знал, имеют ли я льготы при поступлении в институт. Пришлось самому написать письмо в Москву на Чистые пруды в Министерство просвещения. Пришел ответ: я имею право поступления без экзаменов в любое высшее учебное заведение Советского Союза.

На семейном совете решаем, куда поступать. В Ульяновске два вуза, но фамилия у нас редкая, отца многие еще помнят, отношение к детям "врага народа" известно, "стукачей" хватает. Значит, надо ехать в другой город. И еще: по сравнению с институтом статус университета выше, поэтому выбираю Казань. Туда и решено направить стопы.

В столице Татарии приемная комиссия, как только предъявил письмо с Чистых Прудов, немедленно зачислила меня студентом историко-филологического факультета с предоставлением стипендии и места в общежитии.

Вернулся из Казани окрыленный. Вышел на пляж, поплавал и разлегся на песочке позагорать. А вокруг парни и девушки лихорадочно листают учебники – готовятся к приемным экзаменам. И никто из этих озабоченных абитуриентов не подозревает, что вот этот одноглазый инвалид – уже студент, причем студент университета! Только тут, на теплом песочке, я почувствовал, какая гора свалилась с плеч.

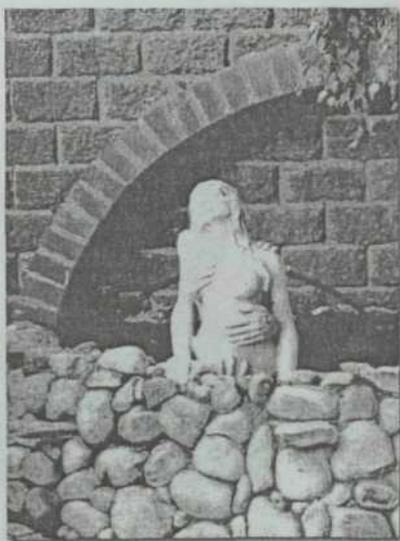
А. Троепольский с братом

Живая глина

В том, что глина живая, Мохамед Сахаутдинов не сомневается: не зря же библейская легенда гласит, что Адам был сотворен Богом из глины. Скульптор утверждает, что чувствует ее тепло, биение сердца, душу.

В первый момент миниатюры Мохамеда отталкивают зрителя какой-то внутренней дисгармонией, но спустя некоторое время от этих странных фигур, полулиц, рук – уже невозможно отвести взгляд. Хочется разглядеть каждую деталь, разгадать все тайные мысли художника: что-то он знает такое, о чем человечество не догадывается, знает про всех и каждого. Стоит, конечно же, стоит повнимательнее отнестись к этим скульптурам, заглянуть поглубже – еще и еще: где душа и где сердце, где лицо и какое оно, настоящее наше лицо?..

Омут

Мохамед Сахаутдинов – физик-сейсмолог, работал в Академии наук Таджикистана, писал диссертацию и разрабатывал геофизические методы прогноза землетрясения. В начале 90-х, когда начались национальные волнения, уехал в Ульяновск. Здесь юношеское увлечение художественными промыслами вдруг переросло в страсть к скульптуре. «Открытие» глины изменило жизнь физика. *

Вообще-то, в душе он – философ. Эстетизм и религия, понятие бесконечности, Время и Рок – вот что более всего волнует Мохамеда Сахаутдинова. А глина – ключик, которым он пытается отомкнуть тайны бытия.

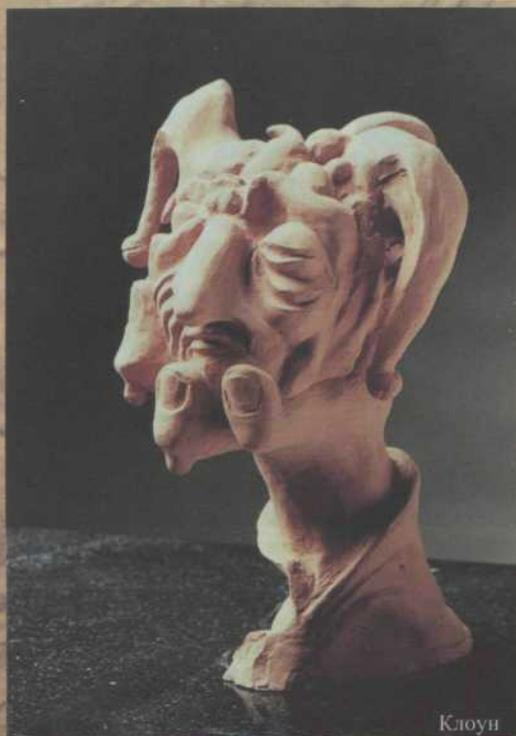
«Двуединство» – скульптурка со множеством значений. Внимание зрителя притягивает большое ангельское крыло, которое способно защитить от зла, но взгляд уже падает на полую голову, на зияющую дыру в груди. А что значит спрятанная за спину рука, и в ней – копьё? Авторская концепция строится на законе единства и борьбы противоположностей: все в одном. Духовное и телесное – неразделимо. Но вот что удивительно: у каждого зрителя – свое прочтение, и все отстаивают свое видение. Споры вокруг трактовки содержания вызывают и другие работы: «Призрак величия», «Фортуна», «Синдром неприобременного интеллекта». Бесспорно одно: творчество скульптора – это гимн жизни, любви, красоте.

Работает Мохамед и с большими декоративными формами. Скульптура «Клоун» выполнена специально для Ульяновского областного драматического театра. В скором времени она будет установлена, и ульяновцам предоставится возможность поразмышлять над нелепой судьбой лицадея. На первый взгляд, головка обезображена страданием, но, чем дольше всматриваешься, тем больше красоты и величия находишь в выражении лица Клоуна, поддерживаемого собственными скрюченными пальцами. Шокирует дисгармония? Но она – в самой сути профессии.

Другая крупная работа украсила бассейн-фонтан на летней площадке кафе «Березка». Называется она «Омут», хотя сам автор величает ее «Галатеей». Делалась на заказ, поэтому задача стояла конкретная: «ресторанная» скульптура должна быть красива! Галатея явилась эротичной, чувственной и прекрасной. Обнаженная фигура и лицо выражают любовное томление, но и тут автор не обошелся без философского подтекста: женское тело буквально «облеплено» мужскими руками. Каких только рук здесь нет! И похотливые, и нежные, и грубые, и внимательные (во всех скульптурах им придается особое значение) – разные руки могут встретиться женщине в жизни, и не всегда она разборчива. Почему же автор явно пытается защитить грешницу, «вырисовывая» прекрасные, утонченные черты лица? Как будто бросает вызов: кто безгрешен, брось в нее камень. И камни, к сожалению, летят. С тех пор, как скульптуру установили на место, она постоянно подвергается агрессии со стороны мужчин: в нее стреляют, бросают бутылки, порой пытаются ласкать и даже оживить. А наш Пигмалион время от времени навещает свою Галатею, подлечивает ее раны, подправляет волосы, грудь, лицо.

В настоящее время профессиональная деятельность М.К. Сахаутдинова связана с мебельным дизайном, но он все активнее проявляет себя как скульптор. Мохамед Камилевич – активный участник городских и международных выставок. Он – член творческого Союза художников России, член международной федерации художников, личность творческая, ищущая, всесторонне одаренная.

«В местечке, чудном по красоте и скучном по сути. Время текло в плаванье, одностороннем движении: сначала растило, доводило до расцвета, а затем уничтожало все то, что породило Природа, – так начинается необычная басня Мохамеда Сахаутдинова. – Эдакая супружеская связь Пространства и Времени, именуемая Случаем, и явилась причиной тому...», что мы видим на этой странице.

Клоун

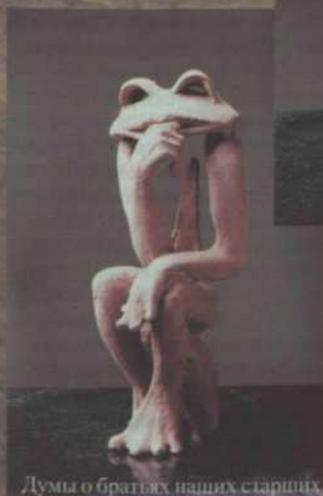
Пластика

Грех

Гнездо

Думы о братьях наших старших

Двуединство

Фото В. Дурнова

7 апреля 2004 года заслуженному художнику России **Ивану Васильевичу Лежнину** исполнилось бы 80 лет... Иван Васильевич был известен любителям живописи своим неравнодушием, доброжелательным вниманием к людям села, умением ненавязчиво проникнуть в их внутренний мир, труд и быт. С не меньшим интересом он относился к судьбе бывших фронтовиков, ветеранов Великой Отечественной.

Сам, будучи участником обороны Ленинграда, прошедший военными дорогами простым солдатом, он хорошо знал нелегкий, ратный солдатский труд. Возможно, поэтому многие годы Лежнин рисовал в основном тех, чьи выносливость, терпение, великое чувство долга привели нас к Победе. Об этих людях Иван Васильевич писал в публицистических зарисовках "Гвардии рядовые войны", отрывки из которых мы предлагаем вашему вниманию.

Иван Лежнин

Исповедь в пути

Как-то незадолго до начала "гласности и перестройки" пришлось мне ночным поездом "Москва - Ленинград" добираться до Вышнего Волочка, на творческую дачу "Академичка". В полупустом темном вагоне отыскал свое купе, в котором на фоне светлого окна темным силуэтом уже суетился мой попутчик. Когда появился в вагоне свет, сосед мой, по виду мне ровесник, услужливо предложил разместиться "как у себя дома".

— Значит, вы художник, — проговорил он, наблюдая, как я укладываю свой громоздкий багаж. — Думаю, нам не будет тоскливо в дороге-то... — Не то спрашивал, не то заверял меня в этом сосед.

— Надеюсь, — буркнул я, занимаясь своим делом. А он продолжал:

— Признаться, не люблю я ездить вот в этих комфортных "изоляторах". В общих-то вагонах куда-а интереснее... На людях не так тоскливо, народ проще, из разных мест. Что ни человек — своя судьба Неповторимая... Считай — целая книга. И детишки там. Кто как, а я люблю их! Ведь, если вдуматься, то народец этот самый безгрешный, с чистой душой.

Словоохотливость всегда вначале вызывает двоякое чувство. Но то, о чем говорил попутчик, не от всякого услышишь. Выразив согласие с ним, я уже более пристально смотрел на соседа. Слушая "окающий" нараспев говорок, пытался определить, из каких он земель российских.

На лице, ничем не примечательном, доминировали очки с выпуклыми линзами, на которые то и дело

падала прядь до белизны поседевших реденьких волос. Жернова военной судьбы, как видно, не пощадили этого некогда крепкого, статного человека. Правый рукав простенького серого костюма по локоть был пуст. На груди неярко зеленела единственная медаль "За оборону Ленинграда".

Ловко управляясь левой рукой, сосед доставал из фанерного баульчика съестное. Наконец, озорно блеснув на меня очками, извлек памятную кое-где военных лет солдатскую фляжку, виновато, будто упрасывая, проворковал:

— Вот, если вы не прочь? Примем чуть "снотворного"? А? Оно и для беседы гоже, и для прочего. Будем в меру, как сказал Никите Неру...

Закруглив расхожим каламбуром приглашение к столу, сосед одарил меня поверх очков приветливым взглядом и скомандовал:

— Тогда занимайте позицию!

Отступать, как говорится, было некуда, я тоже поставил два "жулика" с армянским коньяком, консервы. Предвкушая основательный ужин, сосед мой еще более оживился, и, наполняя стопку (такого же исторического происхождения, как и фляжка) "самиздатом", гостеприимно "заокал":

— Примите-ко из этого сосуда, называемого на фронте "лафетником". Из такой посудинки теперь и сам Язов выпил бы. Ей Богу!.. Только уж не сыскать такой. А я вот эти, можно сказать, святыни, храню, чудак... Берегу, как медаль.

Чаюясь по-первой, сосед запрос-то отрекомендовался:

— Я зовусь Федором. Онучин Федор Иванович.

Назвался и я.

— Фамилия у меня — чистейшая неблаговзвучность. На фронте ребята-остряки шутя называли меня кому как вздумается. Лишь бы позабавнее — и Портянкин, и даже Обмоткин.

Я не сбивал своим вмешательством рассказчика и внимательно слушал трогательные для него странички воспоминаний. А он продолжал:

— Иной раз кому-то из них покажется, что я в обиде за это. Они ко мне — успокаивать. Один почти артист был, консерваторию не закончил, но пел не хуже Лемешева... "Да ты, Федька, в своем ли уме? Ты ведь у нас, говорит, почти Шаляпин! Ты и Федор, и тоже Иванович. А в учебном полку ты и запеваљу подменял, когда тот ангинил... Выходит, обидя твоя не к месту". А я и не обижался. Хотя и тут артист на потеху остальным разыгрывал меня. Жаль ребят, многие погибли.

О чем только мы не переговорили в тот поздний час. Верно сказано: "В дороге знакомятся быстро". Да еще под стук колес, да еще после первой, второй и т.д. Вот уже многое и прояснилось мне из жизни моего соседа, можно сказать, единомышленника.

— А родом я с Урала. Из крестьян. Помните, как у Твардовского? "Урал — оплот Державы!" А как сказано-то, а?! Ну, а красота-то природы-матери нашей неопишущая! Деревушка наша была от силы дворов двадцать с небольшим, называлась славно-о!.. Загля-день-ем.

— А у нас в Прикамье, на Вятке,

деревни с такими вот названиями, вроде вашей, встречались. Подсказываю пришедшее к случаю на память название деревни Чернопенье. И фантазирую, что, возможно, у нас и Чернопенье есть.

— А почему бы и нет? И даже могла быть с таким вот сказочно-музыкальным названием русская деревенька. Но скажите мне, где она теперь?! — вдруг ни с того, ни с сего завопил мой Онучин изменившимся голосом. — Где мое милое Загляденье?! Скажите, кто его снес с лица земли?

Всплиывая, он вопрошал кого-то, не замечая меня, но угрожая кулаком уцелевшей руке чуть ли не каждому члену Политбюро поименно. Прицельнее всего бил по Хрущеву:

— Ни дна б ему и ни покрывки! Этому разрушителю русских деревень. Погубил он животноводство!

Сосед ораторствовал на весь вагон. Пришлось мне быстро наполнить “внеочередную”, в надежде успокоить его и повернуть разговор в другое, более безопасное направление. А оказалось, как это бывает, “подлил масла в огонь”. В огонь души израненной, травмированной сложностями жизни, тяжелой фронтовой контузией. Мой интересный собеседник был уже на грани невменяемости и буйства. А я — в отчаянии.

На шум прибежала заспанная проводница. Но, сообразив, с кем имеет дело, зевнув, посоветовала: “Еще по одной, и все как рукой снимет”. Удалась. Ее совет в этом случае действительно оказался дельным. И заговорили мы о другом.

Начал я издалека.

— Вот, — говорю, — Федор Иванович, мы стали близкими, пусть всего лишь до конца пути... Завтра расстанемся. А я ведь так и не знаю, кто вы?

— Прямо как в чеховском рассказе: “По какой части служить изволите-с? В каком департаменте-с?” — тупо улыбаясь, он подражал чеховскому герою. — А вы, милейший, правы-с. Мне было куда проще увидеть, по какой части вы-с, — завершая сказанное неуместным диким хохотом, погрозил мне пальцем. И, тут же успокоившись, продолжал. Да так здраво, будто мы и не принимали ничего, кроме чая.

— О чем говорить? Вы же видите, — и, показав взглядом на полупустой рукав, продолжал отсчитывать на пальцах. — Сразу, как меня “списали”, был пастухом — раз. Затем сторожил на конеферме — два. И письмоносец, и киномехаником. Учительский техникум осилил с грехом пополам... Видите, пальцев на руке уже не хватает, кем я только ни служил. А всерьез определился — сельским библиотекарем. И вот уже несколько лет я возле

книг. Тут я, собственно, себя и нашел. Да поумнел вроде бы...

Протирая салфеткой очки, Федор Иванович покосился на опустевшую фляжку и виновато признался:

— В этом вот слабости... Налицо. А для меня, может быть, это даже радость, единственная после книг. А про искусство и вообще, как видеть красоту, из книг ведь набрался, из тех, что на селе не читают. Ну, а я вот пристрастился. Интерес занял и, кажется, понятие, — говорил он, будто беседа сам с собой.

Мне захотелось побольше узнать о жизни, о горестной военной судьбе этого человека. И я деликатно завел разговор о счастье и любви, надеясь услышать от него еще одну, похожую на ранее слышанные от других людей, оду о женской верности искалеченному войной любимому жениху. Или что-то в этом роде. Но сразу же понял, глядя на собеседника, что затронул его самую незаживающую душевную рану. Мой Онучин помрачнел и сразу как-то сник. Будто наощупь, добрался рукой до фляжки. Взболтал ее и требовательно предложил:

— Давайте-ко, Василич, закончим на этом.

Чувствуя себя виновником в перемене его настроения, я решил поставить оставшийся “резервным” шкалик коньяка и, со словами “Бог Троицу любит”, разлить.

— Для разговора, — сразу же оживился Федор Иванович. Посыпая хлеб солью, он продолжал:

— Вас я определил по инструменту. Явный признак художника — этюдник — так, кажется, он называется? Я читал, что музы искусства с Бахусом всегда в крепкой дружбе. Это и в жизни замечал. Знаю ваших... А вот меня по видимым приметам тоже всякий угадает. Инвалид ВОВ! — выкрикнул,

подскочив с места, Онучин и продолжал, опустив голову:

— Ладно... А мои невидимые приметы известны лишь мне, врачам и моим несчастным женам.

Тут он уставился на меня пристальным доверительным взглядом:

— Вот вы — фронтовик, а сразу-то и не скажете, что есть такое самое страшное ранение. А-а-а! А вот баба сразу скажет и назовет. И содрогнется, если приблизиться.

Федор Иванович говорил, не поднимая головы, спотыкаясь на слове, будто стыдился. Поняв, о чем идет речь, любой мужик оцепенеет. Встречным вопросом решил я отвлечь несчастного. Но он, не давая договорить, жестом остановил меня и перешел на “ты”.

— Постой, браток... Выслушай. Такое не часто услышишь. Это для меня, — он кивнул на остаток правой руки, — сущий пустяк. По сравнению с той бедой, которую мне уготовила судьба. Вернее, мина, на которой подорвался. Поверь, Василич, лучше бы сразу наповал. Отдал бы впридачу к руке и полноги, и даже глаз. Лишь бы не это. Ведь я мог бы свою первую осчастливить. Она ждала всю войну. Главное, была бы семья, детишки, внуки!

Потрясенный услышанным, я молчал, не мешая Федору Ивановичу продолжать его горестную исповедь.

— Знаешь, самой высшей наградой за войну считаю не ордена и не Звезду, хотя бы и золотую, а то, что вернулся живым человек с той бойни и еще способен произвести потомство. Ну, и вообще, познать тепло женщины, дать ей почувствовать, так сказать, вершину блаженства. А кому нужен я?! Со своим остатком! Поверь ли, одна из жен моих так и сказала, что любая иная для

И.В. Лежнин за работой

мужика – не потеря, окромя этой. Баба с юмором и выдавшая виды.

Эта анекдотическая нотка чуть разрядила трагичность ситуации, но было не до смеха.

– И она права, та баба, – продолжал собеседник. – Не зря же ей, той конечности, от сотворения мира, от Адама еще поклонялись. “О, божественный фалл-о-о-с!” – продекларировал Онучин из прочитанного им о Египте и продолжал просвещать меня своими познаниями в этом вопросе:

– В древности у восточных владык высшей мерой наказания для соперников и плененных вождей была не смертная казнь, а кастрация. мудро. И вроде бы гуманно. Однако же – это пытка до конца жизни. Да мне ли вам это рассказывать?

Как-то само собой в продолжение услышанного у меня сорвалось: “Вот бы Гитлеру такую кару”. Это почти отвлекло соседа от мрачных откровений. Но, посмеявшись, он серьезно обронил:

– Другому врагу, кроме Адольфа, такое не пожелал бы.

Тут я, чтобы Федор Иванович подальше ушел от личного, чистосердечно польстил ему:

– А немало ведь узнали вы, будучи библиотекарем!

На что он отреагировал без малейших признаков тщеславия.

– Любите книгу – источник знаний! – Онучин водрузил на переносе очки. – Горький есть Горький. А в моем случае книга еще и спаситель. Признаться тебе, не раз собирался я даже покончить с собой – одним махом... И спасала, поверишь ли, не дочитанная до конца книга. Подумал: что

же там дальше-то? Какова судьба героев? Дочитал до конца – и посветлело на душе-то. И снова живу. Как видишь. Вот, знаешь, пооткровенничал с тобой, и на душе полегчало. Такое бывает, когда собеседник не допросом, а молчаливым неподдельным интересом отомкнет ее и доберется до самого сокровенного. Тогда и сам выложишь весь накопившийся груз, тяготивший душу.

А у меня невольно созрел вопрос: – Неужели вы совсем-совсем один? Живы ли родители?

– Хорошо, что они не дождалась меня. Отец погиб под Сталинградом, а матушка, получив похоронку, “качнулась”, сказывают, разумом и вскоре умерла. Будь они живы, мои страдания стали бы для них пыткой. С годами я стал бывать на людях, а по молодости это мне не помогало, наоборот, жгучая зависть к парням-сверстникам сводила меня с ума. Девчонки смотрели на меня, как на вола, и шарахались. А сочувствия, Василич, я не терплю. Женская любовь – не для меня. Она изменчива. Дружба куда-а долговечнее.

Все это Онучин говорил уже спокойно, словно не о себе, а о ком-то, кого и в живых-то нет.

Разбирая ко сну постель, я думал, что и он последует моему примеру. Но нахлынувшая волна пьяной откровенности уже понесла его в воспоминания далекой фронтовой молодости.

– Схоронил я лучшего друга под Мясным Бором. Вот собрался навестить его, а то последние годы мне спать не дает. Вот, как ты, стоит рядом. Особенно приходит, когда я после встречи с Бахусом готов разом порешить с

собой. Друг тут как тут, руку мне на плечо. “Не дури”, – говорит. А я уж заснуть не могу. Он, Петька, стоит передо мной до петухов. Петька – по паспорту, а по прозвищу Рыжий Черт, – первым пал. Мне присоветовали к бабке Акулине обратиться. В нашем Прикамье есть такие святые старушки, от любой напасти лечат. Ездил к ней. Обо всем ей поведал. Выслушала, посмотрела на меня, будто с иконы. “Ты, говорит, Федя, успокойся и побывай-ко на могилке друга. Покайся ему, что не сберег его в тот смертный час”. Вот и еду к нему.

Тронув меня за плечо, полагая, что я задремал, Федор Иванович, до капли вылив остатки спиртного в свою фронтовую мерку, поднес к моим губам, упрощивая сквозь слезу:

– Уважь, Василич, первым. За упокой его души. Я тебе о нем все по порядку. Как мы служили, как дружили. Пока не одолеет сон, слушай!

Пригубив для приличия, со словами “царствие ему небесное”, я передал сосуд Онучину, заверив слушать его до утра. Хоть и пьян был он, а спросил озабоченно:

– Скажи, не сошел я тут сегодня с рельс?! Боюсь, не упрятали бы снова в психушку.

– Валяй, рассказывай. Все нормально.

Для красоты вступления он процитировал: “Дружба представляется мне единственным чувством, ради которого стоит жить”.

И далее, подняв указательный палец, с пафосом:

– Как сказано, а? Дюма-сын! Умница! Теперь о друге...

Воспоминания начинались с самой первой встречи на втором году войны, в запасном полку. Все знакомо, как у всех. Затем передовая, оборона, наступление, атаки, боевые эпизоды, ранения... Снова, как у многих. Дальше про то, почему друга Петьку прозвали Рыжим Чертом. И отважен был он, и рыжий, с обилием веснушек на лице. Онучин прилег, продолжая убаюкивать меня, восхищаясь смелостью своего друга.

В моем полусонном воображении то оживал, то растворялся образ не известного мне молодого солдата, похожего чем-то и на моего, тоже погибшего друга. Рассказ Федора казался то ли страшным сном, то ли бредом.

Перед рассветом проснулся я от знакомой мелодии. “Как много их-х, друзей хо-о-ороших, лежать... осталось... На безы-ы-мянной вы-ысоте...” Это метался в бессоннице несчастный Федор Онучин, один из ветеранов Великой Отечественной...

И.В. Лежнин. Тракторы

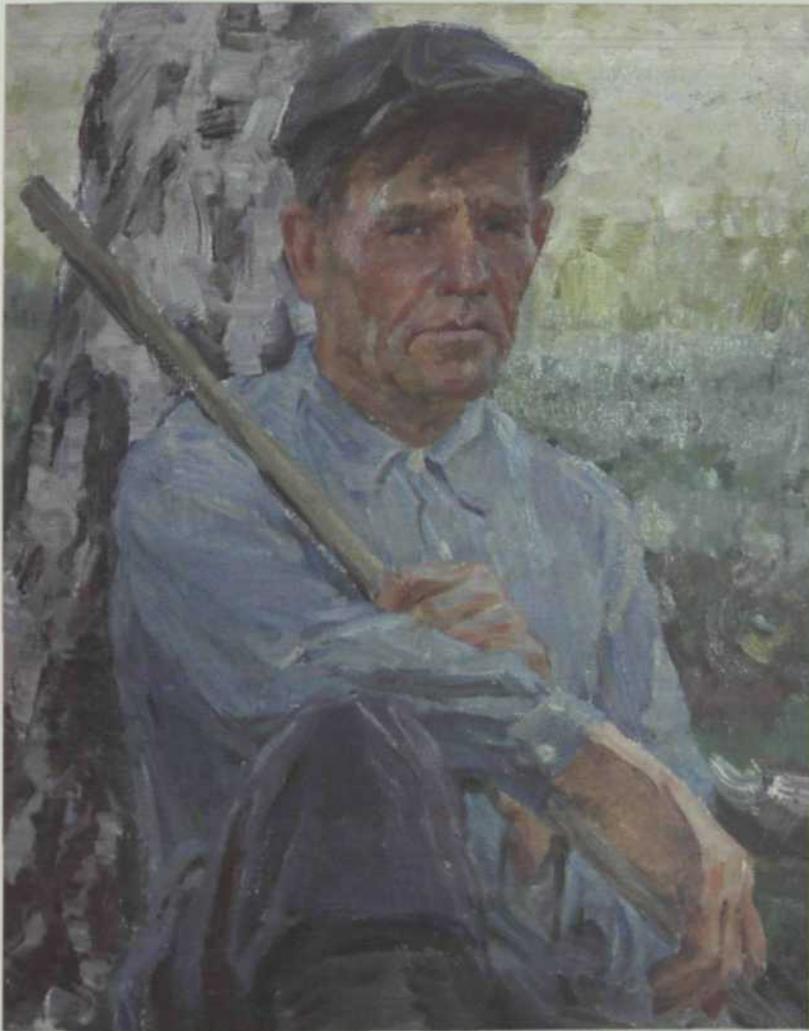
Портрет пастуха Кузина

Когда писался портрет пастуха Сергея Кузина, мне было 13 лет. Ради этой работы Иван Васильевич Лежнин приехал в Павловку и жил в нашей семье. Мне хорошо запомнился первый выход в лес – нас было трое: Иван Васильевич, отец – павловский художник Владимир Николаевич Зинин и я, подросток. Был жаркий летний день. Мы поднялись на гору Шихан, пересекли Маленький лес и вышли на лесное стойло, где стояло стадо. Помню, женщины приходили доить коров, мальчишка-подпасок собрал целую шапку клубники. При стаде находился пастух Сергей Кузин, которого Иван Васильевич начал писать на заранее подготовленном холсте. Отец тоже делал наброски с пастухов, в том числе и с Кузина.

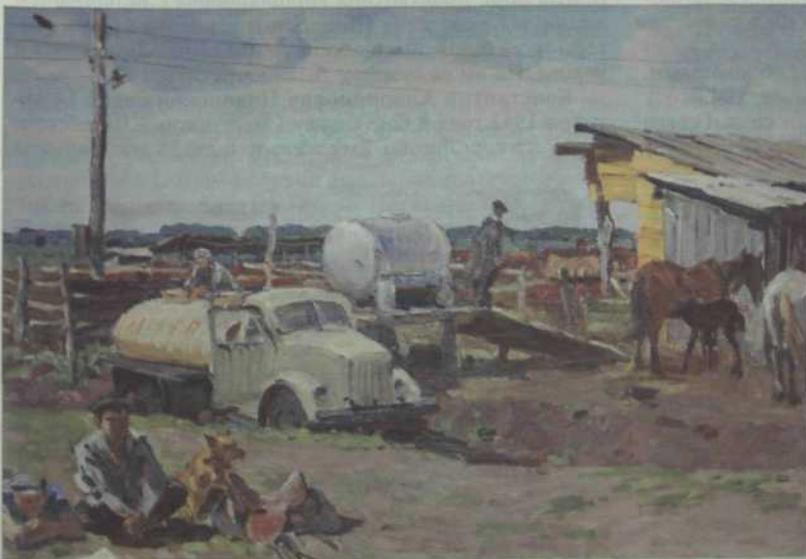
Иван Васильевич Лежнин работал несколько дней. Он уже один ходил на стойло и совсем не плутал в незнакомом для него лесу. Вечерами в альбомчике делал живые наброски голландским фетровым карандашом. На них изображены в основном дети: моя сестренка Валя, двоюродная сестричка Света, многократно рисовалась и моя голова. Еще были очаровательнейшие наброски девочки Тани Данилиной, что была старше нас и жила неподалеку. Незадолго до смерти Иван Васильевич обмолвился о “павловском” альбомчике и даже приглашал его посмотреть, но не удалось.

В пору написания портрета Лежнин был в хорошей физической форме, много ходил пешком, любовался природой. Человек удивительной мягкости, он быстро снискал симпатии павловчан. Особенно его полюбила наша бабья, которая подкармливала художника вкуснейшей пшенной кашей с маслом, после которой – смеялся Лежнин – очень сладко спалось. В дальнейшем Иван Васильевич, встречая меня в городе, всегда интересовался бабаниным здоровьем, а также здоровьем родителей и близких. Между Лежниным и моим отцом было длительное и какое-то особенное приятие. Иван Васильевич никогда не навязывал себя собеседнику, в разговоре больше слушал или спрашивал, искренне всем интересуясь. Но иногда он казался отстраненным, и было трудно понять, какие картины живописует его воображение. Наверное, именно в такие минуты и рождались новые полотна художника.

Александр Зинин

И.В. Лежнин. Пастух С.А. Кузин, х. м., 1965 год

И.В. Лежнин. Утренняя дойка, х. м., 1972 год

На конкурс "Фронтовая реликвия" продолжают приходить интересные письма и материалы. Среди авторов, приславших в редакцию журнала "Мономах" творческие сочинения, немало школьников и студентов, которые рассказывают о судьбах своих дедушек и прадедушек. Особой теплотой дышат сочинения Повериновой Анны (УлГУ), Захаровой Жанны (ср. школа № 3 г. Инза), Фалиной Анастасии (ср. школа № 3 г. Инза), Ильдимиркиной Инны (Старосахчинская средняя школа), Новиковой Михаила (ср. школа № 62 г. Ульяновск) и другие. Редакция благодарит всех авторов конкурсных сочинений, а также руководителя совета музея "Память" Инзенской средней школы № 3 Н.М. Жарову за преданность теме и патриотическое воспитание школьников; выражает признательность авторам фронтовых материалов И.Д. Шелякову и Б.Н. Петрову.

Присланные на конкурс материалы будут публиковаться в течение 2004-2005 гг., а в этом выпуске журнала мы знакомим читателей с отрывками из работы Мигуновой Елены.

"Треугольники" нашего дома

Солдатские письма... Письма с войны, с фронта. Почти в каждом доме хранятся пожелтевшие конверты и треугольники писем с фронтов Великой Отечественной. Относятся к ним трепетно, как к самому дорогому сокровищу. Время не властно над ними. Они не теряют ценности. Особенно письма тех, кто не вернулся с поля боя, кто сложил голову в бою с врагом.

Наша семья бережно хранит солдатские треугольники. Дорога память о близких и родных, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной. Их любили, надеялись на быстрое окончание войны и встречу... Верили, что наступит мир и придет счастливое, безмятежное время. Их ждали с победой. Ждали после Победы...

Мой прадед **Константин Андриянович Полонский** родился 5 марта 1905 года в г. Уфа. Его отец, Андриян Ксенофонтович Полонский, всю жизнь работал железнодорожником на станции Уфа. Мать Анна Федоровна занималась воспитанием детей.

Константин Полонский ушел на войну добровольцем. Он попал на Белорусский фронт. В суровом 1943 году здесь шли жестокие бои. Горели города и села. Горела Смоленщина.

Супруги Константин и Нина Полонские

Слева направо: Константин, его дед, мать Анна Полонская, сестра Валентина, отец Андриян Полонский, брат Сергей

*Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди...*

Когда я читаю это стихотворение Константина Симонова, то представляю, как осенью 1943 года мой прадед Константин шел по непролазным дорогам Смоленщины, прижимая к груди автомат, а в кармане его гимнастерки лежало неотправленное письмо домой, в город Ульяновск, на тихую, зеленую, родную улицу Пушкинскую, дом 19. В этом доме Константина Андрияновича с нетерпением ждали любимая жена Нина Дмитриевна (она была учительницей начальных классов) и два сына – Владислав и Роальд. Но им не суждено было встретиться...

Константин Андриянович Полонский погиб 14 октября 1943 года в бою между Смоленском и Витебском, около станции Лиозно. Ему всего-то было 38 лет. Овдовела

Дом Полонских, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 19

Дети К.А. Полонского
Роальд и Владислав, 1938 год

К.А. Полонский

Петр Прокофьев, 1943 год

молодая жена, осиротели сыновья. В их памяти отец навсегда остался таким, как запечатлен на последнем снимке. Один из сыновей Константина Андрияновича – Роальд – стал впоследствии моим дедом.

Дороги уходят все дальше на запад. Угрюмо идут по дорогам войны товарищи моего прадеда. Печаль и скорбь охватывают их сердца, когда они думают о друзьях, оставшихся лежать в земле, далеко от отчего дома. Оставшиеся в живых поклялись на могиле своего боевого товарища отомстить за смерть и пролитую кровь и дали клятву дойти до Берлина. А кто из них дойдет до родного дома?

В первый же день войны на фронт ушел старший брат моей бабушки – **Петр Иванович Прокофьев**, уроженец села Кивать Астрадамовского района (ныне Сурского) Ульяновской области.

Петр родился 20 января 1922 года. Он был старшим сыном в многодетной крестьянской семье. Его необыкновенные способности и трудолюбие поражали не только близких, но и соседей. Родители возлагали на сына большие надежды.

В родном селе Кивать Петр закончил четыре класса, так как в селе была только начальная школа. Потом ходил в школу в соседнее село за несколько километров от дома. Среднее образование получил в школе-интернате в Ульяновске. Петр с гордостью носил пионерский галстук, потом стал комсомольцем. Еще будучи ребенком, он бредил звездами, взахлеб читал книги по астрономии. На крыше родного дома своими руками смастерил телескоп и ночами частенько любовался небом. Посмотреть в телескоп разрешалось только сестренке Лизе (впоследствии она вышла замуж за Роальда Полонского и стала моей бабушкой). Петр частенько что-то мастерил. Сам сделал себе и младшему брату коньки, была у него даже самодельная электрическая лампочка.

Жили очень бедно, почти впроголодь. Отца Ивана Степановича семья потеряла во время сталинских репрессий еще в 1937 году. Он по надуманному политическому обвинению по ст.ст. 58-10, 59-11 был сослан в концлагерь в г. Томск сроком на 10 лет, но, как выяснилось уже в перестроечное время, в том же, 1937 году расстрелян (в 1965 году И.С. Прокофьев признан невиновным и полностью реабилитирован).

После школы Петр собирался поступать в Московский университет. Свою жизнь он хотел посвятить астрономии. Но, незадолго до начала войны, ушел служить в армии лучший друг Петра – Михаил, который был старше его на

год, и Петр твердо решил идти служить в армию вместе с другом. Он написал заявление, в котором попросил, чтобы его призвали служить в армию досрочно. Вскоре началась Великая Отечественная война, и Петр оказался на фронте.

Дома остались ждать мать, Матрена Осиповна, братишка Василий, сестры Елизавета, Анна и маленькая Евдокия, которой не было и четырех лет.

Семья фактически осталась без кормильца и с трудом переносила тяготы военного времени. Петр очень переживал, что матери тяжело одной с маленькими детьми. На ее плечах и полном иждивении оставались еще и двое больных старушек. Это были тетки отца. Одна – слепая, у другой были больные ноги... Чтобы семья могла как-то существовать, Петр прислал с фронта свой аттестат.

Моя бабушка Елизавета Ивановна вспоминала, как они вместе с мамой провожали Петю в армию до соседнего села. Он всю дорогу оглядывался в сторону родного дома, как будто хотел проститься с любимой березкой, которая росла рядом с домом.

Из отчего дома на фронт летели письма. Родные писали: "Любимый братка Петя, ждем тебя домой с победой!"

В ответ в село Кивать приходили теплые письма. В конце 1942 года Петр прислал родным фотографию. На обороте – надпись: "На память маме, брату и сестрам от Пети. 1 сентября 1942 г., фронт". Молодой и красивый, он смотрит на нас с этой фотографии.

В конце лета 1943 года семья получила от Петра последнее письмо с фронта.

Пишу я вам в землянке у огня.

Колени – стол дубовый для меня.

За полчаса до боя вам пишу.

Поведать близким обо всем

специу.

Вода кипит в армейском котелке.

Орудия гремят недалеко.

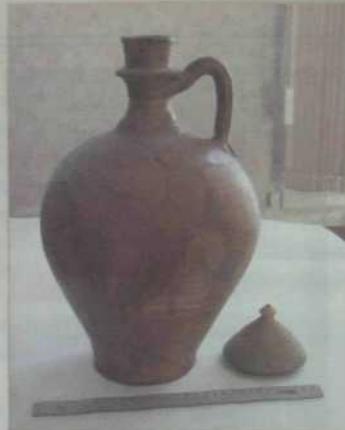
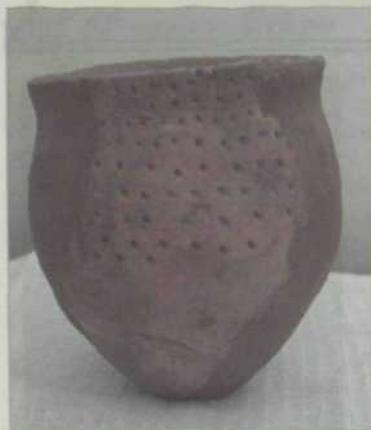
Что вам сказать? Я ринусь

в бой сейчас

За Родину любимую, за вас.

Вскоре мать, Прокофьева Матрена Осиповна, получила похоронку на сына. "Бойцы и командиры поклялись у могилы Вашего сына отомстить за своего лучшего боевого друга", - писали товарищи Петра.

Брат моей бабушки **Петр Иванович Прокофьев погиб 9 августа 1943 года** в бою за село Сорокино Орловской области. Ему шел 21-й год...

Заповедные тайны

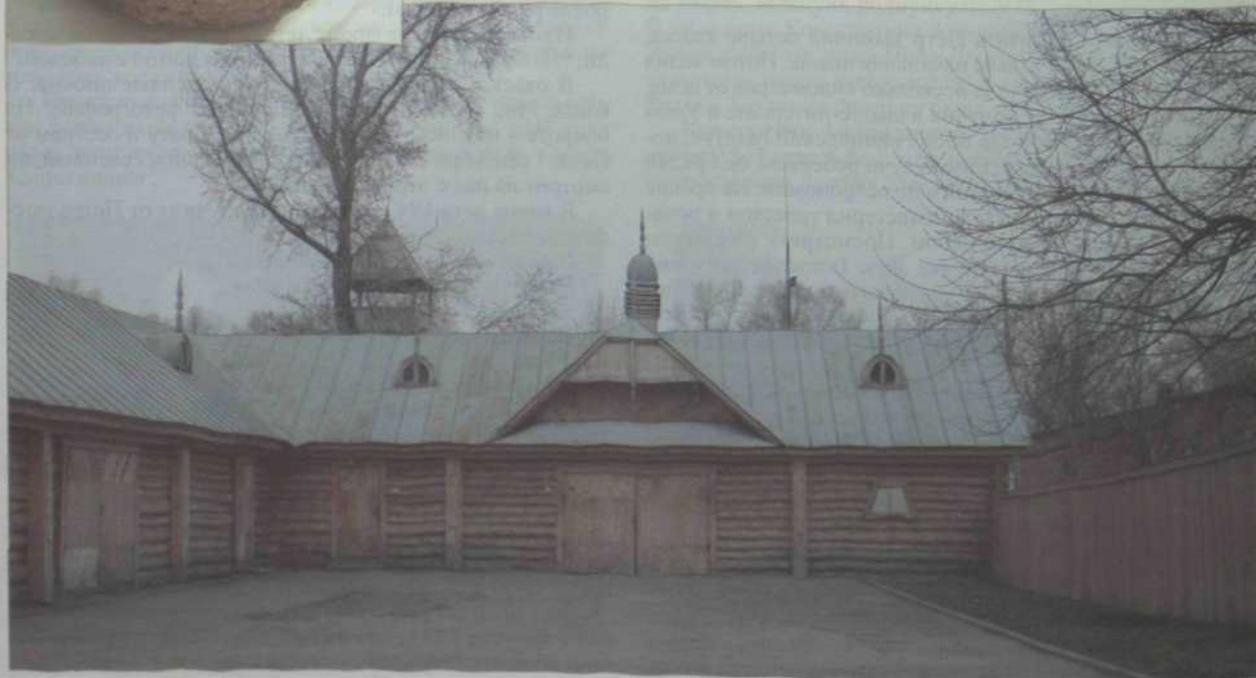
В то время, как правительство ломает голову над тем, кто должен финансировать учреждения культуры и обсуждает вопрос о приватизации музеев, в Ульяновске развивается музейное дело. Тон и темп задает заповедник "Родина В.И. Ленина". Правда, нет-нет да услышишь от кого-либо из научных сотрудников: вот, мол, создаем, силы вкладываем, а наверху примут необдуманное решение – и все рухнет в одночасье!

Несмотря на слухи и тревожные предчувствия, музеи живут, растут, ширятся, а заповедник рождает один за другим новые и смелые проекты. Сотрудники заповедника работают над созданием новых экспозиций.

Так уникальные находки, обнаруженные на территории Ульяновской области, планируется представить в

будущем музее археологии. В перспективе – открытие музеев симбирской типографии и симбирского купечества. Предстоит огромная научная, творческая и собирательская работа в течение долгого времени.

Не обо всех богатствах Государственного историко-мемориального заповедника "Родина В.И. Ленина" поведал своим читателям журнал "Мономах" – слишком много тайн осталось за пределами его страниц. Чтобы постичь их, нужно постучаться в каждый из музеев. Здесь вам гарантирован доброжелательный прием. Сотрудницы заповедника с радостью встретят всех посетителей: "Здравствуйте! Мы счастливы видеть вас! Надеемся, что наше общение станет интересным и полезным".

(выходит четыре раза в год)

Главный редактор

О.Г. Шейпак

Зам. главного редактора

С.С. Юрьев

Редакционная коллегия:

Л.С. Янушевская

(выпускающий редактор)

О.В. Иваненкова

(художественный редактор)

В.М. Гаврилов

Н.Ю. Рачкова

И.И. Буганина

Редакционный совет:

В.Н. Егоров

(председатель)

А.Ф. Гарина

Т.Ф. Верещагина

О.Е. Бородина

В.А. Перфилов

А.П. Рассадин

Е.Н. Сергеева

Л.Н. Нецветаев

Р.Г. Азбукин

А.С. Сытин

А.В. Зинин

Учредители:

Управление по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций администрации
Ульяновской области;

ОГУ "Редакция "Народная газета"

Адрес редакции: 432011, Ульяновск,
а/я 9826 (пл. 100-летия В.И. Ленина, 1,
Мемцентр).

Тел: 44-19-31.

Издание зарегистрировано

Поволжским межрегиональным

территориальным управлением

(г. Самара) 06.06.02, рег. ПИ №7-1393.

Подписано в печать 07.07.04 г.

Формат 60x84 1/8;

усл. печатных листов 7, 44

Тираж 2500 экз.

Заказ № 2082

Набор и верстка заказчика.

Вывод цветных фотоформ

ГУП "Печатный двор".

Отпечатано в соответствии с
предоставленными диапозитивами.

Областная типография

"Печатный двор",

ул. Пушкирева, 27.

Материалы предоставлены
ГИМЗ "Родина В.И. Ленина"

Фото В.Е. Панова

На обложке - фото А.С. Сытина

20 лет ГИМЗ "Родина В.И. Ленина"

Сохранить для потомков	2
В ряду государственных заповедников	4
Схема ГИМЗ "Родина В.И. Ленина"	5
В. Радаев. Это вам не какая-нибудь	
Шатальная!	6
"Город - это большая, умная книга"	8
Нескучное дело	10
Искатели сокровищ	12
И. Буганина. Колыбель чувашской культуры ...	24
В. Михайлова. Цветовая палитра российского	
образования	26
Т. Еперина. Дом на Московской	28
Мелочная лавка	30
И. Буганина. Столярная мастерская	31
Пограничный город	32
Окно в большой мир	34
Дом хорошей погоды	36
О. Волкова. Поэзия городского быта	38
Воплощенная в красках молитва	39
О. Иваненкова. "Симбирская фотография"	40
Заповедные тайны	64

Наше наследие

В. Егоров. Родина двух революций	14
Л. Австанчикова. О Симбирске с любовью	16
Потомок знатного рода	19
Из книги воспоминаний И.Г. Глинки	20

С уважением к прошлому

С. Петров. Несостоявшийся музей	43
Яркий луч, освещающий все уголки	44
Мордовские просветители	46
Л. Козлова. Прадел	49
А. Троепольский. Когда ты нужен	52

Прекрасное - рядом

Живая глина	56
-------------------	----

К 60-летию Победы

И. Лежнин. Исповедь в пути	58
А. Зинин. Портрет пастуха Кузина	61
Треугольники нашего дома	62

Подписной индекс 73844

Подписаться на журнал "Мономах"
можно в любом отделении связи.
Стоимость подписки на полугодие
56 рублей.

Наши попечители:

